

Или это

ПЕРЕЖИВУ

Журавликова

16+

Наталия Журавликова

Я и это переживу

Серия «Верхом на апельсине», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65973117

SelfPub; 2022

Аннотация

Ирина мечтает об идеальной семье и в красках рисует своё будущее в деталях чуть ли не с детства. Но реальность никак не хочет соответствовать красивой картинке. Замуж её угораздило выйти за "мамсика", свекровь портит нервы не только при жизни, но и после. Мало того, абсолютно несусеверная Ира начинает то ли сходить с ума, то ли верить в переселение душ. Разобраться ей поможет "эзотерических дел" журналистка, которая после череды неудач и разочарований в профессии, кажется, нащупала настоящую мистику.

Содержание

Часть 1	4
1.	4
2.	46
3.	79
4.	115
Часть 2	147
2.	181
3.	214
Часть 3	292
1.	292
2.	319
3.	351

Наталия Журавликова

Я и это переживу

Часть 1

1.

– И что мой сын в тебе нашёл? – спросила она в который раз, с этим своим прищуром, который, казалось проецировал на тебя изображение какого-то гадостного уродца.

По крайней мере, Ирина так чувствовала. Перед ней стоял воплощённый кошмар молодых жён, словно все страшилки про злых свекровей собрались воедино, по недоброму замыслу какого-то безумного гения скачались из интернета и приняли человеческий облик идеальной Свекобры.

Ире бы подождать, когда после своего риторического вопроса с разглядыванием Анна Викторовна традиционно повернётся к ней тылом и уберётся из комнаты, сгибаясь под труднопереносимой ношей материнского разочарования. Но Ира вдруг не смогла. Имеет право. Устала от «всего этого», да и гормоны у неё, ПМС, как хотите. Строптивная неудачная невестка вздёрнула подбородок под острым углом и с вызовом припечатала:

Анна Викторовна умела глянуть так словно мало того, что видела перед собой некую склизкую дрянь, эта оптическая иллюзия продолжала жить на твоей коже, даже когда свекровь уже махнула рукой, отвернулась и ушла, смирившись с неизбежным. С тобой, тварью скользкой.

– Видно, нашёл то, чего у него никогда не было. Понимание, любовь и счастье.

На старую ведьму эта фраза произвела эффект пощёчины. У неё даже щека вдруг локально покраснела, Ирина сама видела.

– Любовь? Счастье? Девчонка, да что ты об этом можешь знать? – сказала свекровь с бешенством. С такой яростью, что даже не прокричала это, а проскрипела, не разжимая зубов, будто боялась, что изо рта её вылетит спавший до этого в утробе язык пламени. И спалит не только взбунтовавшуюся невестку, но и заработанную тяжким трудом жилплощадь.

– Да уж побольше вашего, – со скоростью пулеметной очереди ответила Ира. Не задумываясь, отважно, будто в бане на себя шайку ледяной воды вылила. Только что глаза не закрыла. – Я всё-таки замуж вышла, чтобы мои дети в полной семье росли.

И тут Ирине глаза закрыть всё-таки пришлось. Потому что злобная ведьма плеснула ей в лицо остатки чая (хорошо хоть, тёплого, не кипяток). Чай, зеленый, с жасминовым ароматом, до этого находился в цветастой кружке с глуповато-игривой надписью «Кто тут у нас леди-босс?», а кружка,

соответственно, в руке Анны Викторовны.

Ирина почувствовала, что задыхается. Словно её не чайком (листовым, между прочим) окатили, а ядом с парализующим эффектом.

Обе дамы поняли, что беседа зашла совсем уж не в то русло, и для них пройдена точка невозврата. Пока Ирина хватала ртом воздух и обтекала, во всех смыслах, Анна Викторовна резко развернулась и пошла на кухню. Мыть кружку.

До того памятного вечера отношения у Иры со свекровью были прохладными. После – атмосфера резко накалилась и в итоге взорвалась. Что стало причиной ссоры, которая повлекла за собой чайный душ? Да сущая ерунда, по мнению Ирины. Она забыла купить в магазине батон.

Да-да. Шла домой с работы, заглянула в магазин, всё купила, а любимый нарезной белый хлеб для Анны Викторовны и не взяла! Вот и как ей теперь свой бутерброд с сыром употреблять? И неважно, что свекровь, особа ещё далеко не ветхая, сама бы могла за хлебушком-то метнуться, чего ждала, спрашивается? Слово за слово, и дамы дошли до стадии «Что он в тебе нашёл?» И обратно произнесенных эпитетов, как и разлитого напитка, уже не засунешь.

Ситуация у Ирины была самая обычная, сотни тысяч раз описанная во всяких блогах, потому как тема «свекровь-курва» неизменно набирает просмотры и комментарии. А значит, если нет плохой свекрови, её следует придумать. Ира так и сама считала, выходя замуж. Как оказалось, народная

молва не врёт. Невеста и свекровь – вечные антагонисты.

Да, жили Егор и Ира на территории его матушки. Нет, не было никаких «долек» в квартире, трёхкомнатные хоромы принадлежали исключительно ей одной. Впрочем, до совместного проживания будущая свекровь казалась восторженно настроенной и влюблённой Ире женщиной героической. Может, она таковой и являлась.

Но... вы пробовали с героями жить? Не восхищаться их подвигами, а просто жить день за днём, давясь их идеальностью. Или, наоборот, подмечая, что до совершенства-то тут очень далеко, скорее, даже перекося на одну сторону, в ущерб всем остальным.

Анна Викторовна вырастила Егора одна. Так начинаются все трагические истории о несчастливом замужестве с «мамсиками». Милая гостеприимная женщина, которая при знакомстве с дамой сердца сына больше присматривается, чем говорит, в совместном быту превращается в адского Цербера.

Сын, во имя которого на жертвенный алтарь были принесены лучшие годы жизни матери, вдруг оказывается не божеством, а таким же служителем культа жертвы, как и эта самая мать. Словом, вляпалась Ирочка по самые реснички в токсичные отношения с матерью мужа.

Анна Викторовна женщиной была интересной и образованной. Ещё год назад она работала завучем в хорошей школе, отсюда и «леди-босс».

Сейчас находилась на честно заслуженной пенсии, на которую отправилась в возрасте без малого 63-х лет. Раньше не могла по причине кадрового голода, хотя школьная жизнь изрядно её утомила. Егорушка родился у Анны Викторовны, когда та уже благополучно разменяла 36-й год своей жизни. То есть, в возрасте вполне зрелом. И появился на свет он лишь по материнской инициативе, она даже замуж за его отца не сходила.

Тот был мужчиной неплохим, но слегка инфантильным, хотя и старше Анны Викторовны на пару годков. Когда возлюбленная обрадовала его благой вестью, Семён Петрович искренне её поздравил и задумался на две недели.

А по прошествии этого времени вдруг спросил: «Что ты, Нюша, решила?» Как оказалось, для семьи, брака и отцовства Сёма ещё не созрел, и потому не видит их общего будущего. Анна Викторовна, у которой уже начинались гормональные бури, впервые за всё время их пятилетних отношений выразилась с использованием обценной лексики, а проще говоря, послала его по известному адресу. Тонкая натура Семёна Петровича такой метаморфозы, произошедшей с лексиконом его любимой женщины, учительницы русского языка и литературы, не вынесла.

Так пара и рассталась. Содействовать Анне Викторовне в выращивании сына, как материально, так и морально, Сёма не смог, по причине тонкости своей душевной организации. То ли он тоже не сразу разглядел деструктивную горгонову

натуру под безыскусным макияжем работницы сферы образования, то ли та действительно очень изменилась, став матерью.

С работой у Семёна Петровича были постоянные проблемы, его то сокращали, то на очередном предприятии случался кризис, и финансово поддерживать растущего сына он не мог. А горячую отцовскую любовь выражал, в основном на расстоянии, по телефону. И то, когда таковой у строгой родительницы появился. Мобильных-то в те времена не было в обиходе. Боялся он подойти к Анне Викторовне на расстояние укуса. Да и вообще, он женился, когда Егору исполнилось четыре. И женился, как понимаете, не на его матери, скороспело дозрев до официального брака. Отцовская карьера Сёмушки закончилась, так толком и не начавшись, так как молодая (но не юная) семья переехала в другой город.

Вот такая нелегкая психологическая наследственность сложилась у Егора Остроухова, за которого и угораздило Ирине по огромной любви выскочить. Честно говоря, теперь Ира Семёна Петровича прекрасно понимала. Она его видела пока только раз, на их с Егором свадьбе. Виновато улыбающийся мужчина, который неловко обнял сына и бочком обошёл бывшую сожительницу. Он подарил молодым конверт, в котором лежало 50 тысяч рублей и расплакался, когда сын сказал ему: «Спасибо, пап».

Теперь Ирина считала, что Анна Викторовна просто не позволила бы Сёме стать отцом. Делить с ним сына? Да ни в

жизнь. Лучше уж самой пахать на работе, брать подработки, репетиторствовать, обеспечивая достойное детство сыну, но при этом быть единственной его путеводной звездой.

Как они вообще познакомились, и как Ира, такая разумная (ей хотелось в это верить) не разглядела махрового мамсика?

Она тогда только выпустилась из института и искала работу, ходила по собеседованиям. И однажды, сидя в ожидании очередного HR-специалиста, увидела молодого человека с грудой коробок. Он пытался открыть дверь спиной, а дверь сопротивлялась. Коробки начали соскальзывать и вот-вот упали бы, но Ира порывисто вскочила с занимаемого ей кожаного дивана и красиво, на лету, подхватила целых две упаковки. Что там было внутри, она не поняла. До того, как упасть, коробки в аккурат закрывали голову несущего их человека. А сейчас она оказалась не забаррикадированной.

– Здравствуйте, – поздоровалась голова, – спасибо, что поймали мои расходники. Им вредно падать.

– Пожалуйста, – улыбнулась Ира. И видимо, как-то особенно удачно улыбнулась.

Когда она вышла с собеседования, Егор её ждал.

– Вы не подумайте, – сказал он, – я не сталкер и не маньяк какой-нибудь. Просто мне очень хочется кофе. А вам?

Ира кофе тоже хотела, так они и познакомились. В компанию эту она так и не попала, на должность взяли кого-то с опытом и вообще родственника одного из администрато-

ров руководства. Как оказалось, и собеседования-то проводились для «галочки», чтобы официально был конкурс, который нужный человек и «выиграл».

В ту первую встречу, когда Ирина помогла Егору с коробками, она решила, что он курьер. Да, одет элегантно и вообще выглядит хорошо, но просто следит за собой человек, вот и всё. И она на тему профессии с ним старалась говорить очень осторожно, чтобы не обидеть ненароком. Нет, она хорошо относилась к младшему обслуживающему персоналу, но вдруг он комплексует? Ведь об имидже вон как заботится. Он сидел напротив, такой обаятельный, улыбчивый шатен с невероятно голубыми глазами, при костюме, только что без галстука. Делал комплименты, очень интеллигентные, и вроде даже смутился немного. Ира таяла. Потом он извинился, сказал, что ему надо бежать на работу, попросил её номер телефона. Ирина решила, что его на очередную доставку вызвали, а номер свой дала. Подумаешь, курьер, зато вон какой симпатичный. Выглядел Егор и впрямь молодцом. Подтянутый, высокий и стройный, фигура и выправка выдают человека, который о спорте знает не понаслышке. А ещё у него очень красивые руки, с длинными изящными пальцами. Немного беспокойными пальцами. То по столу как бы постукивают, невесомо касаясь подушечками поверхности, не извлекая из неё звуков, то салфетку трубочкой скручивают. Но выглядит это мило, вовсе без нервозности. И речь у него правильная, с богатым словарным запасом. Словом, во

всех отношениях приятный парень.

А дальше началась их переписка по мобильному мессенджеру. С картинками, милыми стикерами, пожеланиями утра-вечера-ночи. И в этой переписке выяснилось, что Егор в той самой компании, куда её не взяли, работал руководителем отдела информационных технологий. А коробки эти были новым оборудованием, которое он давно заказал и очень ждал, поэтому сам поторопился в кабинет к себе утащить, как получил. Потом они смеялись над тем, как Ира его приняла то ли за грузчика, то ли за курьера.

На третьем свидании Егор сказал Ирине, что до сих пор живёт с мамой. Ира к тому времени уже была влюблена по уши, придумала имена их с Егором общим детям, и немного после такой информации напряглась.

– Я знаю, что ты сейчас можешь подумать, – кивнул Егор. – Мужу 26 лет, а он до сих пор на своё жильё не накопил. Это так. Я себе автомобиль купил хороший, а вот личные хоромы – никак. Но я коплю, понемногу, правда. Иногда хочется всё бросить, и мотнуться куда-нибудь на край Земли, и я бросаю и мотаюсь... в отпуск. Путешествовать очень люблю.

Ирина тогда поняла, что её новый кавалер больше ценит в жизни впечатления и развлечения, чем недвижимость. Но решила, что это всё по молодости. Мужчины вообще дольше взрослеют, чем женщины. Особенно, если мама их с детства балует и пылинки сдувает. Ира была другая. Когда ей испол-

нилось 18, она из родного дома упорхнула, да и из города тоже. В институт поступила, ей общежитие дали, где она до недавнего времени и жила. Подрабатывала всё время, деньги откладывала, чтобы после института было на что хотя бы комнату снять. Когда они с Егором познакомились, Ирина это намерение исполнила как раз, и жила в трёхкомнатной квартире вместе с двумя бывшими однокурсницами, Олей и Веруней. А если бы родители рядом были, то разве ж отказалась бы с ними жить? Нет, конечно. Вот и Егора она не осудила. Ну, не видит он необходимости сейчас отдельно от мамы существовать. На работе постоянно пропадает, а отношений у него серьезных и не было. Это сейчас Ира появилась, и теперь всё, конечно, по-другому будет. Он и о будущем задумается, как положено. Дом построит и дерево посадит. Даже два. И сына она ему родит, и двух дочек ещё. Дочку она с самого детства хотела. Маленькую, аккуратную, с двумя косичками. Когда Ире было семь лет, ей тётя, а по совместительству, крёстная, подарила удивительно красивую куклу. Нет, у неё и до этого были хорошие игрушки, но эта – прямо совершенство. Иришка её тут же «назначила» в дочери, назвала Ульяной, хоть на этикетке и значилось «Кукла Ангела». И представляла себя мамой, ухаживала за игрушкой, купала, стирала одежду, книжки вслух читала по слогам. Даже когда Ира повзрослела и остальные её куклы разошлись кто на помойку, кто в семьи знакомых с детьми, Ульяна с ней осталась. И даже сейчас в Пензе, в родительской квартире

проживает. Сидит на кровати в бывшей Ириной комнате. И обязательно когда-нибудь её возьмёт в руки настоящая, живая девочка Уля с косичками-бантиками, и крепко прижмёт к себе, принимая материнскую эстафету...

Как раз после того, третьего свидания они впервые поцеловались, гуляя по набережной. Ира подозревала, что не живи он с матушкой, после этого последовало бы и продолжение. Но на тот момент его пришлось отложить. Как студенты, честное слово. Или того хуже, старшеклассники. Но это она сейчас может оценивать, на ту пору критическое восприятие у неё отключилось начисто. Через пару недель он устроил романтический совместный выезд в Ярославль, погулять по историческим местам. И, разумеется, не только ради этого. Номер им украсили, как для молодожёнов. Она и не подозревала, что в российских гостиницах такой сервис может быть. Собственно, она в них и не бывала до знакомства с будущим мужем. Обстановка совершенно недвусмысленно заявляла о намерениях кавалера, Ира ничего против не имела. После того, как влюблённые насладились видом достопримечательностей древнего города из корзины воздушного шара и обрели достаточно приподнятое настроение, их ждал изысканно сервированный ужин. Но Ира к тому времени успела лишиться аппетита, в волнительном предвкушении предстоящего прорыва в их таких ещё незрелых отношениях. Так что некоторые блюда остались нетронутыми, а вино сам Егор открывать отказался, многозначительно намекнув, что пред-

стоящий вечер хотел бы смаковать если не в здравом уме, то в трезвой памяти.

И было в их первом по-настоящему близком свидании нечто невообразимо трогательное, похожее на радость нового открытия. Сердце её так подпрыгивало, словно готово было сменить дислокацию, она практически чувствовала его где-то у горла, хоть это анатомически невозможно. Пожалуй, настолько насыщенных ощущений от каждого прикосновения, взгляда, поцелуя у неё с тех пор и не было. А ведь оба к тому моменту не были совсем уж зелёными юнцами. Правда, у Иры чисто физического опыта оказалось куда меньше, до Егора в её любовном портфолио маялся лишь один полудетский роман, с Павликом, парнишкой на два курса старше, пару лет назад. Вместе они были месяца три, и расстались, потому что ухажёр решительно не смог оставаться в столице, а отбыл на историческую родину куда-то под Мурманск. Оба тогда плакали и обещали обязательно когда-нибудь встретиться. Но как-то всё само собой забылось. Прочие контакты с противоположным полом у Иры дальше поцелуев не заходили, по причине её высоких идеалов. Этим и объясняется эмоциональная буря, бушевавшая у неё в груди, когда дело с Егором дошло до интима.

Помнится, тогда она ему сказала, что любит, и застыла, ей это тут же показалось глупым и напрасным. Они же современные люди, жители мегаполиса, ну кто так вот сразу признаётся в любви после первого секса, да и вообще влюбляет-

ся. Легче надо ко всему относиться. Но чудеса случаются, и в ответ она тоже услышала признание. Он так и ответил:

– Ведь это же я хотел сказать. Я тебя люблю. С тех самых пор, как ты остановила время, чтобы поймать мои коробки с расходниками.

Вот так красиво и чувственно (аж зубы теперь сводит) у них всё и началось. А после объятий и всего, что за ними следовало, Ира ощутила просто волчий голод. Вот оно, аукнулось то самое отсутствие аппетита перед погружением в океан любви. Пришлось им одеваться и разыскивать, чем подкрепить угасающие силы прекрасной дамы. Так что изобразить скромную девушку, которой достаточно половинки рисового зёрнышка, чтобы наесться, Ирине при всём желании бы не удалось. Он тогда нежно и совсем необидно над ней подшучивал. Егор, как он потом ей говорил, совершенно не ожидал от девушки с её внешностью такого неподдельного волнения, робости и неискущённости, чем был очарован донельзя.

Через три месяца свиданий Егор познакомил даму сердца с мамой. И (о боги!!!) Анна Викторовна Иру просто покорила. Вопросами бестактными не атаковала, фотографии сына на горшке не показывала, даже спокойно отнеслась к тому, что Ирина – приезжая. Да, слишком горячего участия к ней тоже не проявила, ну так они не родственники пока.

Егорова мама оказалась чуть полноватой (совсем немного, даже можно сказать, в меру) женщиной среднего роста,

с волосами платинового цвета. То ли седина у неё такая, то ли подкрашивает, с первого взгляда сразу не разберешь. Это потом Ирина узнала, что за цвет волос свекрови отвечает мастерица Анжела. Прическа аккуратная, уложенное каре. Вполне спокойная и миловидная, ну, может выражение лица несколько властное, так ведь столько лет проработала учителем и завучем. Да, общалась она, пожалуй, слегка настороженно, но беседа походила не на допрос, а скорее, на расширенное интервью. Анна Викторовна явно задалась целью составить впечатление о кругозоре девушки своего сына, понять, чем та живёт, читает ли книги, и если да, то какие. Как относится к работе, любит ли поездки на природу.

Ира тогда охотно информацией делилась, и ей даже показалось, что собеседование у мамы любимого она прошла успешно. И ещё подумала, что хозяйка дома в своём праве в ней сомневаться, Ира постоянно сталкивалась с поднадоевшими ей стереотипами, что симпатичная блондинка не может быть глубокой личностью.

Иногда её сходу записывали в пустышки, ей и несколько предложений о работе пришлось отместить, поскольку потенциальное руководство слишком уж игриво было настроено, и даже дипломом не интересовалось. Почему незнакомая осторожная женщина с педагогическим «бэкграундом» должна проявить к ней безоговорочное доверие?

А дальше они не особенно и пересекались. Не хотела Ира ходить на ночные свидания к Егору в присутствии его мамы.

Звала парня к себе. Хотя на территории она и не одна проживала, зато «по-взрослому», на съёме.

Честно говоря, какое-то время девушка рассчитывала, что кавалер её наконец задумается, как бы обеспечить комфорт для встреч. Но его и дальше вполне устраивали интересные туры выходного дня, хотя на постоянной основе это вылетало куда дороже съёмной квартиры в центре. То он её в загородный отель увезёт, то на праздники поездку в Санкт-Петербург организует, или куда подальше.

Вот и получается, что будней они вместе не видели, конфетно-букетная любовь у них была, по сути. А ещё он иногда её на мотоцикле катал. Да-да, был у него, помимо собственного авто, ещё и конь железный. И как мама завести такого разрешила? Первый раз Ире было страшно очень, особенно на скорости. Но потом даже привыкла.

Забавно, что лучшим друзьям он её представил позже, чем Анне Викторовне. Вот ей тогда бы удивиться, да? У них сложилась компашка ещё со школьных времён. С двумя учились вместе в младших и средних классах, с тремя – в старших. Егору пришлось разок школу сменить, вместе с переездом. Всё это показывало, какой он постоянный человек, дорожит связями и умеет быть верным.

Ира влюбилась ещё больше, если это возможно. Первая встреча с компанией состоялась на пикнике, правда, очень благоустроенном, если можно так сказать. Егор и товарищи знали толк в совместном отдыхе, и привезли с собой всё

необходимое. Да и вообще это был больше кемпинг, чем пикник с барбекю. Кроме Иры, присутствовали ещё трое девушек, одна тоже «новенькая». Мужчины звались Олежка, Серый, Мирон, Рустам и Жека. Увидев Иру, Мирон одобрительно присвистнул и пожал Егору руку, а Серый показал ему кулак, мол, веди себя прилично.

– Ты её с конкурса красоты что ли увёл? – не успокаивался Мирон.

Ире это польстило, но было слегка неудобно перед остальными спутницами. Вряд ли она у них особую симпатию после такой встречи вызовет. В целом поездка выдалась удачная, и общение компанией они продолжили. Не особенно активно, но примерно раз в квартал встречались.

Ненавязчивый и ни к чему не обязывающий праздник жизни продолжался, пока Егор не сделал Ирине предложение руки и сердца. Надо сказать, зрел он долго, два с половиной года. За это время одна из Иришкиных соседок, Веруня, успела познакомиться со своим Серёжей, выйти за него замуж, в законном браке забеременеть и благополучно родить девочку.

С квартиры Веруня, конечно, съехала к Сергею и теперь у них с Олей была новая соседка, Светка. Правда, и она уже была одной ногой замужем, потому что через полгода после вселения на съемную жилплощадь, встретила Владислава. Девчонки смеялись: вот такая комната счастливая, уже вторая девица оттуда в семейную жизнь вот-вот вылетит.

– Я когда уеду, – вещала Светка, угощавшая на общей кухне соседок вином в честь помолвки, – ты, Ириш, в моей комнате переночуй, что ли, пока новая девчуля не заедет. Глядишь, твой ботаник Егорушка тебя и замуж позовёт.

Ира только смеялась, да отмахивалась, а на душе у неё было беспокойно. В самом деле, куда же их отношения направляются? Вон и Вера с Сергеем интересовались на днях, как там дела у них. Надо сказать, на их свадьбе Ира вместе с Егором была, Веруня ещё подначивала, мол, вы следующие. И букет прицельно в Иру кидала, жаль, переусердствовала. Цветочки описали крутую дугу над её головой, упали прямо под ноги Ольге. Та скривилась: «Не дождётесь!» У Ольги была принципиальная позиция по жизни. Она собиралась замуж выйти исключительно, когда полностью себя обеспечит.

– Потому что в этой жизни, девочки, каждая должна рассчитывать только сама на себя! – толковала она на той самой Светкиной помолвке. – И детей рожать столько, сколько единолично прокормить в состоянии, если муж её оставит.

– А я считаю, надо мужчину себе с умом выбирать, – не соглашалась Светка. – За кого попало не выскакивать. Вот Серёжку моего возьми... э-э-э нет, не бери! Я Серёжку сама возьму.

После того, как подружки отсмеялись, Светлана продолжила:

– Вот Серёжка мой – человек надёжный. Я за ним, как за каменной стеной.

– А как же любовь? – не утерпела Ирина. – Если прямо совсем с умом выбирать, это голый расчёт. А где спонтанность? Романтика и чувства? Бабочки в животе?

– Любовь – дело хорошее, – кивнула Светка. – Но пойми, подруга, если у вас в животе кроме бабочек никакой другой жратвы не будет, вся романтика к чертям отправится.

За неделю до бракосочетания уже второй удачливой Ириной соседки, Егор пригласил свою даму сердца в загородный отель на выходные. Условия там были прекрасные. Озеро, собственный парк, конюшня, беседки и прочая романтика.

Стоял конец тёплого, солнечного апреля, деревья были в зелёном кружеве, очумевшие от солнца птицы пели на все голоса. Вот в таком лубочном антураже Ира и получила предложение руки и сердца. Колечко он спрятал в вазочке с конфетами, стоявшей на столе в беседке, где они вечером решили отужинать. Егор как бы невзначай подвинул конфеты к Ире ближе. А когда та ими не заинтересовалась, начал намекать, что среди этих сладостей попадаются очень интересные, стоит присмотреться. Ира так и сделала, в течение двух минут найдя футляр с ювелирным украшением. Она взяла коробочку в руки и какое-то время не решалась её открыть.

А вдруг вещица попала сюда совершенно случайно? Егор смотрел на избранницу с каким-то непонятным напряжением на лице. Он-то чего боялся? Видел же, насколько девчонка в него втрескалась.

– Может, откроешь? – не выдержал парень первым.

Тогда Ира решилась, разъединила две половинки футляра, выполненного в виде ракушки. И в центре, конечно же, было оно, то самое заветное колечко.

– Выйдешь за меня? – тихо-тихо спросил Егор. В ответ Ира просто разревелась. Она сидела, смотрела на это кольцо, а из глаз её текли слёзы. И, честное слово, жених в тот момент тоже чуть не всплакнул, хорошо, что Ира на него не смотрела.

Свадьбу решили играть в начале сентября. Ирины соседки встретили известие визгами, переходящими в ультразвук, как это и положено. Выдали Светку за Серёгу, и принялись готовиться к следующему торжеству. Столько всего надо было учсть!

Жених заявил, что свадьба будет «на уровне», сбережения у него есть. Да, на квартиру копил, но, дай бог, один раз в жизни жениться придётся, можно и погулять. Что удивительно, Анна Викторовна в планирование праздника не лезла. А может, Егор об этом просто невесте не говорил ничего, считал само собой разумеющимся вмешательство матушки. Да, точно, наверняка она ему подсказывала, кого позвать, где гулять и какое меню заказывать, просто Ира не знала ничего, наивная. Но это она только сейчас понимать начала, а тогда стремительно летала, как новорождённая весенняя стрекоза, обалдевшая от солнца и подаренных природой крыльев.

На свадьбу приехала почти вся родня Иры из Пензы. Мама, папа, младший брат, тётя с дядей и сестра двоюродная.

Конечно, подружки-соседки тоже прибыли. Веруня уже вторым беременная, да и Света с округлившимся животом, обе с мужьями. Естественно, не обошлось с их стороны без напутствий: «И вы с этим делом тоже не затягивайте, дети – цветы жизни».

Принципиальная Ольга всё так же одна пришла. Их с Ирой часто принимали за сестёр, вот и на свадьбе троюродная тётя Егора сначала решила, что они родственницы. Обе высокие, блондинистые и сероглазые, только у Оли волосы прямые, коротко стриженные, а у Иры – свои собственные длинные кудри безо всякой «химии». И в чертах лица что-то схожее есть. Ира, ещё пожалуй, более фигуристая что ли, это не её мнение, вполне объективный факт. На курсе их дразнили «кармическими сёстрами». Смешно, но букет-то на свадьбе Ольга как раз и поймала!

Вообще, праздник душевно прошёл. Никто не напился, не подрался, с кем попало не переспал. Если и переспал, то никому не попался и скандала не вышло. Торжественно посветили Ириных родителей в тёщу с тестем, а Егорову родительницу – в свекрови. Та ещё улыбалась мило так, и даже стих прочла, красивый, лирический, мама Иры от него слегка всплакнула.

Папе жениха звание свекра тоже присвоили, но не в паре с Анной Викторовной, а отдельно, чтобы вместе их на одном квадратном метре, не дай Бог, не свести. А потом они по разным концам стола разбежались. Но даже их тлеющий

конфликт никому особого неудобства не принёс. Разве что у Егора по лицу тень пробежала, да и улетучилась. Лучшие друзья Егора были, куда без них.

Трое неженатых и даже без пары пришли, Олежка и Жека со вторыми половинами. Они устроили забавную переключку «свободен – забракован», и в итоге радовались: «Теперь у нас 50 на 50». Жёны их, кажется, не обиделись. Смеялись вместе со всеми. Где ещё такой простенький школярский юмор так хорошо идёт, как не на свадьбе? Очень уж аудитория там благодарная.

После свадьбы молодые в романтическое путешествие улетели, медовый месяц провели не в демократичной Турции, а в поездке по Европе. Тут Анна Викторовна первый раз выразила недовольство при невестке. Не понравилось ей, что столько денег в отдых вбухали, могли бы с пользой потратить. Но Егор горой встал, как страстный поклонник путешествий. Девочки мечтают о белом платье и лимузине на свадьбу, а молодой муж Иры грезил такой вот поездкой. Он, может, и женился-то ради этого. Шутка, но, как говорится, в каждой шутке...

Как вышло, что вновь созданная ячейка общества решила разместиться на территории Анны Викторовны? Да как это обычно бывает. «Вы пока на квартиру накопите, у меня живите, зачем отдавать чужому дяде за съём? Быстрее кубышку соберете». Такая вот добрая свекровь... А сама просто сыночку под присмотром держать хотела, паучиха старая.

Грешно так называть маму мужа, конечно. Но кто бы знал, сколько за эти девять месяцев Ирине пришлось пережить. Достаточный это срок, чтобы зародилась, вызрела и родилась стопроцентная доношенная ненависть. С обеих сторон, причём.

С первого дня вселения Ирины на территорию Остроуховых Анна Викторовна вежливо (пока), но твёрдо начала обозначать границы и правила общежития. В тот период она три месяца как вышла на пенсию, а значит, стала проводить дома непривычно много времени. И постепенно входила во вкус. Границы и правила становились жёстче, а манера донесения информации – всё менее обходительной. Проще говоря, свекровь повадилась пить кровь. В переносном смысле (тоже пока, вероятно). Но физического воздействия до описанного случая с чаем не было.

Только подумать. Ира и Егор встречались без малого три (три!!!) года, и Анна Викторовна свой деспотичный характер умудрялась как-то прятать. Наверное, на работе его всласть показывала. А тут – куча свободного времени и готовая невестка со штампом в паспорте под боком. Она-то, судя по всему, и призвана была заменить собою весь педагогический коллектив и учеников-раздолбаев.

Когда Ира только-только обнаружила, что её свекровь – монстр (в тот вечер Анна Викторовна молча вырвала у неё из рук пульт телевизора и переключила кинофильм на какое-то ледовое шоу), она спросила у Егора:

– И как дальше жить?

Егор, похоже, удивился. Или талантливо отыграл эмоцию.

– Ты о чём, Пусь?

– Я не Пусь, – раздражённо отвечала Ирина. Вот только сю-сю в этой нелёгкой ситуации не хватало! – Я о том, что твоя мама со мной обращается, как с вещью.

– Это она с пультом обращается, как с вещью, со своей вещью, – пожал плечами Егор. Ага, всё-таки понял, какой случай Ира имеет в виду. Притворяется больше. Что с ним вообще после свадьбы случилось? – К тому же, мама сначала попросила переключить канал, а уже потом пульт взяла.

– И ты считаешь, так можно? – взвилась Ира. – Да, я ей ответила, что фильм заканчивается через пятнадцать минут. Можно же дать досмотреть было? Там вся интрига раскрылась как раз.

– Ну хочешь, мы эти пятнадцать минут на компе досмотрим? – примирительно погладил Иру по руке Егор.

Так они и сделали. Но Ирина поняла чётко и безысходно: Егор – «мамстик» в худшем проявлении этого понятия. И дальнейшее проживание на жилплощади свекрови эту догадку подтверждало всё прочнее. Итак, к тому моменту, когда Аннушка разлила чай невестке в лицо, молодая пара уживалась с родительницей чуть меньше года. А точнее, девять месяцев, семнадцать дней и шесть часов. Минуты с секундами Ира не посчитала, не догадалась.

Для свекрови она, судя по всему, стала врагом и захват-

чицей территории. Её мелочи, без злого умысла оставленные случайно, впопыхах, при сборах на работу, на общей территории, оказывались либо в мусорном ведре, либо на пороге их с Егором комнаты. А общей территорией были ванная с туалетом, кухня да большая комната с «плазмой» смарт-ТВ на стене. Нет, Анна Викторовна не срывала бюстгалтеры, которые сушились в ванной. Но стоило оставить эту пикантную вещь на краю ванны или раковины, как она становилась «брошенной», а потом и подброшенной под дверь, это если повезёт. А то и без вести пропавшей. Поэтому жила молодая невестка, как на минном поле, постоянно отслеживая каждый свой шаг. Но материнскую ревность этим не успокоишь.

Сколько раз за последние полгода Ира поднимала при Егоре тему «Давай снимать квартиру». Он её слышать не хотел. Такие деньги тратить на съём! Всё накопленное ухнет в сливную трубу, по его словам. Обычная ситуация. Типичные проблемы «двух хозяек на одной кухне». К кухне, кстати, подступиться тоже было непросто. Свекровь вроде, как и не препятствовала готовке на её площадях, но постоянно туда навевывалась, принимивалась, советы давала. Да, худой мир сохранять почти получалось.

Егор привёл железобетонный аргумент, почему нужно сидеть на пятой точке ровно и на съём не убегать. Он знал заветное желание своей Ирочки – родить ребёнка. Нет, часики у неё не то, чтобы тикали. Она верила в прогресс и цифровые

технологии, а тиканье – это позапрошлый век, да и возраст ещё вполне позволял не отсчитывать секунды. Но уж так её мама воспитала: женщина рождена для счастья, а счастье – это муж и дети. Ещё перед свадьбой влюблённые всё распланировали по этой теме.

Сперва – на квартиру накопят, потом сразу и о ребёночке можно подумать. Да, Ира работала и уже подбиралась к хорошей должности по невысокой, но перспективной карьерной лестнице. С неё легко можно было перепрыгнуть на лесенку повыше. Но культа из трудовой деятельности сотворять не собиралась. Грезилась ей розовые младенческие пяточки и первое слово «мама». Поэтому молодая жена согласилась соблюдать нейтралитет и уважать чужое пространство.

Хотя иногда это было совсем уж трудно. Анна Викторовна не гнушалась и дальше устраивать мелкие пакости, и их становилось всё больше. Вот, скажем, забыла Ира кастрюлю с супом убрать в холодильник. Да, это безответственно и инфантильно, кто спорит. Взрослый человек свою еду обязан самостоятельно в пригодном к употреблению виде хранить. Но ведь Ира, как и Егор, работает, может иногда рассеянность от усталости проявить.

Казалось бы, какая сложность для пенсионерки эту несчастную посудину просто в холодильник поставить. Так нет же. Когда такое случилось, Анна Викторовна кастрюльку с сырным супчиком ещё и задвинула подальше «чтоб она мне не мешала и не маячила». В итоге будущий сосуд раздора на

глаза, действительно, никому не попадался, а в его недрах только что новая жизнь не зародилась. И, конечно же, всё закончилось неприятным обвинением в нечистоплотности.

В отсутствии молодых в их комнате явно бывала бдительная мать семейства, Ира видела передвинутые вещи, даже нижнее бельё не так лежало. И это тоже было неприятно. Ирина держала лицо и реагировать на раздражители себе не позволяла. Повторяла как мантру: «Это только на пару лет, мы накопим на своё. Надо потерпеть, надо потерпеть». И терпела.

Но теперь вот так, в лицо чаем...

Егор пришёл с работы через час после судьбоносного безумного чаепития. Зашёл в комнату и возмущённо спросил:

– Как ты могла моей маме сказать такое?

Ирина, которая речь для мужа всё это время репетировала, даже онемела на пару секунд. А потом уточнила:

– Как я могла? А больше тебя ничего не колышет? Твоя мама меня чаем облила!

– Да, тут она не права, – Егор устало шлёпнулся в кресло. – Но она тоже человек. Ты её за живое задела.

– Я её не физически задела. Она б меня ещё в лоб этой кружкой треснула!

– Ну не треснула же, – Егор тёр лоб и щёки. Ему трудно было говорить на столь щекотливую тему, а конфликт интересов доканывал. – В общем, ты извиниться перед моей ма-

мой должна. Так грубить, это хамство.

Это был уже перебор.

– Не в этой жизни! – Ира вскочила с кровати и начала лихорадочно хватать свои вещи с полка.

– Хватит. Я уйду. Сегодня у какой-нибудь подруги переночую, или в гостинице, а потом квартиру сниму. А ты думай, как дальше. И отдай мою часть накоплений. Мне на жильё понадобится.

Егор скривился, как от удара, хотел что-то сказать, но передумал. Ирина уехала, а Анна Викторовна ей ручкой у порога помахала. Победила, склочная и неуживчивая женщина. Будто своему сыну счастья этим прибавит.

Временное пристанище она нашла у Светки, у неё как раз муж в командировку уехал, на пару недель. Так что всё удачно складывалось, если можно так выразиться. Спокойно спать у Иры и без душевных переживаний не вышло бы, в соседней комнате частенько плакал беспокойный отпрыск Светы и Сергея. И это ещё более усугубляло страдания беглой жены. Нет, младенческий плач её не раздражал, он запускать цепочку мыслей о том, что у подруги её зрелая семья двух взрослых людей на своей территории, с ребёнком. А у них с Егором – инфантильные скачки вокруг его стареющей и властной мамы.

Сказать, что она грустила – это ни о чём. Её просто изнутри выворачивало, но терпела, старалась никому на рабо-

те этого не показывать, изображала профессионализм и воодушевление. Зато подружки любезно предоставили ей свои жилетки, и просить не пришлось. Они даже собрались своим прежним составом и всласть перемыли кости и Егору, и свекрови – ведьме.

– Ты вещи свои проверь, – советовала Светка. – Точно она на тебя порчу наводит, поди нашпиговала тебе багаж всякими... артефактами.

– Свет, ну какие артефакты, – всхлипывала Ира. – Она конечно стерва, но женщина образованная и от всего этого мракобесия далёкая.

– Ну смотри, я предупредила. У свекровей часто крыша отъезжает на почве женитьбы их мальчишек. И они начинают всякие подклады делать, иголки втыкать...

– Куда втыкать, в невестку? – усмехнулась присутствовавшая тут же Ольга.

– Это на Анну Викторовну больше похоже, – невесело хихикнула Ирина. – Она в меня бы не иголку, вилы с удовольствием вонзила.

– У вас с ней, наверное, неотработанные кармические отношения, – выдала новую ересь Света. – Я сейчас книжку читаю, по саморазвитию. Так вот, большая часть всех, кого мы знаем, с нами уже с лохматых времён, можно сказать. Может, вы со свекрушей у первобытного костра заднюю левую ногу оленя не поделили. Или мужика.

– Ногу мужика? – а это уже Веруня заинтересовалась. Она приехала с младшим ребёнком, старшего на мужа оставила.

– Не, мужика целого и живого. Наверное. – сообщила Света.

– Ой, Светка, ну у тебя и зоопарк в голове, – отмахнулась Ира. – Мне бы с настоящим разобраться, не то что с кармическим ребусом тысячелетней давности.

– Жизнь тебя просто пока не поставила перед такой необходимостью, вот ты и сопротивляешься очевидному, – Светка даже немного обиделась за свою такую стройную саморазвивающую теорию. Плюсы у этой версии были вполне реальные, она позволила подругам немного отвлечься от печальной темы их экстренных сборов и перевести часть трагедии в шутку. И на том спасибо.

Егор позвонил Ирине через неделю. Она как раз однокомнатную студию себе нашла и переезжать собиралась. Извинился, сказал, что неправ был и мама его – самодурша знатная, так просто его не отпустит, надо было сразу уходить. Поговорили, он встретил Иру после работы, с цветами и конфетами, признавался в любви, рассказывал, как сильно скучает, в каждой прохожей её видит, боится, как бы умом не тронуться.

В итоге переехали на съёмный угол они вместе. Как именно паучиха восприняла отъезд сына, Ирина не уточняла. Ей почему-то страшно было об этом спрашивать. Она наивно полагала, что расселение станет решением проблемы. Ду-

рочка молодая.

Егор, хоть и «мамстик», интересный молодой человек. Привлекательный парень, который и ухаживать красиво умеет, и поступает в сложных жизненных ситуациях вполне по-человечески. Нравственные устои, что ни говори, матушка в него заложила хорошие, правильные. Ира, немного ближе узнав свекровь, догадывалась, как именно Анна Викторовна закладывала эти самые устои. Авторитарно и деспотично.

– Не демонизируй мою маму, – просил Егор. Но Ира его не особенно слушала. Да, хороший сын, защищает матушку. Но можно представить, чего он в своём детстве натерпелся. И даже не знает, что он именно «натерпелся», для него-то это в порядке вещей было. Потому и характер у него сейчас такой... мягкий, незлобивый. Непротивленец он. Сломала маман паренька, как хлебную палочку.

Сразу после того, как Ира представляла неправильное и подавляющее воспитание свекрови, она начинала фантазировать, какой сама будет идеальной матерью. Эти мечты приятно согревали, не хуже горячего глинтвейна с корицей. Она будет планировать ребёнка, это само собой. Высчитывать благоприятные для зачатия дни, вести здоровый образ жизни, принимать дорогие витамины. А потом, когда предъявит положительный тест на беременность счастливому будущему отцу, просто отрежет напрочь все ненужные раздражители. И создаст тот самый эмоциональный и ментальный фон, который позволит появиться на свет гармоничной и счаст-

ливой личности.

– А куда ты денешь несовершенства этого мира? – спросил как-то Егор, когда она поделилась с ним своими мыслями-мечтами.

– В смысле? – не хотела выходить из сладостного плена грёз будущая «овуляшка».

– Ну, родится наш гармоничный ребенок, с высокими вибрациями и всё такое. А тут – хрясь... весь остальной мир. Мы же не сможем держать малыша в вакууме. Лет до сорока.

– Нет, не сможем. Да и не надо это. Если у человека изначально, как ты говоришь, высокие вибрации, он и в этом безумном мире выйдет на свою частоту, нужную. И никакая грязь к нему не прицепится. Он... ну или она, сможет противостоять всей этой чернухе. Или не сливаться с ней.

Тут Егор с ней согласился и попенял, что прямо сейчас они созданием новой жизни заняться не смогут, потому что очень меркантильные и не хотят рожать на съеме. Но потренироваться пока всё-таки можно. Про меркантильных, это, конечно немного обидно звучит, но смотря каким тоном говорить, и какими действиями сопровождать. Так что разговоры на какое-то время прекратились.

На новом месте у молодёжи первое время была эйфория. Будто они из тюрьмы вырвались. Чуть ли не каждый вечер устраивали свидания. Егор пел ей серенады, аккомпанируя себе на гитаре. Да, такой вот он способный, и на гитаре уме-

ет играть, и тексты для серенад сам сочиняет, хоть и на популярные мотивчики. Если рассматривать его как личность, в отрыве от злой Снежной Королевы, которая так и норовит льдинку в глаз сунуть, он просто прекрасный и очень Ире подходит. Им нравились одни и те же книги. Нет, конечно были некоторые расхождения, с поправкой на пол, но обсудить интересные новинки – это всегда пожалуйста. Фильмы они тоже смотрели вместе с удовольствием, и не только боевики и прочую мальчуковую мясорубку.

Ещё Егор отличался неплохим чувством юмора, при этом ухитрялся шутить без откровенных пошлостей и оскорбительных насмешек. Умел дурачиться, поднимать настроение, когда всё совсем «по нулям», не обесценивал женские переживания. В их лучшие времена с ним был просто рай на земле.

Ира даже не спрашивала, видится ли Егор с матерью. Ей казалось само собой, что муж принял её сторону и теперь их семья – это их крепость. Или тихая гавань, в которой нашли приют два корабля, а третьему поместиться негде. Через два месяца оказалось, что третий корабль всё же есть, пусть даже в виде призрачного «Летучего Голландца». Чёрный такой, с химерой на галюне.

Звоночки, они, конечно, были, просто их замечать не хотелось. Да и времени на это не было, проекты поглотили, не просто так. Работала Ирина менеджером дирекции по связям с общественностью в одной из крупных сотовых компа-

ний. Должность была весьма приятная и достойная, и девушка ей очень гордилась. Начальника звали Геннадий, и он выглядел как парень с тематического плаката «ЗОЖ – это гармония».

Подтянутый, мускулистый и с неизменным доброжелательным выражением на лице. Она у себя такое же на рабочем месте тренировала. Офис был спланирован по типу open спейс, где все на виду. Даже у Геннадия не было своего отдельного кабинета, только пластиковая прозрачная перегородка, с возможностью задёрнуть жалюзи. Кроме Иры и руководителя, в «открытом космосе» обитали ещё четверо женщин и пятеро мужчин. Одного из них, Игорька, Ира про себя именовала не иначе, как «придурком». Да, не особенно хорошо с позиции корпоративной этики, но что есть, то есть. Игорёк с первых дней появления Ирины принялся её задирать.

Сначала пытался выяснить её компетентность, точнее, доказать некомпетентность и общую недоразвитость. Громко рассказывал на весь отдел анекдоты о блондинках (иногда смешные, тут отрицать бесполезно), спрашивал у завхоза, почему девочке не купили розовую клавиатуру, и вообще мерзко себя вёл. Ира старалась не реагировать на его выпады, особенно когда только пришла работать.

Подумала, что это испытание такое, проверка новичка на прочность. Коллектив тоже не вмешивался, возможно, Геннадий бы Игорёшу и мог на место поставить, но вот беда, в

его присутствии мерзавец так себя не проявлял. А начальнику по долгу службы положено и на совещания ходить, и деловые встречи посещать, так что отсутствовал он частенько.

Пару месяцев она выдержала, не взорвавшись. Но однажды мужичок совсем перестал видеть края, и попытался прижать Иру к столу, когда она шла мимо. Да ещё и сказал что-то вроде: «Говорят, блондинки обижаются, если их меньше трёх раз на дню в углу зажимают». Тут она вспыхнула, но сказала почти спокойно:

– Игорь, вы стали жертвой стереотипизации. Уровень IQ человека ни напрямую, ни опосредованно не зависит от цвета его волос.

И смогла же такую длинную фразу до конца выговорить и на крик не сорваться. А Игорь так обалдел, что даже перебить не догадался.

– Достойно. А могла бы просто по морде дать. Или по яйцам. – сказал Никита, их коллега. Он наблюдал за сценой, стоя у принтера.

– Щеглов, оставь человека в покое, – поддержала со своего места менеджер Лизавета. – Ты бы ещё за косички Иру дёргать начал, ухажер недоделанный. Ты вообще в курсе, что это харрасмент и по тебе наш отдел кадров плачет?

Поддержка коллег была неожиданной и приятной. Судя по всему, они ждали, когда Ирина наконец-то хоть как-то отреагирует на домогательства. После этого жизнь в коллективе у неё наладилась, кажется, Иру даже начали уважать.

Что касается Игоря, он подшучивать над ней не бросил, но теперь делал это как-то беззлобно, они просто обменивались колкостями.

Итак, днём – труды праведные, вечером – свободная семейная жизнь. Как-то раз, разбирая сумку, с которой муж на работу ходит, Ира вытащила два незнакомых пластиковых контейнера. Да, Егор частенько с собой перекусы берет, чтоб на столовку не тратиться, сам себе собирает обед. Но конкретно эти коробочки были незнакомые.

Ира только хмыкнула, мол, натащил пластика откуда-то, видать. Помыла, поставила на раковину. А потом эти коробочки и не попадались ей на глаза больше. До тех пор, пока она не нашла их на своей кухне. Полными домашней еды. И с запиской: «С утра меня дома не будет, поэтому оставляю тебе еду сейчас. Поставь в холодильник».

Время было вечернее, Ира с работы первая пришла, как обычно и бывает. Егор к восьми вечера только до дома доберется, или даже на полчаса позже. Почерк в записке был знакомый, чего уж там. Ира смотрела на эти контейнеры, будто они были призраком. Хотя призрачным, судя по всему, было её семейное счастье.

Муж ничего отрицать не стал. Готовит ему мама обеды в судочках и контейнерах, с утра он к ней заезжает и забирает новую порцию, старую посуду отдаёт. Грешен, любит мамину еду. Анна Викторовна ведь ради него готовить научилась, по книжкам с рецептами, это их легенда семейная.

– Но как это оказалось здесь? – не понимала Ира. Точнее, понимала, но не хотела верить. – Во время нашего отсутствия. Объясни?

А всё просто объяснялось. У Анны Викторовны были ключи от их квартиры. Давно были, с самого начала почти. Зачем они ей? Мало ли, вдруг Егор свой комплект потеряет. Или они с Ирочкой в отпуск уедут, а в ванной трубу прорвёт. Ну и вообще, у него же ключи от маминого жилья есть. И вот, оказалось, что завтра Анне Викторовне нужно с самого утра в поликлинику. Она решила диспансеризацию пройти. А как родного сыночку без «тормозка» оставить? Жена-то никудышная не догадается мужику обед с собой собрать, у неё феминизм и равноправие, личные границы и прочая современная антидомостроевщина. Вот и пришла маман к ним домой, открыла дверь своими ключами, оставила ещё тёплый обед с запиской. Трогательно и по-семейному.

– И часто она у нас бывает? – Ира лихорадочно вспоминала все случаи, когда ей казалось, что вещи лежат не на своих местах.

– Да не заводись, Пусь, – пытался спасти их мир от краха Егор. Или правда не видел ничего особенного в ситуации.

– Хватит этих Пусей! – Ира впервые кричала на мужа, да так, что люстра зазвенела. – В мой дом, в моё отсутствие приходит человек, который меня ненавидит! Сколько раз она тут была? Каждый день? Трусишки твои пересчитать? А может,

и мои за компанию?

– Ира, не надо повышать на меня голос, – мягкий Егор то ли испугался, то ли наоборот, слегка отвердел. – Мама была тут, может, пару раз. Ей без надобности тоже сюда ходить незачем.

– А сегодня, значит, надобность! – голос Иры перешёл на визг. Егор поморщился. От досады? Брезгливо? Может, он целиком и полностью поддерживает маменьку?

Ирина почувствовала, будто холодная тонкая змейка скользнула вниз по спине, вдоль позвоночника. Не было у неё семейной жизни, единения душ, тел и сердец, и прочего взаимопонимания. Скандал у них был просто фееричный. О чём, конечно же, быстро узнала Анна Викторовна. Через три дня она встретила Иру у подъезда, швырнула ей ключи и спросила:

– Не надоело ещё в собственницу играть?

Какая наглость! Вторгнуться в жизнь новой семьи, ещё зарождающейся. Протиснуться в неё, как в смыкающиеся двери вагона. Оставить на видном месте свои коробочки с кормом. И теперь издеваться, называя её, Ирину, собственницей!

Она ничего не сказала. Не смогла. Подняла с асфальта, подмоченного осенним дождём, связку ключей, и пошла в подъезд. С мужем она не разговаривала три дня.

А потом как-то всё наладилось. Ну, как наладилось. Ири-

на видела, что иногда он звонит кому-то, прячется, чтобы она разговор не услышала. И горько усмехалась сама себе: вот уж повезло с мужем. Точно ведь не с любовницей щебечет, а с «мамо». Ходил он к ней по вечерам уже явно, не под прикрытием «на работе задержался», и в выходные навещал. «Ира, пойми, она моя мать».

Она понимала, что уж там. И сама матерью же будет. И поклялась себе, какой точно не станет. Никогда. Благо, есть антипример перед глазами. Она-то точно не будет на ребенка своего давить, только любовь и полное принятие его выбора. Хорошо, что есть у кого поучиться, как не надо себя вести с детьми. И даже, так и быть, пусть Егор маму с Новым годом поздравить. Вот уж скоро совсем он подойдёт. А может, даже сама мужу компанию составит, вместе подарок отнесут, чаю попьют. Зелёного с жасмином.

А под Новый год это и случилось.

Она выходила из бизнес-центра, где находился их офис.

– Иришка? Метляева? – Ира услышала молодой мужской голос, который показался ей смутно знакомым. Или похожим на чей-то. Обернулась на звук. Симпатичный парень, как и голос, знакомый смутно. Присмотрелась.

– Петя? Симонов?

– Точно!

Ну надо же, одноклассник! Сколько же они не виделись, страшно подумать! Лет десять, наверное. И как он тут оказался? А впрочем, это понятно, из Пензы приехал.

– Ты здесь работаешь что ли?

– Ага!

– Надо же, и у нас офис тут. Я на пятнадцатом, а ты?

– На двадцать четвёртом. Надо же, как ты изменился сильно! Я тебя еле узнала.

– А я тебя сразу. Ещё неделю назад. Мельком как-то увидел, подойти не успел. А сегодня вот получилось.

Петя из лопоухого патлатого троечника превратился в солидного дяденьку. Он даже выглядел чуть старше её мужа, хотя должно быть наоборот. Вероятно, дело в бороде. Пётр был из тех мужчин, что стригут или сбривают растительность на лице по специальному трафарету, а может и в барбершопы регулярно заходят. Солидности также прибавляла приземистая широкоплечая фигура. Одноклассник начинал лысеть, и прятал эту телесную перемену за ультракороткой стрижкой.

Приятная это была встреча. Двое бывших одноклассников, без подтекстов и неловкостей. Они стояли и болтали минут пятнадцать, а может и все двадцать пять. Вспоминали общих знакомых, кто женился, кто развёлся, кто за границу уехал. И расходиться по домам не хотелось.

– А может, тут недалеко кофе выпьем? – предложил Петя.

Ира задумалась на минутку, а потом решительно тряхнула головой:

– А давай! Муж всё равно позже меня приходит домой. Так что не потеряет.

Она поскользнулась на тонкой корке льда, размазанного по асфальту, и упала бы, не схватись за Петра. Такой вот пошловатый штамп из романтических фильмов.

Петя подхватил старую знакомую за талию. Кто бы мог подумать, к какой трагедии всё это приведёт. Там, наверху (если кому-то есть до нас дело) сидят небесные сценаристы с набором клише и переплетают людские судьбы, сталкивая эти шаблоны друг с другом.

По горькой иронии судьбы мимо кофейни проходила Анна Викторовна. Так не бывает, скажете вы? Нет, только так обычно и происходит, уж поверьте. Жизнь подтасовывает факты таким образом, что реальность кажется надуманной. По закону подлости пенсионерка не считала ворон и не ловила своё отражение в новогодних витринах. Она услышала голос, который узнала бы из тысячи, и остановилась. Её строптивая невестка, нагло пудрившая сыну мозги, вбивавшая клин между ним и матерью родной, висела на незнакомом бородатом мужике и смеялась.

Такого мощного выплеска адреналина бывшая учительница русского языка и литературы не испытывала ни на одном ЕГЭ.

– Ирина! – взревела она, слыша свой голос со стороны.

Нет, она всё-таки не была классической свекровью, которая достала бы смартфон и сделала бы пару дюжин снимков, чтобы предъявить их сыну. Она решила пристукнуть мерзавку на месте.

Ира сначала подумала, что у неё галлюцинации. Сперва слуховые, а потом и зрительные. Она обернулась на голос и увидела, как пожилая женщина, чей образ врезался в её подкорку, чтобы являться в ночных кошмарах, мчится к ней на всех парах через дорогу, не глядя по сторонам. А зря. Водитель, оживлённо обсуждавший по смартфону вечер пятницы, затормозить не успел, слишком поздно увидел пешехода, да и скользко было. Вот такая нелепая, пошловатая трагедия.

Она лежала в неестественной позе прямо под колёсами не самого модного и презентабельного авто. Всё, что происходило вокруг, она слышала приглушённо, словно на голову ей накинули толстое одеяло. Да и видела она уже не очень. Автомобиль никуда не уехал, да он бы просто не развернулся на месте аварии.

– Придурок, ты чего гнал так у торгового центра? – вопрошал густой бас.

Заикающийся голос что-то неуверенно блеял в ответ. Но что, Анна Викторовна уже разобрать не смогла. Рядом слышалась женская речь:

– Да, я её знаю. Это свекровь моя.

Над пострадавшей склонился размытый блин. Анна Викторовна никак не смогла его сфокусировать в лицо. «Может и к лучшему, – мелькнуло у неё в голове. – Не будет последним, что я увижу. Ах да, сказать. Я же ей должна что-то сказать... нет, не помню».

Сирены, много сирен. Полиция, скорая помощь. Все при-

ехали. Картинка перед глазами Анны Викторовны погасла совсем, как будто телевизор вырубili. Как оказалось, только снаружи. Это как в кинотеатре свет выключают. Зал погружается в темноту и загорается яркий белый прямоугольник, на который надо смотреть. А на этом прямоугольнике бежит ей навстречу маленький Егорка, протянув руки. И из невидимых колонок слышится голос мамы: «Что же ты наделала, Анька?»

2.

Анна Викторовна скончалась ещё в машине скорой помощи, не доехав до больницы. Черепно-мозговая травма при ударе головой о землю оказалась фатальной. Всё, что происходило дальше, Ира помнила смутно, обрывками, как в нелепом сне, вызванном галлюциногенами. Собственно, она и жила несколько месяцев на антидепрессантах. Стоило ей закрыть глаза, как перед ней вставала эта сцена: возмущённая свекровь с хозяйственной сумкой наперевес, мчится через дорогу, по лицу расплываются красные пятна от возмущения и лёгкого морозца. А дальше глухой стук, даже, кажется, без визга тормозов. Водитель, что поделать, отвлётся от рассматривания проезжей части, погрузившись в телефонного собеседника. И даже скорость забыл снизить, хотя и положено было. Ведь не пьяный, просто расслабился.

Опознание, похороны, поминки, вызов в полицию в качестве свидетеля – всё было словно во сне. Жутковатая вещь произошла с ней на погребении усопшей. Она поддерживала Егора под руку, хотя он, похоже, этого даже не чувствовал. Смотрела, как комья стылой земли падают на гроб, слышала приглушённые рыдания родственников покойной. И тут словно почувствовала чей-то взгляд в упор, резко вскинула взгляд, и на мгновение ей померещилась Анна Викторовна. Она стояла между двумя своими бывшими коллегами, одна

из которых сморкалась в платочек. Прозрачное лицо, искажённое страхом, растрёпанные после автокатастрофы волосы даже слегка колыхнулись от ветра. Ира вскрикнула, сжала руку пребывавшего в прострации Егора, перевела дух. Призрак, или что это было, исчез. Конечно, это всего лишь видение на почве сильных переживаний, но всё равно страшно.

Ирина чувствовала себя виноватой за всё разом. За то, что со свекровью не помирилась (хотя здесь вопрос спорный, Анна Викторовна и сама мира не особо жаждала, судя по всему), и что на глаза ей так неудачно попала. В последний раз в жизни.

Если бы Егорова мама не кинулась на Ирину, будто герой на амбразуру, то и сейчас жива была. Так и получается, что Ира стала причиной смерти человека. И ничего с этим уже не поделаешь. Депрессия у неё была страшная, такая, что даже Егора она поддержать почти не могла. Да и Егор у неё сочувствия не искал, замкнулся в своём сыновьем горе. Отчаянным и глухим, словно в лесу потерялся, но вместо того, чтобы на помощь звать, забился под упавшее дерево. А кого звать, если мамы больше нет. Егор знал, что мать погибла, когда переходила проезжую часть в неопасном месте, не посмотрев по сторонам. И что на той стороне дороги в это время находилась Ира. А вот с кем находилась и как, об этом она умолчала. Не смогла сказать.

Она всего один раз себя заставила прийти в квартиру, где жила Анна Викторовна. Случилось это вскоре похорон, Егор

попросил сходить с ним «к маме домой». Зайдя, Ирина почувствовала присутствие хозяйки. Нет, она вообще во всю эту эзотерику не верила. Если и выбирать себе суеверие, она остановилась бы на ЗОЖ и правильном питании.

«Это моё чувство вины, ничего больше» – повторяла она себе, поднимаясь по ступенькам на третий этаж. Но сердце колотилось всё сильнее, постепенно перемещаясь из грудной клетки в виски.

Открылась дверь в осиротевшую квартиру. В сумеречной прихожей Ира уловила движение, и застыла от ужаса. Волосы у корней, как ей показалось, чуть приподнялись. Вот, приехали, галлюцинации уже начались. Хотя ей и до этого уже (не считая похорон) чудились неясные тени в тёмном полумраке подъезда, искажённый свет уличных фонарей рисовал странные образы, а в зеркалах она периферическим зрением иногда замечала смутное быстрое движение. Но то – домыслы, а сейчас прямо в лоб. Девушка обессиленно начала скатываться вниз по стене. Егор только хмуро на неё глянул. Он вообще мало эмоций проявлял в те дни, не только к ней, ко всему.

– Это Фифа, – сказал он. – Не бойся.

Как оказалось, за пару месяцев до гибели Анна Викторовна завела Фифу. Рыжую кошку со вздорным нравом, хозяйке под стать. Фифа была уже не котёнком, молодой кошечкой с высокими запросами, странными для подобранного на улице животного. Первое время после трагедии её подкармливала

соседка, чтоб животинка не сдохла.

– Заберём её с собой? – спросил Егор. У него даже, кажется голос чуть потеплел, уже без интонаций робота это он сказал.

– С собой? – растерялась Ира. – Но у нас квартирная хозяйка против будет.

– Точно, – кивнул Егор, и снова посмурнел. – Буду здесь её пока навещать. Пока не переедем.

– Переедем? – Ира ушам своим не верила. Переехать? Сюда? Она сейчас в прихожей-то еле заставила себя разуться-раздеться, да в комнаты пройти. А жить тут? Среди обстановки, напоминающей о нетерпимой, ненавидящей её женщине, которая её, кажется, со свету сжить была готова? Да она в привидения уже готова поверить была, находясь в квартире чуть больше десяти минут. Если не во всех привидений в принципе, то в одно, конкретное, уж точно.

Как бы в подкрепление этой мысли перед ней вдруг возник образ Анны Викторовны. В её любимом кресле у телевизора, с пультом в руках.

– Ну, что, победила, невестушка? – будто бы сказала та презрительно-насмешливо.

Ирина подскочила на месте, потрясла головой, чтобы разогнать морок.

– Егор, не смогу я тут жить, – тихо, но твёрдо сказала она.

– Ясно, потом поговорим, – без интонации ответил супруг. Он стал другим человеком, прежний Егор словно ис-

парился из этой суровой и нелюдимой оболочки. Или очень-очень глубоко спрятался, забился так, что не достать. Как бы то ни было, но из голубых глаз теперь выглядывал кто-то чужой.

Брак их теплился ещё два месяца. Именно теплился, не агонизировал. Они мучились, явно мучились рядом друг с другом. Тень Анны Викторовны стояла между ними, не отпуская. Ирина чувствовала вину, Егор, кажется, её отношение к ситуации разделял. Потому что однажды просто сказал:

– Я переезжаю в мамину квартиру. Если хочешь, поехали со мной. Но мне кажется, жить как раньше мы уже никогда не сможем.

Потом помолчал и добавил:

– Я тебя не считаю виноватой в маминой смерти. Но, грубо говоря, если бы не ваши тёрки, может, всё сложилось бы иначе.

Так их семейная жизнь и закончилась. Каждый ушёл в свои переживания уже совсем поодиночке.

Они развелись, Ира осталась жить всё в той же съёмной квартирке. Она ходила на работу, механически выполняла свои обязанности. Проблема была в том, что их как раз механически выполнять было нельзя. Руководству требовались креативные идеи, оптимистичная подача, создание позитивного образа бренда. Ира должна была присутствовать на публичных мероприятиях, излучать радость от контактов

с прессой, что, собственно, само по себе трудная задача, а уж в её душевном состоянии практически невыполнимая. Какое-то время начальство терпело упадочный настрой Иры.

Свекровь трагически погибла на глазах, семейная жизнь не ладится. Надо быть монстром, чтобы в такой ситуации предъявлять претензии. Но компания, где работала Ирина, свою маркетинговую идеологию строила по западному образцу, со всеми этими миссиями, тимбилдингами и мейнстримами. И девушка сейчас в концепт ценностей предприятия совсем никак не попадала. Поэтому разговор с Геннадием был неизбежностью. Он, конечно, заботливо взял её за руку, сказал, что Ире сейчас очень важно с кем-то обсудить свои чувства, и он готов оказать ей поддержку. Но такое её состояние пагубно отражается на бренде. Да-да, несмотря на то, что корпорация большая, её отточенная до совершенства деятельность – это как великолепный, слаженный механизм. А Ира сейчас в этом механизме как ржавая шестерёнка.

Её попросили уйти, для начала на месяц, в отпуск, а потом ещё на месяц, уже за свой счёт, если не полегчает. Как раз, когда они с Егором расстались. Так что, и финансовые проблемы подоспели в довесок к личным. Хорошо, не уволили хотя бы, но намекнули, что после «отдыха» ей стоит всерьёз пересмотреть отношение к работе.

Ира вышла из бизнес-центра с картонной коробочкой, с папочками и фотографиями с рабочего стола. Всё как в голливудских фильмах, недаром начальство так любит запад-

ный стиль.

– Ира, ты уволилась? – голос Пети Симонова прозвучал над самым ухом.

После той их трагической встречи Пётр пытался с ней созвониться, узнать, может ли помочь хоть чем-то. Даже номер телефона у её коллег выпросил. Но Ира его избегала, как лишнего напоминания о дне, когда вся жизнь разрушилась. Он пару раз хотел встретиться, но отстал, понял, что бывшая одноклассница видеть его не хочет. А тут не выдержал, увидев девушку с коробкой.

– Нет пока, отпуск за свой счёт взяла. Точнее, дали.

– Как ты?

– В себя прихожу. Развожусь.

Помолчали с полминуты.

– Тебя подвезти? – вдруг спросил Петя. – Коробка же. А ты, насколько помню, не водишь.

– Не вожу, – согласилась Ира.

На улице была очередная оттепель. Природа тоже предпочитала действовать по европейскому образцу, поэтому зима особо не сложилась, а сейчас, в начале марта, недавно выпавший снежок благополучно превратился в грязную кашу, зачем-то щедро сдобренную реагентами. Тащиться по слякоти очень не хотелось, поэтому Ира приглашение приняла.

Описывать стандартную историю отношений, в которых несчастная на тот момент Ирина нашла спасение, особого смысла нет. Всё как у всех. Нет, в начале она чувствовала

неловкость ситуации, не собиралась бросаться в новые объятия, тем более, те самые, что косвенным образом погубили пусть и неприятного, но человека. Но день официального расторжения брака с Егором отметила свиданием с новым поклонником.

Петя пришёл в кафе с цветами, сказал, что сегодня он на такси, поскольку прекрасной даме нужна поддержка. Они выпили лёгкого вина, разговорились. Бывший одноклассник в порыве откровенности признался, что когда-то был в неё влюблён «просто до жутиков». Как-то раз он даже вырезал её фото из стенгазеты, и забрал себе.

– Так вот куда оно пропало! Я помню! – Ира вновь начала чувствовать себя привлекательной и востребованной. Тусклый взгляд Егора, подписывающего документы о разводе, даже как-то поблек в её памяти. И слава богу, а то прямо-таки стоял перед внутренним взором.

Дальше Петя вызвался проводить её до дома, затем остался на чай. Чаем дело не ограничилось, давний поклонник вызвался сбежать в магазин. К порокам Ирины уж точно не относилось пьянство. Она в этом отношении проявляла умеренность безо всяких усилий. Но в тот вечер решила, что раз уж её семейная жизнь дала дуба, почему бы не пуститься во все тяжкие. Но насколько «тяжкие», она в тот момент не предполагала.

Петя не был в её вкусе, и не только внешне. Речь его казалась слишком простой, пересыпанной простецкими, порой

даже бранными словечками. Возможно, он даже не понимал половины того, о чём она ему рассказывала, но прилежно кивал, пожирая Иру влюблённым и откровенно похотливым взглядом. Она и сама не отследила, в какой момент он начал её даже не целовать, лобзать. Иначе и не скажешь. Но концентрация алкоголя в мозгу была уже в состоянии снести все оплоты рассудительности напрочь.

Проснувшись под утро голой, рядом с таким же Петей, Ира вначале просто устыдилась, затем начала припоминать подробности, и вовсе захотела провалиться сквозь землю, можно даже вместе с кроватью. Больше всего её шокировал тот факт, что, собственно, ночью ей всё понравилось.

Петя, хоть и сильно подвыпивший, действовал страстно и дерзко, но нежно. Она впервые с кем-то переспала по пьяни, и это надо было пережить. Чёрт возьми, он же ей даже не нравится, не говоря уже о более сильных чувствах. Возможно, сейчас её полюбовничек проснётся и они сделают вид, что ничего не произошло. Нет, у Пети были другие планы. Он признался, всё прошло, как задумано, поскольку и собирался «завалить в постель» объект своей школьной любви, ещё когда приглашал в кафе.

– Я ж простой, ты знаешь, – говорил он за их первым совместным завтраком. – А ты баба просто охрененная. Я с тобой рядом спокойно находиться не могу, понимаешь?

Может, так всё и должно быть? Ну её, эту эстетику отношений с воздушными шарами, загородными клубами и ро-

мантическими ухаживаниями? Всё понятно, прозрачно и читаемо. Отчего бы и не попробовать, что она теряет? И нечего сравнивать его с Егором, да, с ним они на одном языке говорили и с полуслова друг друга понимали. Он никогда бы не сказал ей «охренная баба», а только «как ты прекрасна» и прочее возвышенное. Ну и что, где теперь это всё?

Через месяц они уже не скрывали своих встреч.

– У меня папа с мамой в разводе, – рассказывал новый избранник. – Папа в мою жизнь вообще почти не суётся, а мама переехала к двоюродной сестре в Израиль. Как-нибудь её там навестим, если захочешь.

Ещё и мама далеко. Чем не идеальный вариант? На работе она восстановилась и даже блеснула перед коллегами, придумав свежий маркетинговый ход и вызвав тем самым ревность в пиар-отделе. Ревность ревностью, а премия для неё лишней не стала.

Жизнь начала налаживаться, Ирина приходила в себя, о бывшем муже старалась не вспоминать. Петя её баловал, вместе им было интересно. В кино выбирались, а по выходным, обнявшись на диване, смотрели фильмы по телевизору, на который больше никто не претендовал. Вместе они не жили, о дальнейших перспективах не говорили. Да им и так хорошо было. Пока вдруг ещё лучше не стало.

Однажды Ира почувствовала лёгкое головокружение прямо посреди важной презентации, посвящённой маркетинговой стратегии на следующий квартал. И при этом она по-

бледнела, заметно для окружающих. Выступление получилось несколько скомканным, потому что Ирина начала в голове производить ей одной понятные расчёты. Бог знает, какие графики и кривые роста в тот момент пронеслись перед её глазами, только после презентации она помчалась в аптеку, понятное дело, за каким товаром. А потом ещё пару раз, за контрольными тестами. Почему сразу три не взяла? Да кто её знает.

Вечером, после работы, тщательно подбирая слова Ирина произнесла перед Петром прочувствованную речь, из которой следовало, что он ей ничего не должен, и она понимает всю нелепость ситуации, но рожать всё равно будет, поскольку детоубийство всегда считала грехом, а материнство – огромным счастьем. Пётр в течение всего выступления растерянно хлопал глазами, он отцом становиться в обозримом будущем не собирался, но против того, что ребенка делают вдвоём, возразить что-либо трудно. Он три раза бледнел, дважды краснел, потом прочистил горло, и сказал, что поддержит любое решение Ирины. Это было не совсем то, что мечтает услышать женщина от отца своего будущего ребенка, но и не самое ужасное.

Петя обдумывал создавшееся интересное положение примерно неделю, а потом сделал Ире предложение. Та, конечно, немного сопротивлялась:

– Не хочу, чтобы ты считал, что я тебя пузом припёрла!

Но согласилась. Тогда же они и жить вместе начали, в

скромной Петинной однушке.

Свадьба была скромная, хотя и душевная. Даже мама Петинной из заграницы прилетела, вместе с двоюродной тетюшкой.

Всё было бы хорошо... кабы не сны, которые Ирину мучали время от времени. Нет, не каждую ночь, но периодически. Снилось ей бывшая свекровь, погибающая под колёсами автомобиля. Ирина подбегала к ней, та открывала глаза, и каждый раз говорила что-нибудь новенькое. Начиная от каких-то абсолютных глупостей, и заканчивая отборной бранью. Как-то раз Анна Викторовна пригрезилась ей за столом Петинной кухни. Сидела и с благочинным видом читала книжку под названием «Пусь». Полный бред, но это почему-то и показалось особенно страшным.

В те ночи Ирина просыпалась в холодном поту, подскакивая в кровати. Но днём кошмар становился бледнее, уступая место токсикозу. Первые три месяца Ира ходила на работу бледная, худеющая день ото дня, с ярко очерченными кругами под глазами. Поэтому скрывать своё состояние было бессмысленно. Особенно в свете скоростного бракосочетания. Начальство, конечно, поохало, мол, такой ценный специалист у нас скоро перейдет в ряды потребителей памперсов, но каких-то сложностей на работе не возникло.

Ирина открыла для себя такое явление как «мамские форумы». Выучила понятия «овуляшки», «пузожитель», «беременяшки» и другие не менее прекрасные слова. Она погружилась в пучину океана под названием «материнство и

детство», чему очень способствовали расшалившиеся гормоны, и мечтала скорей добраться до отметки под названием «декрет».

«Я буду создавать со своим ребенком атмосферу взаимопонимания. Как в книжке «Шесть объятий в минуту» норвежского педиатра Тоссе Боссе. Это такое восхитительное предвкушение материнства, поиск разумных границ – как не задушить малыша в объятиях, дать ему свободу, но не оттолкнуть от себя, не вызвать ощущения заброшенности. Что я для себя уяснила уже: нельзя повышать голос, ни дай боже, применять силу.

Ведь это откровенное признание своей беспомощности, неспособности выйти из ситуации как взрослый. Ребенок орёт – мама орёт ещё громче. Градус крика повышается. Ребёнок тыкает маму кулачком, мама резко шлёпает его по попе. Что это? Разборки двух детей, не иначе. А мама должна быть взрослой в этой паре».

Ира удовлетворённо прочитала написанное и хрумкнула очередной морковкой.

– Иди спать, монтесоррия, – позвал её супруг. Будущая мамочка второй час сидела за ноутбуком, не в силах оторваться от излияния материнских чувств на одном из форумов.

– Завтра тебе всё ещё на работу надо.

– Точно, – Ира сладко потянулась. Ребеночек мягко пищался в животе.

А ночью ей приснилась Анна Викторовна. Она сидела в своём любимом кресле, у телевизора, соответственно, в своей квартире. Ира зачем-то примостилась на подлокотнике этого самого кресла и пыталась забрать у бывшей свекрови пульт.

– Сына ты у меня уже отобрала, коза драная, теперь и любимой передачи лишить хочешь? – строго спросила Анна Викторовна.

И резво толкнула Иру, так что она упала с подлокотника. А пожилая дама встала, и, возвышаясь над девушкой, начала смеяться над ней. Потом изобразила свой коронный прищур и сказала:

– Хочешь насмешить бога? Расскажи ему о своих планах.

В следующий момент Ира поняла, что они уже не в гостиной Анны Викторовны, а на заснеженной улице, у того самого торгового центра. И она лежит прямо на проезжей части, свекровь же всё так же стоит, издевательски на неё глядя.

– Анна Викторовна! – закричала Ирина. – Осторожнее, там машина! Она вас сейчас собьёт!

– За собой следи, – рявкнула свекобра.

Тут же раздался звук удара. Анна Викторовна, как громоздкая статуя, рухнула прямиком на Иру.

«Она же мне живот раздавит, а там – ребёнок!» – вдруг вспомнила Ирина. И проснулась. Петя гладил её по руке, успокаивая.

– Опять кошмар?

Ира только кивнуть смогла. Сердце колотилось, как бешеное. Очень уж реалистично покойная ныне свекровь на неё падала.

Почему, спрашивается, Анна Викторовна донимает после смерти бывшую невестку? Ходила бы падать во сне на того горе-водителя, который даже в тюрьму за неё не сел, так условный срок получил и прав не лишился.

Очень удачно вдруг выяснилось, что у 35-летнего здорового мужика за рулём сердечный приступ случился, и это стало причиной его невнимательности к дорожной ситуации. А вовсе не то, что он по телефону болтал, будто по общению изголодался. Он, поди, спит спокойно, как и его адвокат Светлана. Может, даже совместный спокойный сон у них. Ирина же мучайся от излишней впечатлительности.

На работе, впрочем, будущая мать лучилась тихим счастьем. Лицо её словно изнутри подсвечивалось, а лишние килограммы лишними вовсе не выглядели. «Будто живот пристегнула», – шутили с завистью коллеги. Нет, сложности были, конечно. На шестом месяце начала болеть спина, причём в любом положении. Сидя даже больше, чем во время ходьбы. А в транспорте так уж совсем раскалываться принималась, если так о спине можно вообще говорить.

Вечером Ира после работы, чуть ли не с порога, укладывалась на диван, вытянувшись солдатиком. Да и в течение дня в офисе старалась как-то прилечь ненадолго на кушетке в зоне отдыха. Сердобольные коллеги всё понимали, и со-

чувствовали.

Ирина разговаривала с животом, прикладывала к нему наушники с развивающей классической музыкой и чувствовала себя правильно ориентированной мамой.

Иногда она задумывалась о своей семейной жизни. Да, всё у неё было хорошо. Новая свекровь – за тридевять земель, муж заботливый, жилплощадь отдельная. Родит вот через три месяца, судя по УЗИ, здоровенькую девочку без физических изъянов. Ульяночку! Идеальная жизнь. О такой она и мечтала чуть ли не с детства, глядя на отношения своих родителей. Как Ира сама считала, семейные ценности она впитала с молоком матери. Именно с молоком! Никаких искусственных смесей. С ними-то что впитаешь? Корпоративную этику компании-производителя разве что.

Опять же, работа неплохая, востребованный специалист она там. Доброжелательные коллеги кругом. Даже те, кто недавно её ревновали к карьерным успехам. Какую им теперь угрозу может нести глубоко беременная сотрудница? Так что, подковёрных игр у них не было.

Что за жизнь! Бери, фотографируй, да в соцсети выставляй.

Только порой, выпутываясь из очередного ночного кошмара, Ирина вздрагивала, услышав голос Пети. Потому что не его она ожидала услышать, а мягкий Егоров баритон. Нет, бывший муж по ночам не пел, просто Ира всегда про себя звуки его речи величала «баритоном».

У Петра голос был какой-то... простой, что ли. Обычный. И запах не такой. Нет, наверное, в гормонах всё дело. Петя ей очень приятен был, до беременности уж точно. А сейчас все чувства обострились, нервишки шалят, вот и лезет в голову ерунда всякая. И вообще, отличный человек этот Петруха. Надёжный, верный и ответственный.

Как-то раз он в магазин поехал в выходной, не захотел Иру на седьмом-то месяце с собой таскать. Живот хоть и «пристёгнутый», а всё одно объёмный. Через пять минут после его ухода домофон зазвонил. «Забыл что-то» – поняла Ира. Нажала на кнопку, не спрашивая. И через три минуты – звонок в дверь. «Он и ключи забыл» – подумала она, открыла. А на пороге – женщина незнакомая.

– Привет, – говорит. – Давно познакомиться с тобой хотела.

– А Вы кто? – растерялась Ира, но как-то интуитивно всё понимала. Классическая пошленькая история. Сейчас незнакомка скажет, что любовница Пети, или мать его четырёх детей. И та, собственно, пока не нарушала утверждённый вековым форматом человеческих страстей сценарий.

– Меня Даша зовут, – вполне вежливо представилась гостя. – Я караулила, когда Петька уедет.

– И долго ждала? – удивилась Ира. – Выходной же. Он мог вообще никуда не пойти.

– Ну, повезло мне, значит, – уклончиво ответила Дарья. – Можно пройти? Не бойся, скандалить не стану. Ты же бере-

менная, зачем мне грех на душу брать.

Обалдевшая Ирина провела Дашу в кухню, налила чаю. А потом выслушала интересную историю. Нет, Дарья не была действующей любовницей Петра, и матерью его четырёх детей тоже. Только одного, мальчика трёх лет. И родился он вне брака, Петя и Даша время от времени собирались пожениться.

– До того, как я забеременела, мы год встречались, – рассказывала Дарья. – Я, конечно, как каждая девчонка, мечтала, что Петька на одно колено встанет, предложение мне делает. Но дождалась, знаешь ли, другого. Когда поняла, что Стёпка будет, сразу подумала, что рожать буду, надо оформлять отношения-то. А Петька сомневаться тут начал. Мол, а потянем ли мы, молодые ещё такие, только после инсти-тутов, на ноги толком не встали, может, повременим, потом родим, да и поженимся тоже потом. Мы же на съёме тогда жили.

Даша собрала вещи, ушла к родителям, благо местная. Маялись они так, маялись. То звонили друг другу, ругались, то мирились. Через пять месяцев опять съехались, Петя уж очень извинялся, неправоту свою признавал. Оказалось, что родители его узнали, что внук будет, денег на квартиру дали, так что было, где ячейку общества строить.

– Только вот, сначала я не захотела в ЗАГС с пузом идти, свадьбу мне надо, – усмехнулась Дарья, – а потом то одно, то другое. То я после родов не восстановилась, то «давай,

накопим на ресторан, когда сынишка подрастёт, ух как погуляем на свадьбе!» Не уточнил, правда, на чьей. Может он Стёпкину свадьбу в виду уже имел.

Вот так они жили, сына Пётр на свою фамилию записал, содержал, всё честь по чести. А потом вдруг встретил первую любовь. Её, Иру.

– Он не сразу мне об этом сказал. У тебя же проблемы там были какие-то, да?

– Ага, – Ира еле губы разлепила. Ничего себе, коленкор. А ведь Петины родственники при знакомстве ни словом не обмолвились, что у него «довесок» имеется. Кремень, а не семейка. Если Дарья не врёт, конечно. Но Ирина ей отчего-то сразу поверила, уж больно хорошо это вписывалось в её личную программу американских горок.

– Заметила, что он отстраняться стал. Раздражённый какой-то. Телефон прячет. В общем, по классике всё. Начал по выходным пропадать, по вечерам поздно возвращаться.

Я поняла, что есть у него кто-то. На разговор пыталась его вывести, он отмалчивался. Ради ребенка я не скандалила, думала, нагуляется, образумится. И как-то раз мне показалось, что тактика сработала моя. Целую неделю Петька домой вовремя приходил, и в выходные не убежал. Думаю, ну всё, я победила.

А он ещё и ужин сам приготовил, готовит он неплохо, ты знаешь. Попросил Стёпку родителям на воскресенье отдать. Я от радости сияла, как Лас-Вегас, а он мне за ужином

расстаться предложил. Сказал, что наши отношения были ошибкой, он меня ни в чём не винит, всё дело в нём. Пообещал помогать.

В этом месте рассказа Ира испытала целую гамму чувств. Ощутила себя змеёй подкожной (привет, Анна Викторовна), душой набитой и даже почему-то козой драной.

Два и два удачно складывались, события подгонялись без усилий. Неделю жил с Дарьей и сыном – это когда она ему сказала, что беременна. А потом уж и замуж её позвал, значит. Дарья опять к родителям ушла, уже с ребенком.

Петя иногда с сыном видится, но очень уж редко, и не звонит почти. Деньгами помогал хорошо, до недавнего времени. А как сыну три года исполнилось, позвал Дашу в кафе встретиться. Та уже ничего хорошего не ждала, и правильно. Он ей сообщил, что содержать мать ребенка обязан до трёх лет, не больше, теперь только минимальные алименты на сына, и крутись, дорогая, дальше сама.

– Не вытерпела я, – каялась Даша. – Я ведь подумала, что ты узнала о нас со Стёпкой и условия Петрушке нашему поставила. Пришла посмотреть, что за цаца ты такая. Теперь вот вижу, что у него новые... обстоятельства. Я не знала.

– Я... я тоже не знала! – едва смогла выдавить Ирина. В таких случаях говорят: «Её мир рушился». Так вот, правильно совершенно и говорят. Все её ценности, вся её правда. Идеалы. Надежды. Жизнь-картинка. Хотя... картинкой жизнь и оставалась, а вот чем-то настоящим так упорно и не стано-

вилась.

Ира потом даже испытывала вину за то, что ей не стало плохо. Смешно и глупо, да? Но вот представьте: беременная жена вдруг узнаёт, что её муж, мягко говоря, не очень красиво себя повёл. Что сделает человек с сильным нравственным началом? Как минимум, в обморок хлопнется. Или в больницу попадёт, с угрозой выкидыша. А несостоявшаяся первая жена её мужа при этом будет бежать за каталкой, крича: – Женщина, 25 лет, беременность 7 месяцев.

Хотя нет, в сериалах так интерны делают, а не соперницы. Но потом они всё равно, подружатся, потому как после такого сильно объединяющего события сложно оставаться врагами.

Весь этот абсурд проскочил у Иры в голове примерно минуты за три. Но плохо ей не стало. Хорошо, правда, тоже. Всё в пределах допустимого, никакого преждевременного отхождения вод.

– Я пойду, наверное, – нарушила повисшее молчание Дарья. – Вижу, что для тебя это всё новость, и тебе её переварить надо. Ты себя чувствуешь как?

– Да хорошо, – с какой-то досадой ответила Ира. – В норме я.

– Отлично. Не хотелось бы тебя в больничку везти. – Видимо, фантазии у них похожие перед внутренним взором разыгрались. – Ты не думай, я нормальная. И понимаю всё. Только вот в жизни мне это мало чем помогло. Ну, пока.

Даша поднялась из-за стола, но Ира её остановила:

– Подожди. Давай, вместе Петруччио подождём.

Она сама не знала, откуда у неё на языке взялось это «Петруччио», но ей понравилось.

Даша очень удивилась, но приглашение приняла. Петя прибыл домой примерно через час. За это время Дарья успела дать Ире несколько советов по вынашиванию беременности, рассказать, какие социальные инстанции обязательно надо пройти после родов, а какие лучше до. Она вот вовремя в детсад очередь не заняла, теперь с боем, за солидную доплату, еле-еле ей место в группе дали, с сентября Стёпка пойдёт.

– Я работу найти пытаюсь. Но как её найдёшь? Официальная удалёнка у нас не распространена, а мне не хочется на одном фрилансе сидеть. В офис меня не берут, как узнают, что ребенок садовского возраста, так и отказывают под любым предлогом. Льгот не положено никаких, я же не мать-одиночка, хотя и не замужем. Вот и приходится на интернет-заказах пока жить. Да на них не сильно зажируешь.

Даша по образованию была переводчиком. Казалось бы, профессия востребованная, да в том проблема, что так многие решили, выбирая, где диплом получать. Конкуренция была большая, а заработки – наоборот. Вот и сидела сейчас Дарья с дипломом, да ребенком трёх лет, на интернет-подработках, преимущественно по ночам. И всё это под сочувственно-брезгливые взгляды окружающих. Родители её не

гнали, но одобрения их она явно снискать не могла. Что и говорить, история грустная.

Нет, Ирина могла бы повести себя так, словно её это не касается. Да ведь так и на самом деле есть! Она ни о чём не знала, мужика не уводила, вышла замуж, честь по чести. Какие к ней вообще могут быть претензии? Петя же даже не женат был! В гражданский брак только женщины и верят, мужчины в это время знакомятся на «Тиндере» и в анкетах при поступлении на работу отмечают галочкой пункт «холост». Но не вписывалось это показное счастье в её картину мира, как ни впихивай.

Поэтому вернувшийся по месту прописки Пётр с изумлением увидел вместо одной матери своего ребенка сразу двоих.

– Даша?

– Я, – кивнула Дарья.

А Ирина не вмешивалась. Теплилась в ней, честно говоря, безумная надежда, что Петя спросит: «Женщина, а вы кто?» Или Дарья в слезах признается, что всё придумала. Но муж её, судя по всему, гостью сразу признал, да и та себя вела вполне уверенно, будто не опасалась, что её можно поймать на лжи.

– Зашла посмотреть, как ты без нас живёшь. С новой супругой.

– Даш, ну не начинай. – Петя устало опустился на кухонную лавочку. – Ира, что она тебе рассказала?

– Что вы жили вместе, пока ты меня не встретил и я не забеременела. И сына родили, вместе воспитывали. А теперь ты их бросил и деньгами помогать не хочешь.

– Да не так всё! – попытался защититься Пётр. – Я алименты плачу? Плачу. А Дарью содержать не обязан, ни в одном законе такого не прописано, чтобы после трёх лет ребёнка я должен был его мать полностью обеспечивать.

– А в нравственном законе? – спросила Ира.

– Ир... – у Петра глаза округлились, – ты что, чистоплюйка такая что ли? Какой нравственный закон? Мы вот с тобой официально женились, по закону. А если бы все только на честное слово полагались, зачем тогда вообще штампы нужны? Догоняешь?

– Ладно, – Ира решительно встала. – Я пошла погуляю, а вы беседуйте. О нравственных законах, об алиментах и гражданских браках. А мне подумать надо, как к этому всему относиться.

– Ты себя как чувствуешь? – чуть ли не в голос спросили несостоявшиеся супруги.

– Вот заладили, а! – уже раздраженно отмахнулась Ирина. – Нормально всё, и со мной, и с дочкой.

И она ушла. Куда? И сама не знала толком. На улице было прохладно, середина января, как-никак. Она набрала номер единственной незамужней подруги.

– Оль, сильно занята?

Ольга оказалась свободна, как раз возвращалась с фитнес-

са. Ирина напросилась к ней в гости.

Подруга жила всё в той же съёмной трёхкомнатной квартире, Ира пришла к ней, как домой вернулась. Хотя и комната её уже давно занята была другой «одиночкой».

– Рассказывай, – велела Ольга. – На тебе лица нет.

– Не знаю, что мне делать, – вздохнула Ира.

И под уютный чаёк с бергамотом поведала, с каким моральным выбором только что столкнулась.

– Ну, и какие проблемы у тебя? – спросила Оля.

– Как? Ты не видишь проблем в ситуации? – ужаснулась

Ира.

– В ситуации – вижу. У тебя – нет.

Ольга всегда отличалась прагматичным подходом, и свои действия предпочитала планировать. В 25 лет она скромно снимала комнату, не потому что её заработков хватало только на это. Просто квартира будет дороже в несколько раз, и эту разницу можно класть на депозит. Карьера Ольги началась с работы кассиром в сетевом магазине. Не смогла она по диплому трудоустроиться, а деньги нужны были, помощи неоткуда ждать. Сегодня трудилась уже не на торговой точке, а в одном из офисов, управляющих сетью, менеджером. И считалась перспективным сотрудником. Ирина знала, что подруга её в житейском плане сметливая, но сейчас позиция Ольги казалась ей, как минимум циничной.

– Пойми, – слушала она, – мы имеем следующую исто-

рию: девушка после окончания учебного заведения, даже не приобретя ещё опыт работы, начинает встречаться с парнем. После достаточно долгого срока отношений видит, что жениться тот не собирается. Что она делает? Ждёт инициативы, как ты со своим Егором? Выясняет отношения? Нет. Она, не имея жилья и стабильного рабочего места, перестаёт предохраняться и беременеет. От человека, которому, как оказалось, она вообще никак не нужна, ни без детей, ни с ними. По сути, у них не было никаких договорённостей, понимаешь?

Ирина кивнула головой. Возразить нечем было, всё так.

– Мужчина содержит её и ребёнка, не отказывается от своей ответственности. Но тут у него непредвиденное обстоятельство в виде тебя. Он ведь тоже человек. И по сути, после трёх лет содержать мать ребенка он тоже не обязан, как и жильё предоставлять. Можно было бы считать, что они развелись, только вот женаты даже не были.

– Ох, Оль. Ты когда объясняешь, всё кажется правильно. Только вот как-то нечестно, – вздохнула Ира. – Он же ребенка своего предал. И мне он врал, и ей тоже. Мне не говорил, что живёт с семьёй, фактически. А от неё скрывал, что новый роман завёл. Я бы с ним не связалась, знай, что он не свободен.

– Согласна, трусливенькая позиция. Но ничего криминального твой Петя не совершил. И потом, есть у тебя сейчас варианты, как без него обойтись? Ну, уйдёшь ты гордо со своим нравственным законом. Куда? К маме с папой?

– Нет, к маме с папой – исключено, – помотала головой Ира. – Знаешь, они для меня всегда были образцом семьи. А тут я. С одним развелась, от второго колобком укатилась.

– Ну, смотри, расклад такой. Ты ушла сейчас, а дамочка та осталась, да? И вот Петя твой тебе пока не звонит, не пишет. Ты вообще уверена, что в этом эпизоде главная деталь – твой моральный выбор?

Ира почувствовала, как к щекам кровь прилила, в висках гулко застучало. Действительно, с этой стороны она посмотреть не догадалась. До этого момента было однозначно всё – она главная героиня сюжета и выбирает, «какого волка ей кормить». То, что Пётр сейчас тоже может принимать решение, как-то мимо неё прошло. И вот она такая распоряжается судьбами... а это оказывается иллюзией. И имеем мы на выходе беременную даму с принципами, которой некуда пойти.

– Нет, ты, конечно, можешь и уйти хоть сейчас от своего Петруччио, – продолжала сеанс искушения Ольга. – Вот хотя бы даже к нам сюда. Мы же снова соседку ищем, ты в курсе? В ту самую комнату.

– Опять замужество? – удивилась Ира.

– Не, на этот раз девочке контракт в Тае предложили, на два года. Так что, площадь пока свободна, Милана только съехала вчера. Хозяйка наверняка навстречу тебе пойдёт, даже с отягощением в виде беременности и родов. Ну, тут я поговорить смогу, думаю, легко её уговорю. Ну а дальше? Что дальше? Твой поступок что-то изменит? Только комна-

ту оплачивать придётся, а декретные выплаты не резиновые. Я бы десять раз подумала, прежде чем от мужа уйти.

Ира уже не очень внимательно слушала подругу. У неё в голове бился главный вопрос: «И почему он не звонит? Не переживает? Вздохнул с облегчением?»

И тут телефон ожил. Петя!

Ира молниеносно схватила мобильный. Пётр её потерял, спрашивал, когда вернётся или откуда её забрать.

Она помедлила пару секунд, принимая решение, а потом продиктовала адрес Ольги. На тот момент выбор был сделан.

– Ну, вот и умница, – одобрила подруга, внимательно фиксировавшая «ряд волшебных изменений» лица Ирины.

В машине оба сначала молчали. Петя нарушил тягостную паузу первым:

– Я Дашу отвёз домой, и за тобой приехал. Прости.

– За что простить? – тускло спросила Ира.

– За это вот всё. Надо было тебе рассказать, я боялся.

– Ты им помогай, ладно? – попросила Ирина.

– Хорошо, – кивнул Пётр. – По возможности. Как положено. Я просто думал, как ты отнесёшься, когда поймёшь, что деньги из семьи уходят куда-то. Ну и, если я часто буду к сыну ходить.

– Ну, теперь я в курсе, – кивнула Ира, – ходи.

Может и странно, но на этом обсуждение было закончено. Просто если бы они продолжили, поднялось бы столько «почему» и «как ты мог», что притвориться, словно ничего

странного не произошло, было бы просто нереально. А так, приличия соблюдены. Конечно, мир Ирины после этого стал менее радужным, его цвета как-то приглушились. Но вслух она об этом не говорила. И когда мама ей звонила, ничего о произошедшем не рассказывала. Ведь права Ольга в главном, она-то ничего такого не совершала, правильно? Да и Пётр никого не убил и не ограбил. Дальше живём...

Предполагаемая дата родов была всё ближе. Врачи 4 марта срок ставили, то есть если всё хорошо, женский праздник уже втроём они отмечать будут, дома. Даша о себе больше не напоминала, по крайней мере, Ире. А она и у Петра не спрашивала, как там у них дела. Договорились, что он помогать сыну материально будет? И то хорошо, что она ещё может, как честный человек и будущая мать сделать? Вот именно, ничего. Даже если убежит в Пензу от мужа с сомнительным моральным обликом, будет просто двое детей без отца и две женщины, поднимающие детей без мужика. В отцовство на расстоянии и алименты Ирина не верила, да и что это в плане бюджета? Так, на памперсы прибавка с «белого» минимума. Впрочем, идея кармы ей тоже казалась неправдоподобной, вряд ли жизнь как-то накажет Петра за то, как он поступил с доверившейся ему Дашей.

Да, Ира была идеалисткой касательно отношений, ставила на пьедестал семейное счастье и подвиг материнства, но от эзотерики находилась очень далеко. Считала любую мистику

бредом и сказками для малышей. В школьном возрасте как-то гадала на суженого-ряженого, и какое-то время ждала кареглазого блондина, но повзрослев, выбросила это всё из головы. Нет, в то, что подобное притягивает подобное, она всё-таки верила, но не видела в этом никакой мистики, только логичность причинно-следственных связей. Да, она и сейчас полагала, что если создать родившемуся человеку гармоничную среду для развития, то и получишь в итоге глубокую и позитивную личность. Но всё это – только труд и никакой магии.

Ира уже вышла в декретный отпуск, собрала пакет для роддома, они с Петром заключили договор на платные роды и спокойно ожидали развития событий.

Девочка всё больше проявляла активность, пинаясь и ворочаясь в животе. Уже не таком «пристёгнутом», потому как фигура Ирины наконец расплылась, ноги начали отекать к вечеру, кожа лица пошла пятнами и вообще, признаки беременности разыгрались во всей красе, даже одышка появилась.

Ирина продолжала беседовать с животом, на все лады повторяя имя «Ульяна». Пётр согласился с выбором без проблем, даже не пытался протолкнуть свой вариант. Может, ему просто предложенное имечко сразу понравилось, или он считал, что кто рождает, тот и называет. В любом случае, Ира была благодарна мужу за молчаливое принятие её детской мечты.

Изменились ли их отношения после того, как стала известна такая важная информация о Петре? Да, это безусловно. Ира временами задумывалась, может, Даша – это более удачная пара для её мужа? Жили бы вместе, растили бы ребенка и Петрову бороду, которая для него была точно как редкое комнатное растение или даже ещё один ребёнок. Очень он за ней ухаживал, расчёсывал вечерами несколькими видами гребешков и щёточек. Собственно, в этом тоже есть плюс – будет у Ульяны папа, который ценит уход за волосами. Ну, пусть на подбородке, но всё же.

А сама Ирина поняла, что увлечение мужа принимает, но не разделяет. И вообще, ей больше по душе мужчины с растительностью на голове, а не лице. Но видели глазки, за кого замуж шла. А может это всё гормоны шалют, нащёптывая: «Не так сидишь, не так свистишь». Вот родится дочурка, всё будет иначе. Кусочки реальности сложатся в пазл и наступит семейное счастье. Или хотя бы комфорт.

Ира в очередной раз почитала «пузожительнице» книжку о муми-троллях и легла спать. Петя ещё на кухне в ноутбуке сидел, активно общался или играл, она его не трогала. Провалилась в сон как-то сразу. И увидела Анну Викторовну. Бывшая свекровь с растерянным видом шла по обочине той самой дороги, где они в последний раз так неудачно встретились. Подняла голову, увидела Ирину.

– А, это ты... Я всё Егорушку хочу встретить, а мне ты попадаешься, окаянная. Будто цепью меня к тебе привязали.

Отстала бы ты от меня, что ли.

– Анна Викторовна, вам в больницу надо, вы выглядите не очень, – сочувственно сказала Ирина. В этом сне она действительно так считала, без сарказма.

– Ты что, доктор? – съязвила по обыкновению неугомонная ведьма. – Я б ещё с тобой советовалась, куда мне идти.

И тут вдруг подломилась, как деревце, согнулась в коленках, и упала прямо под ноги Ире.

– Ох, плохо мне, плохо! Скорую надо! – застонала покойница.

И почему-то начала колотить Иру по животу. Да так больно!

Ира закричала и проснулась, пытаясь оттолкнуть руки пожилой женщины. Но боль не прекращалась.

Забегал примчавшийся на крики Пётр, оба они голосили и суматошно хватались за всё подряд, хотя нужно было взять в руки всего-то один предмет, телефон, да вызвать медиков. Героически Пётр добился-таки, чтобы Ирину отвезли туда, где заключен контракт на роды. И к утру она родила дочь, сама.

Только что были «Тужьтесь, мамочка» и «Дышим», и тут – полное молчание. А потом послышалось кряхтение, что-то похожее на кашель, затем – вопль новорождённой. Всё получилось, мечта исполнилась. Пройдя множество жизненных испытаний, Ирина стала матерью. И жили они долго и счастливо...

Ирина с трудом фокусировалась на реальности. Больно было, словно она помогла явить этому миру не девочку полметра ростиком и три кило весом, а как минимум, товарный поезд.

– Знакомьтесь, мамочка!

У самого её лица появилось розовое размытое пятно. Затем Ира смогла сфокусироваться и уткнулась во взгляд. Знакомый до чертиков, пронзительный, чуть презрительный прищур Анны Викторовны. На этом месте молодая мама не упала (падать некуда было, лежала уже), провалилась в обморок.

3.

Нет, Ирина в переселение душ не верила. И, очнувшись в палате, сразу поняла, что взгляд зловещей свекрови ей почудился, от боли, стресса и сна, увиденного перед тем, как начались схватки.

– Девчушка у вас здоровенькая, 8 по Апгар, – бодро докладывал врач, когда Ира пришла в себя и вспомнила, что как раз перед этим родила. – Сейчас вы в себя немного придёте, мы вам её насовсем принесём. Вы даже не порвались почти. А что отключились ненадолго, так это бывает.

– А похожа она на меня? – осторожно спросила Ира.

– Она пока на кого угодно похожа, – засмеялся доктор. – Ещё сто раз израстётся. Но глаза голубые, а не как у папаши. Так что больше в вашу родню пошла, видимо. Жаль, к груди её сразу после рождения приложить не удалось, потому как вас откачивали.

Ну вот. Первое несоответствие с мечтой. Детка не припала к материнской груди, и её молоко – не первая пища, которую она попробовала в этой жизни. А может, уже и второе даже расхождение с желаемым. Ведь уж точно Ира не грезила о том, чтобы при взгляде на новорожденное дитя свалиться в обморок от ужаса.

«Хочешь рассмешить бога? Расскажи ему о своих планах!» – кажется, так сказала ей свекровь в одном из снов.

Вот ведь, старая карга. Даже с того света умудрилась ей подпортить радость встречи с долгожданной дочечкой.

– Ну уж нет, – сказала Ирина вслух. Благо, в палате одна уже была. – Всё у нас хорошо будет.

Через час ей принесли посапывающую девочку и знакомство состоялось по-настоящему. Малышка уже не казалась ей воплощением Анны Викторовны, и на том спасибо. Но почему-то ожидаемая волна нежности пока тоже никак не накрывала молодую мать. К вечеру в палату пустили почти многодетного отца, Петра. Да, есть преимущества у платного обслуживания. Он и на родах мог присутствовать, но отказался. Сказал, что развидеть он это не сможет, и как дальше вместе жить – не понятно. А Ирина и не возражала.

Началось традиционное «носик как у тётки Лены, ушки как у меня, губки как у бабушки».

– Не захотела Ульянка родиться 4 марта, торопыга, – заметил мимоходом Петя.

– Ой, а как получается правильно? – заволновалась Ира, – меня же 27 февраля увезли, вроде бы?

– Ну, а родила ты 28-го. Хорошо, год не високосный, путаться не придется, – засмеялся муж. – А то 29 февраля появиться на свет, та ещё радость. День рождения раз в четыре года.

Домой их выписали через три дня, без осложнений. Маленькая квартирка целиком превратилась в детскую. Кровать занимала половину стены, пеленальный столик. Куча ме-

бели. Компьютерный стол с креслом, двуспальная кровать, Ульяновская мебель, шкаф с одеждой. Пространства для жизни почти не осталось. Журнальный столик пришлось на балкон вынести, никуда не помещался уже. Через неделю и компьютерный разобрали, туда же выставили. Лежавший на полу ковёр тоже перекочевал на балкон. Нечего рассадник пыли всяческих микроорганизмов под ногами расстилать. Петя пытался было спорить: ковёр этот он почему-то очень любил. Да и ему казалось, что пол без него очень холодный, так и простыть можно. Но Ира мужа переспорила. Балкон теперь напоминал склад ненужных вещей, выходить туда совсем не хотелось. Мало ли, ножка от столика по коленке долбанёт, или не ровен час, рулон с ковром по головеогреет.

Петя старался, помогал Ирине вливаться в материнство. У него всё-таки родительский опыт уже был. По его словам, Ульяна оказалась более подарочным вариантом, чем его первенец: больше спала, меньше капризничала. Постепенно и новоиспеченная мать вспомнила обо всех заветах, что сама до родов оставляла в соцсетях и комментариях на форумах. Нет, эйфория всё ещё не наступала, но привязанность к своему ребёнку она почувствовала. Оказывается, к маленькому человечку тоже нужно привыкать. Иногда Ирина ловила себя на том, что ожидает от двухнедельной крохи понимания, как от взрослого человека. Ловила у себя что-то похожее на укол обиды, если девочка будила её среди ночи, или не хотела засыпать в своей кроватке, боялась купаться, выплёвы-

вала грудь.

Ей всегда казалось, что за одним грудным ребенком ухаживать не так уж и трудно. Чего там, новорожденные же спят всё время! Первые три недели так и было. Ульяна много и с удовольствием спала. А потом «демо-версия» закончилась и случилось то, что опытные родители называют «животик» и советуют лечить «укропной водой». Всем. Даже если задолбавшаяся мать приходит на интернет-форум после двухнедельного марафона по устранению проблем ЖКТ у дитяти, первое, что ей посоветуют: «укропная вода». Дальше несчастная будет три страницы перечислять, какими средствами она уже успела попользоваться (и эта самая «вода» там, конечно, на первом месте, с неё все и начинают), ей зададут уточняющие вопросы, начнётся новая страница ветки... И первым же сообщением на ней станет: «Не буду пересчитывать всю тему, долго. Укропную воду пробовали?»

Это всё, что нужно понимать о современных интернет-сообществах. И почему до родов они казались Ирине источником знаний? Сейчас «ответы знатоков» её просто бесили. Как и орущая от колик дочка. Да, она заваривала укропные семена, как положено. И ходила в поликлинику. И врача вызывала! У дочки взяли анализы на стафилококк и прочие ужасные инфекции. Всё оказалось чисто. Ира выкладывала Улю на живот, покупала газоотводные трубки и совершала прочие положенные манипуляции, которые ненадолго помогали. Даже пересмотрела полностью своё питание. Но и это

не помогало. Как-то она просто не выдержала и заорала в полный голос, зажав руками уши. А в кровати в это время кричала Ульяна, суча ногами и руками.

Петя жаловался на то, что не высыпается, а потом ему трудно работать, начал выглядеть уставшим и даже его прекрасная холёная борода потускнела и приобрела чуть лохматый вид.

– Второй раз подряд проходить этот ад, – как-то буркнул он за ужином, состоявшим из магазинных пельменей.

А телесный и моральный отдых для Пети были очень важны. Потому что работа у него физическая. Муж Иры трудился в фирме по установке окон и жалюзи, и сам выезжал на замеры и проведение прочих работ. Компания была небольшая, поэтому он и в офисе присутствовал лично, документацию по заказам заполнял, отчитывался о сделанном. Тут любая ошибка – это прямые убытки.

На улице стоял отчаянно тёплый май, деревья давно уже щеголяли летним нарядом. Ульяне исполнилось три месяца, и большую часть этого времени она, а вместе с ней и её семья, страдала «животиком». Вердикт участкового педиатра был: «Подождите, у неё это пройдёт». В качестве вероятного временного промежутка, когда всё «пройдёт», как раз и ставили три месяца. Когда благословенная дата подоспела, Ирину ожидал новый «материнский фейл». На почве постоянного стресса и самобичевания у неё пропало молоко. Все её идеальные представления о том, какой она будет женой

и мамой, отскакивали, как пуговицы у тесной одежды при ходьбе.

Недовольный муж, кричащий младенец, к которому есть привязанность и чувство долга, но нет всепоглощающей любви. И она – поправившаяся на пятнадцать килограммов, с загнанным взглядом, мечущаяся по тесной комнатухе, утыканной мебелью. Перфекционизм не просто дал трещину, он развалился, погребая Ирину под своими руинами.

Иногда звонила мама, давала советы. Ира не рассказывала ей всего, стыдилась. Даже радовалась, что родители далеко и не видят, как она терпит крушение. Из детских времён вспоминалась ей улыбчивая, спокойная мама, которая всё успевает и всегда готова приободрить, помочь и подсказать. В квартире пахло ванильными булочками и выглаженными вещами, и даже солнце заглядывало в окна как-то иначе, подсвечивая только нужные участки стола, а не слепя глаза. Почему её жизнь настолько далека сейчас от родительской? Ведь пример перед ней всегда был исключительно замечательный.

Как дались те времена Петру? Сложно и смутно. Не так давно он расстался хоть и очень симпатичной, и умной, но полноватой, погрузившейся в ребенка девушкой, потому что встретил первую любовь, «ту самую» девочку, которая выросла в прекрасную женщину. Он не романтик, но увидев её тогда с картонным стаканчиком кофе у лифта просто онемел. Узнал сразу. Тонкая, звонкая, как говорит его мама.

Элегантная и грациозная, она уверенно и доброжелательно с кем-то общалась по телефону, улыбалась и кивала собеседнику, словно видела его перед собой в это время. Фигура у Иришки стала просто отпадная, прическа стильная. Одежда выбрана со вкусом. В тот день он не решился к ней подойти. А потом всё-таки не удержался, и вот, такой ком событий следом свалился.

Что сейчас? Золушкина отекаящая ножка в хрустальную туфельку уже не залезет. Красивые светлые волосы потускнели и начали выпадать. Ирина пытается их убирать, но они повсюду. Характер тоже испортился, видно же. И ребенок, кажется, её раздражает. Нет, Ульяна всегда накормленная, чистенькая, в красивых костюмчиках. В квартире тоже вполне сносно. Но это потому, что она крохотная и убраться в ней легко, пыли и оседать толком негде. Да и он помогает на выходных. Хотя очень хочется сбежать на субботу-воскресенье. Петя радуется, когда в эти дни звонят и просят приехать к клиенту, который в другие дни не может. Раньше он старался отказываться, если была возможность, побыть со своей ненаглядной. А сейчас... Вот странная штука, почти неощутимой оказалась для него разница, с кем жить, когда в доме младенец. С любимой Ириной или нелюбимой Дарьей. Проблемы те же: ребенок плачет, женщина тускнеет и меняется. Может, это он такой неправильный, или женская природа неумолима? Только вот сын его уже подросток и колики, режущиеся зубки, памперсы и ночные пробуждения остались

в прошлом. А с дочерью только всё начинается. Он будто своими руками себя загнал в ловушку. Ведь он хотел любви, секса с обалденной красоткой и лёгкости, когда не надо подстраиваться под мальшовое расписание, по телевизору можно смотреть не только детские каналы по умолчанию, холодильник не забит на три четверти творожками и йогуртами. Такая себе нормальная, взрослая жизнь, где всё про взрослых, а не сопливых, хотя и своих, младенцев.

Что делать? Они живут на его территории, то есть, ему сбежать не получится. Честное слово, проще у кого-то жить, чем самому предоставлять крышу. Попросить уйти? Она его жена, законная. И ребенку всего три месяца. К тому же, малышку он полюбил. Его удивляло, что кажется, кроха тянется к нему больше, чем к матери. Успокаивается у него на руках чаще, чем у неё, по крайней мере. К отцовству у Петра интерес проснулся и в целом. Теперь он с удовольствием стал «воскресным папой», гуляя со Стёпкой каждый выходной, если его, конечно, не звали на установку окон. Контраст между смышлёным трёхлеткой и маленькой Ульяной, которая только-только начала понимать, что руки и ноги – это её часть, был очевиден.

С одной стороны, Ирину очень злило, что Пётр стал на работе задерживаться сверхурочно, брать заказы на выходные и неожиданно переквалифицировался в хорошего папу для сына. Понятно же было, что он просто старается меньше бывать дома. С другой стороны, ей и самой не особенно хо-

телось видеть его рядом, несмотря на помощь, которую он ей без возражений и вздохов всегда оказывал. Она с ним просто мирилась, как с неизбежностью, это уже было ей понятно самой. Легкая влюблённость, элемент новизны, очарование юношеских чувств, бережно хранимых Петром со школьной скамьи, его поддержка в трудную минуту – всё это осталось позади. Появился быт и маленькая странная девочка, которая (это Ирина хорошо чувствовала, хотя и называла себя за это сумасшедшей) её не любила. Маленькое тельце сжималось, когда Ира брала дочку на руки. Она будто не хотела к ней идти! Ирина разглядывала крохотного человечка, находила свои черты, умилялась младенческим гримаскам. Но чувствовала себя при этом какой-то отстранённой.

Когда молоко пропало, Ира, к своему стыду, испытала облегчение. Ужас какой, подумала не о том, как бы ей восстановить лактацию и вернуть естественное питание дочери в краткие сроки. Нет! Первая мысль была: «Как было бы хорошо перестать оценивать каждый кусок прежде, чем его съесть. И вина можно хряпнуть. Прямо сегодня. Мне не хочется, но как факт».

Две недели она по-честному выполняла все рекомендации «для возвращения молока». И это даже принесло небольшой результат. Но, как ни странно, на вынужденном искусственном вскармливании девочка стала гораздо спокойнее. «Животик» отступил. Возможно, всё дело было и не в материн-

ском молоке, просто возраст в три месяца уже миновал.

– Ничего, прошли колики, скоро зубы на подходе, – изрёк мрачноватое пророчество Пётр. Ирина готова была ему врезать.

Время шло, Ира пыталась привести свою жизнь в нормальный вид. Пусть не инстаграмный, но хотя бы благоустроенный.

Малышка начала ползать, а потом и делать попытки ходить. Это было трогательно, Ирина в такие моменты чувствовала себя мамой чуть больше обычного. К десяти месяцам, перед самым новым годом, девочка пошла уже уверенно. Это случилось на улице. Ульяна стояла, ухватившись ручками за скамейку, и вдруг повернулась к Ирине, которая пошла к коляске, взять термос с тёплым чаем. Их разделяло небольшое расстояние. Девочка улыбнулась матери, раскинула руки, и неловкой походкой, как бегущий пингвин в объемном комбинезоне, проследовала к Ирине. Та схватила ребенка в охапку, и почему-то разрыдалась. Это были первые её слёзы счастья со времени рождения дочери.

– Господи, почему, как я стала такой вот раздраженной тёткой, которая не рада своему ребенку? – горько размышляла Ирина.

А ночью ей приснился кошмар. Она их давно уже не видела. Ирина стояла у того самого торгового центра, а через дорогу к ней бежала Ульяна. Раскинув ручки и смешно переваливаясь. У Иры сжалось сердце, она слишком хорошо

знала, что будет дальше. Автомобиль появился ниоткуда и ехал, ускоряясь, прямо на бегущую ему наперерез маленькую девочку.

– Нееееет! – закричала Ира, и проснулась. Кажется, уже открывая глаза, она слышала звук удара и визг тормозов.

Ирина обливалась холодным потом в пустой кровати. Пётр дома не ночевал, сослался на то, что ему надо с утра рано ехать на заказ, и он поспит у друга, чтобы встать утром с ясной головой. Ведь у Ульяны теперь «зубки» и ночи снова беспокойные. Да уж, сегодня Ирина вполне способна составить дочери компанию, а то и конкуренцию по части ночных криков.

Молодая мать кинулась к детской кроватке. Дочка ворочалась, Ира явно её побеспокоила своими воплями. Она погладила девочку по спине, успокаивая. Тут её будто обдало холодом. Время – после полуночи, уже новый день. День смерти её бывшей свекрови под колёсами авто беспечного водителя-болтуна. Ровно два года, как не стало желчной Анны Викторовны, портившей ей жизнь.

***

Новый год прошёл как-то рутинно. Практически перед началом боя курантов Ульяна проснулась, раскапризничалась, засыпать долго не хотела, так что Ирина не успела загадать желание под бокал шампанского и поздравление Президента. Более того, пытаясь уложить дочь, она и сама уснула рядом с ней, потому что была измотана. Она всё-таки пыталась

держат лицо и устроить идеальный семейный ужин. Наготовила на роту солдат, хотя гостей они и не ждали.

Проснувшись в три часа ночи, Ирина поняла, что муж всё ещё сидит на кухне перед телевизором. Придя к нему, застала его в компании бутылки коньяка и телефона. Петя активно сидел в соцсетях, поздравляя друзей и принимая поздравления. Подошла, села рядом.

– Шампанское будешь? – спросил Пётр.

– Давай.

Налил ей бокал, чокнулись за Новый год.

Он выглядел обиженным. Нет, Петя был взрослым и разумным человеком, понимал, что встреча нового года в маленьком тесном помещении с ребенком, которому и года не исполнилось, вряд ли будет искромётным событием. Но... он остался один в так называемый семейный праздник, потому что остальные сначала плакали, потом спали.

– Ты устал от нас? – спросила Ирина.

Петя вздрогнул. Он как раз думал об этом. Что устал так жить.

– Я понимаю, что это – не вечно, – начал он. – Но я заколебался уже.

На самом деле, он сказал не «заколебался», а более резко.

– Мы в каком-то тупике, – выразить мысли Пете помогало выпитое виски. Коряво, зато честно и по существу. Наболело. – Я тебя люблю, и Ульяновку тоже люблю. Но я постоянно не выспавшийся, на пределе уже. И с тобой у нас как-то всё

уже не так. Помнишь, как вначале было? Любовный рай.

– А сейчас бытовуха, – продолжила Ирина. Она резко допила шампанское, и сама налила себе ещё. – Нам в Пензу лучше уехать, наверное, – сказала она. – У родителей пожи-ву, Уля подрастёт пока. Потом вернёмся, в садик её устрою.

– Не, не надо, – смущённо стал отбиваться Петя. – Не хо-чу я вас высылать. Там нас весь район знает, представляю, что скажут, когда ты туда переедешь. Давай попробуем даль-ше. Скоро же и зубы все вырастут, и дочура старше станет. Справимся.

И они пытались справиться. Только вот Ире становилось всё сложнее. Девочка росла и отношение её к родной матери становилось всё более странным. Или Ирине это казалось? Иногда она думала, что вот-вот сойдёт с ума, или даже уже сошла.

Порой Ульяна просыпалась, звала её:

– Мама!

Ирина подходила к кровати, а Уля смотрела на неё изу-чающе и как-то недоброжелательно, с подозрением, и рук не протягивала. А как-то раз вообще плюнула ей в лицо. Речь малышки активно развивалась, она нарабатывала словарь, как и у всех детишек, были у неё словечки, смысл которых не сразу и поймёшь, родители со смехом пытались их угадать. Особенно сложным оказалось одно: «игоська». Никак не по-лучалось понять, что это такое.

Характер Уле достался явно бунтарский. Часто дёргала мать за волосы, постоянно капризничала. Причём на попытки отца сделать то же самое, что и Ирина, например, дать себя одеть или выкупать, девочка откликнулась более спокойно. Петя начал косо поглядывать на Ирину. Уж не обижает ли она ребенка в его отсутствие? Точно ли эта самая женщина мечтала родить дочь и наслаждаться каждым её вздохом? Напряжение между ними всё возрастало, и к полутора годам Ульяны достигло своего апогея. Случилось это резко, непредвиденно и странно.

Ирина готовила ужин на кухне, Петя с бутылочкой пива коротал пятничный вечер на диване с ноутбуком, мельком приглядывая за дочкой. Куда она денется-то, пространство ограниченное, всё видно, как на ладони. Малышка возилась со своими игрушками, потом ей стало скучно, и она не спеша прошла к шкафу, открыла его, постояла немного, внимательно изучая неизведанные пространства. Сколько возможностей! Девчушка деловито высыпала на себя содержимое нижней полки. Им оказались папки с какими-то бумагами и фото.

Пётр посмотрел на дочь, погрозил пальцем:

– Ай-яй-яй! Вот мама сейчас ата-та тебе сделает!

Ульяна гордо оглядела причинённый ущерб, и вдруг радостно засмеялась, захлопав в ладошки:

– Игоська, игоюска! – повторяла девочка.

– Что там за «игоська»? Хоть узнать наконец! – Петя за-

интересованно слез с дивана, поспешил к дочке, которая уже сидела на корточках, проворно разрывая напополам какую-то фотографию. Один фрагмент она отбросила, а второй прижала к сердечку.

Ира, привлеченная шумом, зашла в комнату. Прямо ей под ноги, причудливо закручиваясь, как кленовый «вертолётник», спланировал кусок фотоснимка с её первой регистрации брака. Она в платье невесты.

– Ты чего это хулиганишь? – строго спросил Пётр, аккуратно забирая у девочки остаток карточки. Посмотрев, изменился в лице:

– Игоюска? Ира, как ты это, твою мать, объяснишь? Почему наша дочь мало того, что знает твоего бывшего перца, так ещё и любит его, судя по всему? Сколько у неё этот грёбаный «игоська» с языка не сходит? Месяца три?

Как среди старых квитанций и всякой архивной и в основном, не очень нужной документации, затесалась совместная фотография Ирины и Егора, она и сама не знала. У неё не было цели вымарать первого мужа из своей жизни так, чтобы ничего о нём не напоминало. Да и Пётр этого не требовал. Но тот факт, что малышка испытывает столь тёплое чувство к дяденьке, о существовании которого и знать не должна, оказался для него непростительным.

– У меня сразу всё на свои места встало, – заявил Петя. – Вот почему ты и на дочку всё время раздражена, и ко мне никакой страсти не проявляешь. Тебе он нужен, и ты жале-

ешь, что Уля – моя.

Девочка начала хныкать, колотить ладошкой отцу по коленке.

– Что, маленькая, испугалась? Папа же не на тебя сердит-ся, – наклонился Пётр к Ульяну.

– Игоюську мне отдай! – потребовала кроха.

Пётр испепелил взглядом Ирину, накинул на себя какую-то ветровку, и прямо в домашних шортах ушёл на улицу. Благо стоял тёплый августовский вечер.

А Ира не знала, что делать дальше. Она боялась подойти к собственному ребёнку, который сейчас пугал её до жути. И понятия не имела, как объяснить мужу то, что он видел. Она и сама не знала, что это. Если до этого какие-то странности в общении с дочкой казались ей надуманными, мол, это всё послеродовая депрессия, нервишки шалят, это я себе нагнетаю, то теперь-то, теперь как? Ведь Пётр видел то же, что и она.

Что ему сказать? Знаешь, дорогой, мне кажется, душа моей бывшей свекрови вселилась в нашу дочь? Или нет, как там правильно? Реинкарнировала? Ведь это же бред! Пётр ни на секунду ей не поверит, решит, что она в его отсутствие вместе с ребёнком бежит на свидания к Егору, а теперь придумывает совершенно тупые отмазки. И это в лучшем случае. В худшем – отправится она в психиатрическую лечебницу. Как ни крути, с Петром нормально ситуацию разрулить не

выйдет.

Ночевать муж домой не пришёл, на звонки не отвечал. Ирина отправила ему сообщение: «Петя, не знаю, как тебе объяснить то, что случилось. Клянусь, с Егором я не встречалась, тем более Ульяна его никогда не видела. Как-то разбирала при ней старые фотографии, сказала, что это Егор, как Егорушка, которого мы в мультике видели».

Так себе объяснение. Условно-достоверное, поскольку, даже если бы это было правдой, неясно, почему один раз увиденное изображение настолько поразило детское воображение, что девочка постоянно звала этого самого «Егорушку». И что за мультфильм такой? И почему тогда Ирина не догадалась, что «игоська» – это и есть Егорушка, если они и правда про него сказку видели? Словом, очень шаткая теория с кучей слабых мест. Поверить в неё можно, только если очень этого возжелать.

Написав мужу, хоть как-то успокоив этим самым нервы, Ирина глубоко вздохнула и посмотрела на дочь. Ульяна спокойно сидела на полу, перебирая рассыпанные бумажки. Давно их выкинуть пора. В квартире и так дефицит места, а они хранят столько ненужного мусора.

– Уля! – позвала Ирина. – Ты кто, Уля?

Девочка посмотрела на мать не самым осмысленным взглядом, посасывая кулачок вместе с зажатой в него фотографией Егора. Потом вдруг показала ей язык. Ирина реши-

лась, взяла ребёнка на руки. Сходит она с ума или нет, но за малышкой нужен уход, и неважно, почему происходит вся эта чертовщина, ребёнок есть ребёнок.

На послание Пётр не ответил, но утром домой всё же вернулся.

– Хочу тебе верить, – сказал он. – Но это всё очень странно. Ульяна же моя дочь, правда?

Ира отшатнулась, как от удара в лицо.

– Ну, вот только не надо строить из себя оскорблённую невинность! – повысил Пётр голос. – Что я должен думать?

– Ладно, – Ира постаралась говорить спокойно. – Мы сделаем тест на отцовство, ты сам лично его проконтролируешь. А потом мы мирно разведемся. Иначе я с ума сойду.

– Ты меня шантажом сейчас взять пытаешься, чтобы я отказался проверять подозрения? Понимаешь, что после этого ещё сильнее хочется такой тест сделать?

– Я тебя не шантажирую, – Ирина чувствовала, что вот-вот взорвётся. – Ты просто меня сейчас фактически называешь шлюхой. И если решишь довести дело до конца, значит по-настоящему меня такой считаешь, независимо от результатов анализа.

Пётр твёрдо уверовал, что дело нечисто, взял среди недели выходной и сам съездил с дочкой сдать ДНК-тест. Результат ожидаемо для Ирины показал его отцовство. Видно было, что муж теперь не знает, как быть. Дочь – его. Но ведь что-то всё же нечисто. В объяснение с мультфильмом пове-

ритель очень хотелось, но он не смог в интернете найти что-то, подходящее по описанию (дурында-Ира, хоть бы легенду придумала более убедительную, а то брякнула наобум).

Пока Пётр думал, как ему урегулировать ситуацию, Ирина искала пути для самостоятельного выживания. Уле уже было полтора года, то есть выплаты на неё теперь составляли около 50 рублей в месяц. Этого даже на один проезд в автобусе не хватит.

– Гена, привет! – позвонила Ира своему начальнику. – А есть ли у нас в компании такой зверь, как удалённая работа? На полный день, и даже неполный, я пока выйти не могу. Но с ноутбуком вполне могла бы...

– Что за формат такой, удалёнка? – было даже по телефону слышно, как Геннадий скривился. – Это уже фриланс какой-то. Разве работают так серьезные предприятия?

Но пробить почву пообещал. И слов на ветер не бросил, оказалось, что сейчас как раз внедряется проект, в котором соображалка Ирины пригодится, «если она у тебя целиком в лактацию и подгузники не ушла», но работать придётся часов по 8 в день, можно по своему гибкому графику.

Ира напомнила Петру, что тот обещал её мирно отпустить. Зачем ей это было? Она и сама не очень понимала. Просто задыхалась уже в этом замкнутом пространстве со странным, будто чужим ребенком. Словно ждала она одного младенца, и тут прямо «на выходе» ей подсунули кого-то другого. При этом приходилось изображать, что не проис-

ходит ничего из ряда вон выходящего, и даже придумывать логичные объяснения всей этой мистической чепухе. В глубине души Ирина чувствовала, что если бы Пётр стал настаивать на проживании девочки с ним, она бы согласилась, и даже с некоторым облегчением. Но при всём недоверии жене, становиться отцом-одиночкой Петя не планировал. Он поиграл желваками, пропал из дома на пару дней (что стало в последнее время уже привычным делом, даже работой уже не прикрывался), а потом сообщил Ире, что нашёл через друзей съёмную квартиру на хороших условиях, готов оплатить её на год вперёд и лично перевезти их туда вместе с Ульяной. Где взял столько денег на оплату? Им контракт выгодный прилетел, на целый многоквартирный дом, тендер выиграла.

– Разводиться будем? – буднично спросила Ирина, выслушав предложение.

– Тебе надо? – как-то даже ошетинился Петя. – Вот всё равно нечисто у тебя с бывшим. И развестись теперь хочешь вот. Зачем бы ещё, как не для этого.

– Дурак ты, – беззлобно бросила Ира. Она чувствовала, будто во рту у неё вата, в голове – поролон, или ещё какая-то мягкая и не проводящая нервные импульсы синтетика. – Конечно, я выгляжу исключительно как женщина, которая востребована у любовников и живёт только страстью. С метёлкой на башке, остатками лишнего веса, который я сбрасывала, да не добросила. Я тебе-то в таком виде не нужна, а у

остальных мужиков – да, нарасхват.

Петя немного смутился. Ирка, конечно, всегда мудрёно говорит, не сразу её поймёшь. Но так-то, права, на вид она сейчас ни разу не секси, а если бы с этим своим айтишником шуры-муры крутила, хотя бы в парикмахерскую сходила, это точно.

– Извини. Тогда я вообще ничего не понимаю. Но давай, торопиться не будем.

– Хорошо, посмотрим, – кивнула Ира. И пошла собирать вещи. Вот так рушился второй её брак менее чем за три года. Она уже начала привыкать к своему женскому несчастью. Ещё бы материнское фиаско как-то принять. С этим сложнее.

***

Ульяна росла, училась всему, в том числе, говорить. И это обстоятельство Ирину не особенно радовало. Какой же она оказалась ужасной матерью. Срывалась то и дело на маленьком ребенке, боялась её присутствия, вздрагивала от прикосновений. Будто рядом с ней находился громила-рецидивист, а не ребенок полутора лет от роду. Пару-тройку раз в месяц Ира общалась с родителями по видеосвязи. Как сознательная (тут горькая ухмылка) мать, она не собиралась таскать малышку по поездкам – автобусом, и в путешествия с девочкой планировала пускаться не ранее её двух лет. А сейчас и подавно ей никуда ехать не хотелось. Но бабушка-дедушка имели право видеть далёкую внучку, такую возможность

и давали современные средства связи. Переехав в новое жильё, Ирина старалась максимально отсрочить момент, когда они в очередной раз созвонятся с «картинкой» и мама с папой увидят, что интерьер как-то сильно поменялся.

Нет, квартирка была вполне милая. Такая же маленькая, как у Петра, и детская кроватка туда неплохо поместилась. Но всё же факт переезда был налицо. Начать с того, что у мужчины жилья окна выходили на солнце, здесь они смотрели во двор. Часто свет хотелось включить даже днём. С одной стороны, неплохо. В прежнем жильё Ира то и дело пыталась укрыться от пронзительных лучей, которые в особо яркие дни казались ей лазерными. В квартире был диван, даже совсем неплохой и не сказать, чтобы старый. Днём его можно было складывать, чтобы экономить пространство. В первый же день Ира хорошенько прошлась по нему отпаривателем, какая-никакая, а дезинфекция. Мало ли, кто тут до них жил. Да, обои были слегка облезлые. На одном из кухонных шкафчиков, казалось дверца вот-вот отлетит, хоть каждый день её подкручивай. Стиральная машинка излишне трясётся при отжиге, можно на ней ещё и масло сбивать. Но в целом, жить можно, всё необходимое присутствует.

В первый месяц избегать видеозвонков ей помогла работа. Да и вообще, она Ирину буквально спасла. При первой возможности молодая мать погружалась в проект, получая зыбкое ощущение иной, более нормальной реальности, где

нет переселения душ или сумасшествия, странного ребёнка с обвиняющим взглядом и, самое главное, осознания её полной нереализованности во всех выбранных ипостасях. Мать, жена, любимая женщина. Сидит одна, с ребенком, в съемной квартире, в спальном районе.

Ирина теперь работала в связке с маркетинговым отделом, сидела, изучала показатели целевой аудитории и лопатила кучи цифр. Выполняла то, что с чем комфортно справляться и без офисного стола с компьютером. И вся эта умственная деятельность очень её бодрила. Даже интерес появился. «Мамские форумы» с их животворящей укропной водой она давно уже забросила. Хвастаться-то нечем было, собственных заветов Ирина не исполнила.

Иногда ей казалось, что Ульяна ей целенаправленно пакостит. Но она тут же одёргивала себя, повторяя: «Нет, нет. Это невозможно. Так не бывает». Подумывала пойти к психологу. Но что она ему скажет? «Моя покойная свекровь возродилась в моей дочке и старается свести меня с ума. Вчера она толкнула табуретку, когда я развешивала бельё». Нет, в дурдом ей ещё рановато, однозначно. Тем более, что всяческая реинкарнация – это бред полный.

Она никому не могла рассказать о том, что её беспокоит. Как убегает в работу, чтобы не видеть дочь. А та всё равно в ней нуждается в это время. Подходит, хнычет, пытается забраться на колени. Ира берёт девочку на руки, та впивается в лицо жадным, ищущим взглядом, не находит чего-то важ-

ного, или наоборот, видит что-то не то, и начинает кричать. А порой – и колотить её по щекам маленькими, но сильными кулачками. Так, что синяки иногда остаются.

А временами Ира случайно выхватывала фигурку дочери не глазами, сердцем, и начинала неудержимо рыдать от нежности к ней, потому что это был её ребёнок, сладкий до малейшего миллиметра кожи. Эти два состояния плохо соседствовали в голове Ирины, доводя её до безумия.

Что делать? Учиться жить с тем, что есть? Или пытаться разобраться? Как? В год и восемь сон Ульяны начал налаживаться. Она всё реже «путала день с ночью», и даже когда ей явно снилось что-то дурное, не просыпалась с плачем. Вошел в их обиход и полноценный дневной сон. У Иры появилось больше времени на себя и на работу. Вместо интернет-сообществ счастливых мамочек ей открылись совсем другие родительские излияния. Однажды, ругая сама себя и внутренне содрогаясь, набрала в поисковике запрос, которого сама боялась. Смешно, но при этом она ещё и оглядывалась, не видит ли Ульяна. Будто даже если в неё каким-то непостижимым образом вселилась вздорная пожилая женщина, она сумела прихватить своё образование и умение читать.

«Я боюсь своего ребенка» – вбила Ира в строку браузера. И поражено застыла, глядя на огромное количество выданных результатов.

– Господи, женщины, – обратилась она вслух к авторам

всех отображенных заголовков. – У меня дома чертовщина происходит. А вы-то чего боитесь?

Оказалось, большая часть статей была посвящена материнской ответственности, боязни что-то сделать не так, причинить вред хрупкому ребенку и выглядеть во всевидящих глазах общества плохой матерью. Но были тексты, которые показались Ире очень созвучными. Женщины анонимно признавались в том, как не могут принять собственного ребёнка: его жесты, запах, привычки. Раздражаются на его поведение и даже просто присутствие. Испытывают отвращение к своему малышу.

Ирина погрузилась в чтение и чуть не забыла, что пора идти с дочкой на прогулку. «Опять я мать года» – подумала она.

В их новом дворе была недурная детская площадка, куда Ирина и Ульяна ходили каждый день. Всё-таки материнский минимум она выполняла. Другие мамы с детьми казались ей воплощением несбывшихся желаний, и оттого наблюдать за ними было больно. Ирина раньше всегда легко сходилась с людьми (Анна Викторовна не в счёт), но сейчас не особенно рвалась заводить новые знакомства. Беседовать о прикормах, раннем развитии и лучших детских книжках ей не очень хотелось. Она прилагала усилия, чтобы не смотреть на своего ребёнка букой и не орать чуть что, какие уж тут светские разговоры.

Какую стратегию выбрать с Ульяной? Ирина думала об

этом постоянно. Верит ли она, что с её дочерью происходит нечто аномальное? Скорее, нет. Должно быть какое-то объяснение. Скорее всего, роль сыграли её ночные кошмары до и во время беременности, неотвязное чувство вины за причастность к чужой смерти. Говорят же, что ребенок и мать незримо связаны, первые месяцы и даже годы жизни они единое целое. Вот и передался девчужке весь этот «ментальный и эмоциональный мусор» прямиком от мамочки. Беда в том, что, разложив так удачно всё по полочкам, Ирина почувствовала себя ещё большей сволочью. Выходит, она вообще полностью сама повинна в странностях, происходящих с девочкой. Можно сказать, внушила ей на подсознательном уровне бредовую идею своей ответственности за жизнь, а точнее смерть чужой ей женщины. А теперь ещё и раздражается на ребенка, орёт и придирается к малышке, которой и двух лет нет. Как ни крути, ей помощь нужна. Профессиональная. Которую почему-то так страшно просить.

Ира привыкала к новому району на окраине города, к другим стенам. В квартире до них явно жила семья с ребенком. В тайных уголках кое-где попадались детские рисунки на обоях, а как-то за стиральной машинкой отыскались два солдатика. Почти через два месяца отдельного проживания мама всё-таки что-то заподозрила, и сама позвонила ей по видеосвязи, несмотря на все отговорки дочери «занята, работа, ребёнок, поликлиника».

И, конечно, почти сразу разобралась, что к чему. Пары минут хватило, чтобы увидеть не те обои и шкаф.

– Вы переехали? – обеспокоенно поинтересовалась мама. – А Петя?

Ира пожала плечами и вздохнула. Придумывать историю о благополучной жизни семейства ей не хотелось. Тем более, и Петя-то за это время не появился ни разу. Пришлось говорить, как есть.

– Разъехались мы, мам.

Позади мамы показалось обескураженное лицо папы. Вот здорово-то. Оба родителя присутствуют при очередном признании доченьки в своей никчемности. Папа помахал ей рукой, сказал что-то нежное и ободряющее. В «бабские проблемы» он вникать был не мастак, но всегда старался успокоить. Только вот девочка выросла, и подуть на коленку, чтобы всё прошло, уже недостаточно.

Ничего, и это пережили. Ирина жила в каком-то липком болоте. По ночам – за компьютером работала, в свободные минуты читала истории о плохих матерях (это успокаивало), засыпала под утро, днём – спала после обеда вместе с Ульяной, вела жизнь биоробота и биоматери. Старалась не думать о жизни, забывая сознание видеокормом типа сериалов. Читала с Ульяной книжки, хвалила её каляки-маляки, старалась не замечать очередные откровенно вражеские действия в свою сторону. Благо, ребёнок маленький совсем, что она сделает-то взрослой женщине? Кто-то же должен в их паре

быть взрослым. Она сама об этом так мудро рассуждала во время беременности, разве нет?

Как ни странно, семейная жизнь без мужа складывалась даже спокойней, чем с ним. До этого она постоянно себе говорила, насколько важен надёжный тыл. А в разлуке оказалось, что линии фронта никакой нет, обычный быт. Да, сложности бывают, но у кого их нет. Зато не приходится ему доказывать, что она не видится с первым мужем. Да, собственно, зачем доказывать, если он всё равно уверен обратно и его не переубедить.

Вот так, неспешно, подобрались они к очередному предновогодию. 25 декабря случился неожиданный сюрприз. За пару недель до этого мама спрашивала её почтовый адрес, сказала, хочет внучке подарок прислать к празднику. Но немного слукавила. Этот подарок она решила привезти лично, заранее не сообщив. Открыла Ирина дверь, а на пороге – мамуля с чемоданом.

– Привет, дочура! Решила вот с вами Новый год встретить. Или у вас другие планы?

Ирина чуть ли не села у порога.

– А как же ты без папы будешь встречать-то? – только и смогла спросить.

– Да как-нибудь разберёмся тут, на троих.

Новый год всегда был для их семьи особым праздником. Когда Ира жила в родном городе, только вместе, только со своими. Да и пока с Егором не встретилась, даже из столицы

каждый раз приезжала дома праздник провести. Это же святое! Воссоединение, детские переживания в любом возрасте. Оплот, каменные стены, домашний очаг и всё такое. То, что мама решила изменить традицию и упорхнуть из надёжного семейного гнезда, сбило Ирину с толку не меньше, чем внезапно вспыхнувшая любовь Ульяны к Егору. Всё равно, что Антей бы решил полететь в космос. Или Самсон подстригся под «нолик». Да, мифологию Ира знала очень хорошо, в детстве читала много.

В прихожую прибежала Ульяна, и бабушка пришла в восторг. Следующие пару часов оторвать её от ребёнка было невозможно. Похоже, и девочка вполне приняла гостью. Ей вообще все остальные люди нравились куда больше, чем мать родная. Ира пожала плечами и решила воспользоваться ситуацией, поработать немного. Тем более надо было сдавать предновогодний проект.

– Ну, рассказывай, – потребовала Ирина вечером, когда они с мамой сели пить чай в кухне. Ульяна играла в комнате, и время от времени кто-то из них двоих бегал проверять, всё ли в порядке. Это, впрочем, было излишней мерой, поскольку в квартире вся мебель была со скруглёнными углами, а мелких удушающих предметов на полу точно не валялось.

– Как так вышло, что ты перед Новым годом к нам приехала? Неужели с папой что-то не поделили?

– Ирусь, – мама виновато улыбнулась. – С папой твоим мы ещё два года назад всё поделили. Разъехались и спокойно

живём каждый сам по себе.

Вот это поворот. Идеальному браку конец? Ира была совершенно ошарашена. Как ребёнок, увидевший, как Дед Мороз снимает бороду и оказывается двоюродным дядей.

– Но вы ведь мне звоните вместе. По видео, – не могла взять она в толк.

– Мы договариваемся, он приходит, исключительно ради картинки. Ты же знаешь, что мне от дедушки квартира досталась?

Ира кивнула.

– Мы договорились, что папа в ней живёт, на него её записали, а я остаюсь, где и была. Мы не хотели тебе рассказывать. Ты же так всегда восхищалась, как мы живём.

– Да, вы мой образец для подражания, – растерянно призналась Ирина.

– Как говорится: «Не сотвори себе кумира», – вздохнула мама.

– Что же у вас случилось?

– Надоело нам притворяться. Поверь, тебе лучше всего не знать. Но жизнь наша никогда не была такой идеальной, как тебе казалось.

– Лучше не знать? Чего? – Ира уже была готова к любой информации. – Папа тебя бил?

– Нет, что ты, – отмахнулась мама. – Я бы тогда ни дня с ним не жила. Ладно, чтобы ты не придумала чего страшнее,

скажу. Но я тебя предупреждала. В изменах причина. Постоянных. Не моих. На протяжении многих лет. И не уходила я от него, чтобы семью сохранить и тебе травму не наносить. А его такое положение вещей просто устраивало. Всё, дальше лучше не расспрашивай.

Ира всё равно хотела что-то спросить, но не смогла. Из комнаты донёсся непонятный шум, а потом отчаянный детский вопль.

Обе женщины подскочили. Надо же, увлеклись беседой, да о ребёнке забыли. Поистине, у семи нянек дитя без глаза.

Одним прыжком одолев расстояние от кухни до комнаты, Ира увидела дочку, прижавшуюся к кровати спиной. Она истерически визжала, закрыв глаза ладошками. Неподалёку от неё валялся пульт дистанционного управления (откуда взялся, не понятно), а рядом конвульсивно содрогалась маленькая машинка. Она лежала кверху брюхом, а колёсики игрушки жужжали и вертелись.

К внучке кинулась бабушка, подхватила на руки, начала успокаивать. Ира окинула комнату взглядом, и примерно поняла, что случилось. Дверь небольшого шкафчика была открыта, а хранившаяся в нём картонная коробка (от прежних жильцов осталась, Ира в неё никогда не заглядывала) валялась на боку, содержимое разбросано тут же. Это были какие-то мелочи. Видимо, и машинка оттуда же. Скорее всего, Ульяна решила обследовать шкаф, она это любит, нашла пульт управления, надавила первую попавшуюся кнопку, и

на неё понеслась машинка.

– Да, наверное, так и было, – согласилась мама. – Но почему она настолько испугалась? Дети обычно радуются таким игрушкам. Ну, наехала на неё машинка... Она что, автомобилей боится?

– Нет... вроде бы.

С автомобилями в своей пока ещё коротенькой жизни Ульяна сталкивалась не то, чтобы часто. Петя их несколько возил в поликлинику до того, как разбежались. На такси иногда передвигались. Без истерик, без испуга. Почему Ульяну перепугал наехавший на неё детский автомобильчик? Объяснение у Ирины было. Правда, снова безумное и неправдоподобное, маме его говорить было категорически нельзя.

Игрушка была того же цвета и примерно той же модели, что и настоящее полноразмерное авто, отправившее на тот свет Анну Викторовну ровно три года назад, день в день.

Хорошо, мама успокаивала Ульяну и не увидела, как изменилось лицо Ирины. Проклятье! Она столько усилий приложила в последние месяцы, чтобы не замечать странности, чтобы просто жить. Оказывается, никуда эта мистическая тема у них с дочерью не делась, сама собой не рассосалась. А ещё – разрушился совершенный, надёжный островок семейного родительского счастья. Оказалось, уже много лет она дышит иллюзией. Всё благополучие, взаимопонимание, уважение к партнёру, рай, который казался ей достижимым, стоит лишь повзрослеть, стать более мудрой, найти своего чело-

века, как мама с папой... всё это, выходит, наведённый морок. Мамину голову, как выяснялось, уже много лет украшает не корона любимой женщины, а ветвистые рога. А папа только изображает заботливого мужа и отца, но стоит дочурке отвернуться, лечь спать, уехать на учёбу, влюбиться – и театр одного зрителя объявляет антракт.

Да ладно! Не слишком ли много для одного простого вечера в узеньком кругу родных людей? Но если уж судьба взялась делать сюрпризы, то так быстро не остановится. Успокоив внучку, Елизавета, мама Иры, решила убрать рассыпанные вещички обратно в коробку.

– Почему у вас вообще этот чужой хлам стоит? – спросила она у дочери.

– Ну, выкидывать как-то жалко, да и копаться в вещах не хотелось, а вдруг там что нужное, потом как позвонят хозяйкам, попросят вернуть. Я бы отправила доставкой какой-нибудь, но адреса не знаю.

– А я тебе с этим могу помочь, – неожиданно сказала мама. – Вот тут футболка детская с пришитой биркой: «Симонов Стёпа». Как считаешь, это совпадение, что ребёнок прежних квартирантов – твой однофамилец? И, как понимаю, полный тёзка Петиного сына.

– Это не жизнь, а какая-то мыльная опера, – беспомощно ответила Ира.

Стало понятно, куда отлучался с ночёвками Пётр в последние месяцы их брака. Не к понимающим друзьям, а в

запасную семью. И квартиру эту он для Даши со Стёпкой снимал, чтоб у родителей их не навещать. Куда они съехали, освободив это жильё? Вариантов очень мало. Один, практически.

– Надо на развод подавать, – вздохнула Ирина.

– С чего это? – не поняла мама.

– А пусть подёргается. Сейчас, поди Дашке говорит, что не разведён, и поэтому на ней не женится. Может сочиняет, что это я ему свободы не даю. Посмотрим, как он потом запоёт.

– Тебе это точно надо? – Елизавета Семёновна сомневалась. – Сейчас он тебе деньги переводит как жене, квартиру вот оплатил пока. А потом достанутся голые алименты с минималки. Подожди, не рубли сгоряча.

Ира пообещала подумать. Действительно, тот ещё денёк у неё выдался, явно не до принятия решений сейчас. Нужно было насущными делами заниматься. Ульяну ужином кормить, да маму на ночь устраивать, надувать гостевой матрас, который та предусмотрительно с собой привезла. Даже сейчас мамуля продолжает быть идеальной, не просто свалилась без предупреждения на голову дочери, а прибыла со своим спальным местом и поучительной житейской историей.

Новый год они встречали втроем. Вечером 31 декабря позвонил Петя, поздравить с наступающим.

– Даше привет передавай, – мимоходом обронила Ира.

– Передам, спасибо, – ответил Петя и неловко замолк.

– Коробку с вещами можешь приехать, забрать. Там машинка Стёпкина, работающая. Он её потерял, наверное.

– Ага, – выдавил Пётр и спешно начал прощаться.

– Вот так кажется, с детства человека знаешь, а он полон неожиданностей. Таких же, детских. – язвительно прокомментировала Елизавета.

– Это не только его касается, – сказала Ирина. – Я от вас с папой тоже нехилый инсайт словила.

– Что за словечки у вас нынче, – поморщилась мама. – Даже собственные дети и то закрытая книга на иностранном языке. Не поймёшь, что думают, что говорят.

– Согласна, – Ире вдруг захотелось пооткровенничать. – Мам, мне иногда кажется, что я не понимаю, кто такая Ульяна. Будто она чужой человек, который не по своей воле со мной оказался. И мы вынуждены жить вместе.

– Это к тебе неожиданно в раннем возрасте зрелая мудрость снизошла, – совершенно серьёзно сообщила Елизавета Семёновна. – Знаешь, если подумать, всё именно так и есть. Дети – это совершенно отдельные люди, которых не стоит воспринимать частью себя. И уж точно в них не прорасти, как твоя первая свекровь, земля ей пухом.

Ира вздрогнула при упоминании Анны Викторовны.

– Мама, а ты в загробную жизнь веришь?

– Сама не знаю. Иногда кажется – не может жизнь вот просто так заканчиваться. Такой опыт приобретён, столько эмо-

ций пережито. И всё – в сплошное чёрное пятно уходит? А с другой стороны... что там ещё может быть? Ой, что-то не о том мы с тобой за три часа до Нового года заговорили, нехорошо это.

И они принялись хлопотать, накрывать на стол, будто ждали гостей. А Ульяна простодушно пыталась помогать: несла, да не донесла салфетки, уронив их по пути в собственный горшок. Странностей в поведении она не проявляла, и Ирина даже расслабилась. Пожалуй, это был самый милый Новый год за последние лет этак пять. Не осталось никаких (ну, почти) недомолвок, все идеалы благополучно разрушились и можно было строить на их месте нечто новое.

Нет, Ирина не превратилась с двенадцатым ударов курантов в идеальную любящую мать. Но ко многим вещам начала относиться проще. Да, она всё ещё не чувствовала эйфорической любви к Ульяне, не купала её в лучах нежности с утра до вечера. Порой, вздрагивала от её прикосновений и глухо рычала от очередного каприза. Но ощущение нарастающего сумасшествия её отпустило. В конце концов, речь девочки ещё была ограничена, особо пугающих вещей та не сообщала. А капризы? Ну, они у всех детей бывают. Права мама, надо к ребёнку относиться как к другому человеку, с которым вас свела судьба. Вон, Анна Викторовна жила интересами сына, и что вышло? Может, и не плохая женщина была без этой судорожной, иссушающей любви (хотя нет, это смешно, она-то в любом случае ведьма).

4.

В четвёртом классе Егор прочитал в каком-то журнале рассказ про мужчину, который после аварии, как все думали, находился «в вегетативном состоянии» и ничего не понимал, а на самом деле у него был «синдром запертого человека», он проживал очень бурную жизнь, но у себя в голове. Кричал внутренним голосом на окружающих, которые не видели, что он есть. Из всего тела у него двигались только белки глаз, и он пытался ими показать, что всё понимает. Но почему-то в глаза ему как раз смотреть избегали. Родственники чувствовали себя виноватыми в аварии и боялись на него глядеть в принципе. В итоге этого человека решили отключить от аппаратов обеспечения жизнедеятельности, и только в этот момент поняли, что он подаёт им знаки глазами, а уже было поздно, он умер.

Егор тогда так впечатлился историей, решил понять, что чувствует «запертый человек». Лёг на диван и перестал шевелиться. Даже попробовал не дышать, но быстро понял, что у него надолго задержать дыхание не получится. Когда мама зашла в комнату, он не двигался, и только следил за ней взглядом.

Мама сначала не обратила внимания, подумала, что он задремал. Что-то ему рассказывала про своих учеников, ворчала, мол он посуду за собой не помыл, а он не реагировал,

потому что был заперт внутри себя.

Наконец, отсутствие реакций маму озадачило, затем напрыгало. Она подошла, попыталась его разбудить, потрясла несильно за плечи. Приложила ухо, послушала, сердце бьётся. Видно было, что испугалась. И тут Егор не выдержал, улыбнулся.

– Ах ты, оболтус! – закричала мама. Схватила футболку, висевшую на спинке стула, и начала его охаживать.

Егор вскочил с дивана, защищаясь:

– Мам, ну ты чего, мам?

– Бестолочь! – продолжала мама. – Я же вижу, что ты на меня смотришь, а всё равно страшно! Не смей меня так пугать, идиот!

Иногда мама употребляла такие слова: «Идиот, бестолочь, оболтус». Но Егор знал, что это не по-настоящему. Когда мама очень злилась, лицо её менялось, превращалось в напряжённую маску ярости, как у индейского идола. А её любовь к нему в это время надёжно была укрыта внутри. Тоже заперта. Чтобы с ней ничего не случилось, пока мама на него злится. Нужно было подождать, пока эта любовь, спрятавшаяся от бури, не поймёт, что погода наладилась, можно выходить. И это было видно по мамину лицу. Оно становилось растерянным, как будто мама не понимает, кто это сейчас так плохо ругался. Видно было, что она хочет извиниться. Егор знал, что всё хорошо. На маму можно было положиться.

Они жили в раздолбанной коммунальной квартире, из ме-

бели у них был старый продавленный диван, гремящая железным скелетом раскладушка, старенький телевизор, тумбочка, да скрипучий шкаф. Правда, в кухне имелся собственный маленький холодильник. Соседние две комнаты занимала другая семья. Сначала одно помещение пустовало, было закрыто на ключ. В другом уютилась семейная пара Фёдор и Евгения, вместе с дочкой Машей младше Егора на 7 лет. А закрытая комната принадлежала по документам сорокалетнему брату женщины. Он её ни продавать, ни сдавать не хотел, и видимо, не зря. Потому что, когда Егору было лет 12, новый соседшка неожиданно вернулся в родные стены. Его все называли Лёха. Лёха был неженат и не очень востребован в дамском обществе. А если его послушать, получалось, что он и сам не хотел «связываться с бабами, которым не человек нужен, а только его кошелёк». Право на такую позицию ему давал неудачный брак с такой вот меркантильной стервой. Она его выкинула из квартиры, купленной её родителями. После чего и пришлось занимать пустующую комнатёнку в коммуналке.

Почти сразу у Лёхи подобранный им помоечный кот, такой же независимый и гордый, как его хозяин. Он не признавал условностей типа личных границ и лотков для отправки кошачьих нужд. Лёха во всём этом был с животным солидарен. Соседи старались кота в свои комнаты не впускать, а по квартире ходили как по минному полю, потому что легко было вляпаться в кучу или лужу. Через неделю после вселе-

ния кота Фёдор встретил Лёху в коридоре после работы и внушительно попросил его матом убирать дерьмо вовремя, иначе кот полетит с третьего этажа.

Лёха, как личность свободная, никакого насилия над собой не признавал, а над другими – вполне. Поэтому решил действовать просто и брутально. Соседка с сыном-школьником – мать-одиночка. Женщина неконфликтная вроде бы, здороваётся всегда вежливо, на сына, правда, орёт временами. Лёха даже думал было за ней приударить, но потом рассудил, что она уже немолодая, да ещё и с прицепом. Такой уж точно денег подавай, нахлебника её содержать. Да и старше его она, по лицу видно. Он же ещё вполне молодуху привлечь может.

Как-то раз Лёха остановил Егора, который зашёл в кухню за стаканом молока.

– Ты это, вот чего. Уход за животными – это детская обязанность, тебе разве взрослые не говорили? Так что будь добр, в общем жильё порядок-то поддерживай. А то стыдно. Кота вон, гладишь, любишь, значит, животинок. А следить за ними гнушаешься? Папке твоему, поди стыдно за такого сынка было, раз он от тебя сбежал.

Лёха своим искусством убеждения очень гордился. Как и мужской статью.

– Вон там в прихожке куча воняет. Убрать бы надо!

Егор чужого наглого мужика испугался, взял тряпку и в коридор пошёл. А довольный своим мудрым решением про-

блемы Алексей взял бутылку пива и спокойно отправился в комнату. Он не учёл, что как раз в это время с работы должна была вернуться соседка. Да собственно, что ему сделает одинокая женщина, которой на любого свободного интересного мужчину молиться положено? Оказалось, могла она очень даже многое.

Через пять минут после своего ораторского бенефиса Лёха услышал стук в комнату. Видимо, мальчишка прибрался и докладывать пришёл, не иначе. Алексей вальяжно открыл дверь, и увидел за ней соседку Аннушку. В руке она держала тряпку, ту самую.

– Здрасьте, – приветливо улыбнулся Лёха. – А я тут вашего мальчика к труду приучаю.

– К труду, значит? – уточнила женщина, в ответ не улыбнувшись. – А тебя самого-то почему не приучили?

Алексей такого хамского обращения не ожидал, поэтому только озадаченно хлопал редкими рыжеватыми ресницами.

– Слушай внимательно, – жестко продолжила Анна. – Своего сына воспитываю я сама. А ты говно за своим наглым котом тоже убираешь сам. А если я ещё хоть раз увижу в квартире лужу или кучу, то ткну тебя туда носом, понятно? – Лёха растерянно кивнул.

– Подойдёшь к моему ребенку, мало тоже не покажется. Я уж найду как на тебя надавить. Если хочется, можешь проверить. А теперь – дуй работать. И ещё – кота своего кастрируй, пока он метить всё не начал. Иначе сам фальцетом за-

поёшь.

Анна сунула Лёхе тряпку, и пошла к себе.

– Вот больная, – обиженно протянул Алексей. И порадовался, что ума хватило к такой не подкатывать. Если бы чего не сложилось, она бы жизни ему потом не дала.

С того дня он в открытую конфронтацию с соседкой не вступал, но старался подгадить исподтишка. Правда, удобный случай редко когда подворачивался, потому как все «мыльно-рыльные» принадлежности дура-баба хранила в своей комнате, а мини-холодильник в кухне у неё тоже был свой, и сразу после инцидента Анна на него замок навесила. Вот уж точно на всю голову калеченная. Оставались мелкие пакости, вроде того, чтобы в карман пальто гнилое яблоко подсунуть.

А однажды шанс отомстить по-крупному всё-таки выпал. Лёшенька шёл домой с работы и встретил участкового прямо у подъезда. Сообразительный мужчина сразу понял, как выгодно можно воспользоваться ситуацией.

– Здравсьте, здравсьте! – обрадованно кинулся Лёха к служителю порядка. – Обход делаете, дело правильное!

И пожал ему руку, как мужик мужику. Он гордился, что на ступени, куда вознесла эволюция мужской пол, есть такой ритуальный жест, недоступный бабам. Символ братства. Мол, не знаю, где была твоя рука, но доверяю тебе и приветствую.

– Райончик у нас спокойный, но расслабляться-то нель-

зя! Вот, к примеру, соседи мои. Одиночка с ребенком. Запущенный же пацан, безотцовщина. Того и гляди, пойдёт по наклонной. Я пробовал было по-соседски помочь парню, так не прислушалась.

– Сознательный вы гражданин, вижу, – кивнул участковый, раскуривая папироску.

– Я -да. И законопослушный. А вот соседка моя, гражданка Остроухова, нет. Скрывает доходы от государства. Оказывает услуги населению в свой карман.

– Услуги в свой карман? Это какие же? – заинтересовался милицейский.

– Обучающие. Репетиторствует она, знаете ли. Незаконно обогащается.

– Вот как? – милиционер прищурился. – А заявление на неё написать не хотите ли? С указанием своих имени-фамилии? А то ведь как нам её прижать?

Алексей слегка стусевался:

– А без этого нельзя? Она же узнает, а это небезопасно может быть. Нанесет мне физические увечья, или ещё какие преступные действия совершит. Асоциальный же элемент.

– Асоциальный? А ты, значит, социальный, да?

Участковый резко отшвырнул недокуренный бычок.

Лёха не сразу понял, что концепция поменялась.

– Слушай, ты, ано...ним, – милиционер начал медленно наступать на Лёху. – Остроухову Анну Викторовну ты оставляешь в покое. Не твоё дело, с кем она русским языком за-

нимается. И от пацана её отстань.

– Да у вас... у вас преступный сговор! – осенило Алексея. – Её милиция крышует. Наверное, выручку делите.

Он бочком-бочком ушёл от оборотня в погонах, добежал до своего подъезда, рванул на себя дверь. И тут на него выпал мальчишка, Колька. Один из тех, что к соседке ходят к экзаменам по русскому готовиться.

– Извините, – вежливо сказал мальчик. Потом радостно помахал участковому:

– Привет, пап! Давно ждёшь?

– Да не, пришёл только. В машину иди.

Лёха вздохнул и прошмыгнул в подъезд. Не тому служителю закона он свою гражданскую позицию излагать взялся, не тому. Здесь явно рука руку моет.

С того дня появилось у Лёхи желание добиться справедливости. Привлечь соседку за коррупцию и за оказание незаконной предпринимательской деятельности. А что, он узнавал, есть такая статья закона, что услуги населению надо оказывать только легально. Были 90-е, и на такие условности мало кто смотрел, времена стояли тяжелые, народ зарабатывал, как умел.

Лёха в своей деятельности зашёл далеко – написал анонимное письмо в РОВД, указав, что не может указать своё имя, поскольку боится преследования участкового, подкупленного Остроуховой. Удивительно, но на сигнал отреагировали, заявке дали ход.

Однажды на пороге коммуналки появились трое «сотрудников», поговорить с соседями и с самой Анной Викторовной.

Лёха вышел из своей комнаты, стараясь сохранять невозмутимый вид и полную незаинтересованность. С достоинством сказал, что да, бывают 2-3 раза в неделю дети школьного возраста, явно не просто так они сюда ходят. А вот Женька с Федькой его не поддержали.

– Я работаю много, – поведал Фёдор. – Чужих тут не вижу особо. Да, пару раз сталкивался с ребятишками. Вежливые, не орут, не мусорят. Так тут и Егорке всего-то лет 11, откуда я знаю, может они к нему в гости забегают.

– Вот-вот, – согласилась Евгения. – Мальчишке общение нужно. А если Аня и помогает кому к экзаменам готовиться, так просто от душевности. Им сейчас столько задают, когда всё успевать? А так они и общаются с ровесником, и его мама им может иногда подскажет, как слова правильно писать.

Дело окончательно заглохло, когда родитель одного из учеников Анны Викторовны, депутат района, попросил не трогать одинокую учительницу, как полезного члена общества. Но при личной встрече порекомендовал ей быть осторожнее.

Анна с соседом держалась на удивление спокойно. Хотя ей было совершенно очевидно, что донёс на неё именно он. Просто как-то раз на кухне она мимоходом бросила:

– Алексей Владимирович, а вы уже налоги заплатили за

предпринимательскую деятельность?

Лёха чуть тарелку в мойку не уронил.

– Какие налоги? Какая деятельность?

– Как? А разве вы не зарегистрированы? Вы ведь такой законопослушный, – стерва явно издевалась. – Ремонт техники на дому делаете же? Делаете, точно знаю. Кому телевизор починили, кому пылесос. И вовсе не от вашей конторы при этом действуете. Так что, будем продолжать игрульки, или хватит?

– Хватит, – буркнул Алексей, и ушёл к себе в комнату.

За котом он убирать начал сам, к Егору больше не лез. Но кастрировать животину так и не стал. А котяра в положенное природой время начал оставлять повсюду вонючие метки.

– Лёха, свози ты его к ветеринару! – требовала Женя.

– Ты мужа своего к ветеринару свози! – хамил Лёха. – Мужу бы ты яйца отрезала? Это наше природное достояние. Через три дня кот бесследно исчез из квартиры.

Тут уж Алексей вскипел. Колотил в дверь Анны и Егора, бешено ругался матом. Она не побоялась, открыла.

– Сука! Стерва! – орал подвыпивший ремонтник. – Ты куда моего кота дела? Знаю, что это ты!

– Не трогала я твоего блохастого питомца, – брезгливо ответила ему соседка. Может, внутри она и боялась, но знала – показывать страх нельзя, шакал набросится и загрызёт.

Лёха был пьян, с пострадавшим мужским самолюбием и запасом накопленной ненависти ко всем феминам сразу. По-

этому он кинулся на Анну с кулаками. Ударил кулаком в лицо, толкнув женщину внутрь комнаты, где Егор делал уроки. Хорошо, учеников не было.

Егор подскочил, на дядьку замахнулся было, но мать его остановила.

– Не надо! Беги, милицию вызывай.

А сама Лёху за руку схватила, чтобы он за Егором не кинулся. Страшно было ему маму оставлять, но послушаться не посмел. Выбежал в подъезд, кричит:

–Помогите! Маму бьют!

И на улицу. Телефона домашнего у них не было, так что к таксофону бежать пришлось. Нёсся и думал: «Как же там мама? Зачем я её оставил? А если он её убьёт». По лицу слёзы ручьём. Звонил он тоже, плача в трубку. Поэтому, наверное, ему и поверили, вызов приняли. Велели домой не возвращаться, опасно. А как не возвращаться, если мама там одна. Сердце колотилось, боялся он за маму очень. Взялся за дверную ручку, и чуть не задохнулся. Дверь закрыта была. От отчаяния начал колотить, с криками:

– Открывай, урод! Открывай!

Дверь ему мама открыла. К лицу она прижимала мокрое полотенце.

– Ты живая! – выдохнул Егор.

– Живая, живая, я не только это переживу, – успокоила его мама. – А герой наш в комнате своей закрылся.

Приехал тот самый участковый, Колин отец, а с ним ещё

двое милиционеров. Тогда уже робко высунулись жильцы соседних квартир, поняли, что пришли их беречь. Факт нападения был налицо – следы побоев наблюдались не только у мамы Егора, но и на двери в их комнату. Там, где Лёха её пинал, наблюдались небольшие повреждения и висели комья грязи, так как нападавший был в ботинках прямо с улицы. Кроме того, раскиданы вещи в коридоре и на кухне. Алексей дверь открывать отказался, проорав пьяным голосом, что будет говорить только в присутствии своего адвоката.

Мама тогда сняла побои и написала на соседа заявление. Протрезвев, он пришёл просить его забрать, видите ли, беспопутал. Тем более, что Фёдор признался – кота он выкинул. Мол, кастрировать самца ему показалось излишне жестоким, а вот вернуть в естественную среду – более гуманным.

– Мужская логика, – фыркнула мама. Заявление она забирать отказалась, сказав, что ударивший один раз, сделает это снова. Особенно, если ему всё с рук сойдёт. Соседка Женя плакала, тоже просила было за непутёвого родственника, но быстро поняла, что это бесполезно.

Алексея просто-напросто привлекли к административной ответственности, поскольку он ранее не привлекался, судим не был, а тяжкие телесные повреждения нанести не успел. И то правда, подумаешь, фингал соседке поставил, так что она неделю на работе пропустила, а потом ещё две – толстым слоем косметики синяк замазывала. Но это потерей работо-

способности у нас не считается. Зато штраф ему назначили, в пользу потерпевшей. Осталось только его выплатить заставить. Егор и до сих пор не знает, расплатился ли сосед.

После такого жить в прежней квартире не представлялось возможным. Мама решила свою комнату выставить на продажу. Только вот, кто её купит, в коммунальной-то квартире. Так и промаялись продаваемые метры ещё чуть больше года, пока Фёдор с Женей не поднапряглись и не выкупили их сами. Времена это были непростые. Соседи почти не разговаривали, некогда лёгкие и приятные отношения стали напряженными. Лёха, хоть и отморозок, но всё же свой, родственник, а за своих положено обижаться на «чужих». Да и в стране происходило очередное не пойми что. Зато у Анны Викторовны, как ни странно, наметилась личная белая полоса. И несказанно вовремя!

Какое-то время у неё в активах «висело» наследство от бездетного дяди, в виде домика под Рязанью, и вот, она неожиданно успешно его продала, а как раз после этого и дозрели соседи. Плюс, были у неё кое какие накопления, не зря же она репетиторствовала и за написание студенческих работ бралась, было дело. Вертелась, как могла, во всём себе отказывала, покупала только самое необходимое, копила по рублю, по копеечке, много лет. Один умный человек ей посоветовал часть сбережений в доллары перевести. Сложив все полученные средства, она смогла купить «трёшку» в не самом престижном районе города, с отсыревшими стенами

и грибок в ванной, зато свою, отдельную. Может, и занять ей ещё у кого-нибудь пришлось, Егор не в курсе был, но зная маму – вполне могло быть и такое.

Первое время они ездили общественным транспортом в прежнюю школу. А потом ей предложили работу рядом с домом. И не просто учителем, а целым завучем. Мама согласилась, и Егора туда же решила забрать.

Совсем скоро в стране разразился страшнейший кризис. Егор смутно помнит давку в продуктовом, где люди скупали всё подряд, очереди у сберкасс, чтобы снять хоть какие-то деньги. А в целом впечатлений о всеобщем коллапсе у него осталось немного. Другие проблемы волновали. Он тогда впервые влюбился, и поэтому очень переживал перевод в новую школу. Медный таз, которым накрылась экономика страны, мало его волновал. Как выживала в те смутные времена мама? Он теперь и сам не очень хорошо понимал это.

Услышав в конце весны о том, что мама забирает его документы вместе со своими, он впал в депрессию. Ведь там остаётся Катя! В другом районе, другой школе. Другой жизни! Он пробовал сначала просить, потом бунтовать.

– Мам, я же уже взрослый! Я могу ездить сам, на автобусе, на метро, как мы до этого с тобой вместе ездили.

– Сможешь, – кивала мама. – Но посчитай, сколько времени у тебя это будет занимать. Ты ведь понимаешь, да? Тебе из-за всех этих наших разъездов кружки бросить пришлось, не успевал ты с ними ещё и уроки делать. А сейчас можешь

вернуться к полезным занятиям.

Строго говоря, мама была права полностью. Весь прошедший год он только и успевал, что учиться, да уроки делать, и больше ничего.

– В таком ритме, я считаю, ты ещё во взрослом возрасте успеешь пожить. Так что, думай сам.

Да, мама была авторитарная, могла на него заорать, швырнуть в него тапок, огреть полотенцем в сердцах. Но всё остальное время говорила с ним, как с равным, разумным человеком. Призывала оценить ситуацию и принять взвешенное решение.

Это сейчас бы они с Катей не потерялись и после расставания, в те же времена нынешних средств коммуникации в ходу ещё не было. Правда, как раз в то лето мама занималась установкой домашнего телефона. Как завучу, ей необходимо было находиться на связи, чтобы учителя могли звонить. Так что, условная ниточка между Егором и его дамой сердца всё-таки протянуться могла. Но далеко по ней не пройдёшь, это тебе не канат совместной учёбы.

Егор даже думал сбежать из дома. Но куда? Отец жил в другом городе, да и вообще, по сути, был для него незнакомым чужим человеком. Но если бы даже между ними были сформированы настоящие мужские отношения отец-сын, всё равно это проблему бы не решило, а только усугубило, ибо Катя оказалась бы ещё дальше, чем сейчас. Тогда подросток в начале переходного возраста с его гормональными

бурями, не нашёл ничего лучше, чем объявить жестокой матери голодовку.

Можно представить, сколько эпитетов он от неё услышал. Анна Викторовна от сына, действительно, ждала взросления, и поэтому глупые с её точки зрения, поступки, выводили её из себя. Выпустив пар, голодовку она бодрым голосом одобрила:

– Это очень удобно, сейчас как раз в стране кризис, с продуктами напряженка. Главное, не пропустить момент, когда тебя нужно будет в больницу доставить. Сначала на принудительное кормление с помощью медикаментов, а потом уже к психиатру. Жалко, навещать тебя не смогу, в тюрьме сидеть буду.

– Почему? – буркнул страдалец.

– А куда, по-твоему, доставляют матерей, которые детей запускают до того, что те в голодные обмороки падают? На Мальдивский архипелаг?

Егор голодал целых два дня. На третий он сдался. Услышал, что мама вечерами плачет. Явно же из-за него. Да и толку с той голодовки было, когда соцсети ещё не изобрели, спрашивается? А жрать хочется очень уж мучительно при этом, голова ощутимо кружится, того гляди, в обморок грохнешься.

А ещё через пару дней выяснилось, что мама оставляет его в старой школе. Просто не хотела говорить, чтобы он не подумал, что она так положительно подкрепляет его идиот-

скую акцию.

– Решила тебе дать возможность надеть собственных ошибок, – объяснила мама. – Но всё равно, поступаешь ты, как полный придурок.

Он и сам это понял к концу второй четверти. Оказалось, что ездить в школу и обратно без мамы не так приятно, как с ней. Да и учителя его уже не так любили, как раньше, ведь он больше не был «сыном нашей русички». И с Катей всё было как-то не так. Вне школы с ней встретиться не получалось, у неё-то и музыкальная школа, и танцевальный кружок. И вообще, Смирнов вон записался на курсы обучения игре на гитаре, скоро свою рок-группу организует, не иначе! А Егор даже плавание бросил и кружок с модным названием «основы электроники и робототехники», куда ходил до переезда.

Уроки делать было сложно – дорога выматывала, да и времени на них оставалось мало. А мама помогать отказывалась. Сказала:

– Сын, ты свой выбор сделал, и это – не я. Выпутывайся сам теперь.

А потом Егор увидел, что Катю после школы провожает Смирнов. И почувствовал, что теперь он «запертый человек». Мышцы лица у него окаменели, звуки не издавались, даже «пока» сказать не получилось. И эмоции тоже теперь были где-то внутри глубоко. Жертва оказалась совершенно напрасной.

Вечером он спросил у мамы, как можно перевестись в её школу. Та взглянула совсем недобро. В последнее время она так часто на него глядела, видимо, за предательство презирала.

– Наигрался в Ромео? – спросила она. – Капулетти своего Тибальта на тебя спустили?

Егор только вздохнул. Когда вот так издеваются, отвечать вовсе и не хочется, хотя «Ромео и Джульетту» он читал.

– Нет уж, дорогой. Неси последствия своих решений гордо и радостно. В середине учебного года прыгать из школы в школу ты у меня не будешь. Доучивайся класс, тогда поговорим.

Успеваемость у него снизилась, и за это мама его ругала и наказывала. Ну, как наказывала... телевизор на выходных смотреть не давала. И, конечно, пилила время от времени. Так, что ему из дома сбежать хотелось. Учиться было тяжело, смотреть на Катю и Смирнова тоже. Так и проходил «запертым человеком» до конца года. Урок он усвоил. В следующий класс пошёл уже в новую школу. Когда документы уже забрали из старой, с бывшими одноклассниками попрощался, позвонила ему Катя. И плакала в трубку, говорила, что так жаль, не хочется расставаться, и всё такое. Вот как понять этих девчонок? Может, со Смирновым поругалась?

– Что, опять захочешь в прежний свой класс вернуться? – спросила мама, догадавшись, кто ему звонил. – Учти, тогда придётся до выпускного там доучиваться. Больше я тебя от-

туда вытаскивать не стану.

Это она врала, конечно. Она и в этот-то раз еле утерпела, чтобы не начать хлопотать сразу после его просьбы о помощи. Один Бог знает, чего ей это стоило, и как она боялась, что он передумает и решит остаться в той школе. И уж, конечно, помогла бы ему снова. И Егор это прекрасно знал. Был у неё этот недостаток – в сердцах наорать, обещая все возможные кары, а потом забыть эти наказания применить. Вроде бы, педагог, а позиция крайне непедagogичная. Причём, когда она свирепствовала и угрожала, сама твёрдо верила, что всё это исполнит. Вот такая уж она. Была.

Сейчас Егор иногда чувствовал себя «запертым человеком». Он ходил на работу, общался с людьми. Участвовал в корпоративных мероприятиях. Всяких тимбилдингах, спартакиадах, выездных пикниках. Очень их новое руководство подобные штуки любило. Девушки находили его привлекательным и старательно заигрывали. Он был завидным женихом: одинокий, практически сирота, руководитель отдела, при собственном жилье. Ещё и симпатичный. С ним флиртовали в открытую. Егор иногда думал о том, что хватит уже сидеть затворником, выбирался вместе с закадычными друзьями в загородные спортклубы, зимой они устраивали лыжные забеги, летом стреляли по тарелочкам. Мамы не было уже несколько лет, конечно, сейчас он не был таким, как в первый год после её смерти, обвыкся, но груз потери куда не делся. Иногда он приходил с работы, падал на диван,

включал телевизор и бездумно его смотрел. Кажется, даже не видел. А вся жизнь его в это время проходила внутри, и это была прошлая жизнь. То он вместе с мамой защищался от пьяного дурня-соседа. То снова устраивал голодовку. Ведь она тогда на него обиделась. Почувствовала, что он её предал, променял на девчонку. После всего, что ему дали, после всех принесённых жертв. Где сейчас эта Катя? Как-то нашла она его в соцсетях, лайнула, задружила. У неё семья, двое детей, муж – не Смирнов. Сейчас та первая любовь кажется картинкой на песке. Своих яростных эмоций, пылких чувств он почти не помнит. Что в остатке? Ощущение падения с высоты, когда он понял, что ей не нужен. Воспоминания о слезах мамы из-за него. Её лицо, когда он кричал, что важнее этих первых чувств нет ничего, а она уже просто старая и не понимает.

Он представлял, какую бездну одиночества мама ощутила, когда поняла, что сын её бросает, пусть не физически – морально. Уходит в свою подростковую жизнь, в которой она уже не важна. Кто такая мать для своего залюбленного ребёнка? Привычная, незыблемая стена. Без неё вроде как не обойтись, но она – не для дальнейшего полёта. Вдохновляться растущий мальчик будет другими особами женского пола. Вот бы сейчас прожить всё заново. Это теперь он видит, как же ей нужна была тогда поддержка. Одна, в кризис, на новом месте, на новой работе и в новом качестве. Ей так необходимо тогда было родное плечо. Даже если это сыновье плечико.

Он считал, что мама его не поняла и оставила один на один с бедой. На самом деле – это он её предал, очень эгоистично. И ради чего?

Егор вспоминал, как они ездили вместе по городам Золотого Кольца. Как ходили в походы с её друзьями-учителями. Как мама купила видеомэгнитофон, и они вместе смотрели фильмы на кассетах из проката. Это было уже после той истории с первой любовью, когда они смогли снова друг другу доверять, и все эти переживания, его бунт и её преувеличенная жёсткость забылись.

Он хотел бы многое переиграть. Набить морду Лёхе. Не устраивать эту глупую голодовку из-за такой же глупой и мимолётной любви. Быть рядом с мамой в её первый рабочий день в другой школе. И помочь сохранить мир в семье, когда он женился на Ире.

«Зачем она вообще пошла через дорогу, да ещё не глядя? Хотела помириться с невесткой? Или, наоборот, решила высказать всё наболевшее? А может, было что-то ещё? Мама, теперь ты никогда об этом не скажешь, а мне нужно как-то жить без тебя. Со всеми упущенными возможностями, со всеми моими ошибками». Как она любила повторять в трудных ситуациях: «Я и это переживу». Нет, мама, ты не вечна. Не всё ты смогла пережить.

Вот о чём думал внутренний, запёртый Егор. В то время, как его оболочка работала, общалась с «друзьбанами», улы-

балась в ответ на девичий флирт. Пару раз он принимал подачу, даже приглашал девушек на ужин. С одной завязалось что-то похожее на недолгий роман. Но он быстро кончился, так как девчонка увидела в Егоре полную незаинтересованность и вежливое безразличие. Обозвала «козлом» и бросила поскорее сама, чтобы успеть первой. Обе они были из их бизнес-центра, но работали в других организациях. В своей компании на такое сближение Егор не пошёл бы принципиально.

По кому он скучал больше, по Ирине или покойной маме? Сложный вопрос. С мамой его связывала целая жизнь, с кучей историй, не всегда приятных. У неё был противоречивый характер, но при этом безграничная любовь к сыну, полная преданность и готовность вытащить хоть из пожара. Иногда, не только в том случае с переездом, она не кидалась ему на помощь только усилием воли, чтобы позволить выплыть самому, сделать выводы. Чего ей это стоило? Кто знает. Может, она пальцы себе кусала или крестиком вышивала, чтобы не начинать спасательную операцию. А может, с другой стороны, он её сейчас идеализирует, и ей правда хотелось его проучить? Кто знает, кроме неё.

Говорят, мужчина в каждой женщине ищет маму, и женится на самой похожей. В отношении Егора этот постулат не сработал уж точно. Ира ему маму не напоминала совершенно. Они и внешне разные. Мама – резкая, порывистая, категоричная. Ира – милая, женственная, игривая. Сходство,

пожалуй лишь в том, что обе они умные и начитанные, с ними всегда интересно поговорить. Правда, не вместе, а по отдельности.

Мама как-то призналась, что к его появлению оказалась не готова. Она была повёрнута на чтении, мечтала когда-нибудь написать роман, баловалась стихами. Он до сих пор иногда их находил, написанные от руки или распечатанные на принтере. Не умела готовить и следить за порядком. Все-му этому начала учиться, когда появился он, Егор. Иногда они вместе запускали квартиру до бардака, а потом устраивали генеральную уборку. Ирина – полная противоположность. Женой и матерью она готовилась быть чуть ли не с первой младшей группы детского сада. Наверняка и стала чьей-то идеальной спутницей жизни. Да, иногда мама упрекала Иру, что вещи не на месте, но, положив руку на сердце, замечания её были по большей части придирками. Дольше нескольких минут брошенная мелочь без присмотра бы не осталась, но мама успевала и этим кратким промежутком невнимательности воспользоваться, чтобы упрекнуть. Так-то он должен был поговорить, найти слова, достучаться... Самоустранился, дурак.

Вот бы сейчас извиниться перед Иришкой. Прикоснуться к ней, зарыться лицом в её волосы.

Егор услышал мяуканье. Оно вывело его из забытья. Поднял голову с подушки – кино уже закончилось, на улице темно. Фифа просит есть, явно. Он же не насыпал ей корма, ко-

гда пришёл домой. Да и сам забыл поужинать. Нехотя поднялся, пошлёпал на кухню. Кошка по пути очерчивала его ноги знаком бесконечности, мурлыкала.

Мама, ты же хотела чёрного британца. Вальяжного, шерстяного, с сытым и чуть презрительным взглядом. Откуда эта рыжая уличная кошка с просящими глазками? Потому что это нужно было больше ей, чем тебе? Увидела её, дрожащую, пьющую воду из лужи, и опять отказалась от мечты.

Или это ещё один укор ему? Мол, нашла себе родную душу, раз уж ты, сынок, от меня ушёл. Или она так не считала?

– Я не хочу заедать твою жизнь, Егор. Но я так долго привыкала быть твоей матерью, что мне нелегко в одночасье понять – ты вырос и надо тебя отпустить.

Глупостью было соглашаться брать у неё завтраки в контейнере. Что он, не прожил бы без них? Ира была семейно-ориентированной, это верно. И готовила отлично, и за бытом умела следить. Но при этом приветствовала крушение патриархальных установок и гендерных стереотипов. Это её слова, прямая цитата. Если двое работают – они вносят пропорциональный вклад в семейный быт. А значит, готовить по ночам котлетки и собирать судочки она не будет. Вот родится ребенок, тогда станет домашней клушей, если угодно, это будет её зона ответственности, а пока – сам, дорогой.

У них с мамой же была традиция, собирать друг для друга коробочки с этими самыми перекусами. Даже пусть в маминской школе и существовала вполне сносная столовая, но до

неё ещё дойти надо, не всегда успеешь. Да и время дорого. Поэтому он крошил ей салаттики. А она ему готовила. У Егора на первом этаже бизнес-центра вполне приличная кафешка с бизнес-ланчами, но он туда редко ходил, да и коллеги его тоже предпочитали помещение, выделенное под кухню, с микроволновкой и пластиковыми столиками.

Когда Егор съехал вслед за Ириной, мама позвонила ему, извинилась. Сказала, что, наверное, сильно погорячилась и очень сожалеет. И ей не хватает их ритуала с готовкой. Она по привычке идёт на кухню, собирать для него «тормозок», вспоминает, что это делать не нужно, и сама она уже, собственно, не очень нужна.

Она разучилась жить для себя, а может, никогда не умела, потому что ей никто не говорил, как это, с самого детства, росла она в семье, где мама – жертва, а папа свободное время проводил в гараже с друзьями и пивом.

Егору стало очень тоскливо и жалко маму, он помирился с ней, чего скрывать, с большой радостью это сделал. И сам попросил готовить ему, как раньше. Ключи от квартиры, конечно, дал не подумав. Всё, как можно было предполагать, закончилось плачевно. Но не смертельно. Тогда ещё – не смертельно.

Зачем ты переходила дорогу, мама, зачем?

Кошка хрустела сухим кормом, Егор проверил, есть ли в миске вода. Подумав, выплеснул остатки, налил свежей из

фильтра. Фифа посмотрела на него, как ему показалось, благодарно. Или он кукушечкой поехал.

Мама, хоть и филолог по образованию, любила всякие такие выражения. И он у неё их нахватался. Её словечки всплывали в памяти исподволь, иногда вспыхивали гирляндой воспоминаний. Он смотрел на кухонный стол, застелённый зелёной клеенчатой скатертью. А «запертый человек» видел такого же цвета ледянку, кусок какого-то пористого материала, обтянутого зелёным дерматином. По бокам были пришиты ручки, чтобы держаться, пока несёшься с горы. Сейчас такие штуки называют сноуботами. Егор свою ледянку очень любил. До сих пор её помнит, надо же. Ему было семь, когда он катался с горки, устал, и у подъезда закинул ледянку в сугроб, и упал на неё, отдохнуть. Повалился, глядя в темнеющее небо, а потом его позвала мама, и он пошёл домой, с пустыми руками. И не сразу заметил, что ледянки нет. Пока мама уже перед сном вдруг не спросила:

– А где эта твоя скользкая штуковина с ручками? Хотела поставить на батарею сушиться, и не вижу.

И тогда он понял, что где-то потерял свою драгоценность. Только не мог вспомнить, где именно. Катался с горки, она была. А вот дальше?

– Наверное я её забыл на горке, – сказал он и заревел.

Мама его даже ругать не стала. Увидела, наверное, как он расстроен. Попыталась успокоить, пообещала придумать что-нибудь. А что придумать? Таких в магазине не купишь,

эту ему подарили, кто-то из маминых родственников из-за границы привёз.

Они уже легли спать, и он начал задрёмывать, как вдруг его озарило.

– Мама, я вспомнил, где забыл ледянку! Около подъезда, на снегу.

И вновь заплакал, видимо, очень жалобно. Мама тоже уже засыпала, время было позднее, около одиннадцати вечера, а завтра им обоим с утра вставать в школу. Она погладила его по голове. Потом пробормотала что-то непонятное и явно не очень вежливое, надела халат и пошла в кухню. Её окна как раз выходили во двор. Увидела тёмное прямоугольное пятно на газоне, прямо на халат накинула пальто, сунула ноги в тапки и спустилась на улицу. Вернулась через пять минут с небольшим, вместе с ледянкой. Егор схватил замёрзший зелёный прямоугольник, прижал к груди, затанцевал. Мама смотрела на него с улыбкой. Потом велела идти спать.

Сейчас бы Егор обнял маму, а вовсе не ледянку. Где вот сейчас эта зелёная «штуковина с ручками»? Он даже не помнит, когда она пришла в негодность и перекочевала на помойку. А благодарность сквозь годы чувствует.

Кошка закончила приём пищи и вопросительно мяукнула, глядя на гипнотизирующего взглядом стол Егора. Он встряхнулся.

– Расклеился я совсем, Фифа, – сказал он вслух. – Видишь, с кошками уже разговариваю. Ты одна у меня осталась.

Впрочем, как и у мамы перед смертью только ты и была.

Тут он не выдержал вины, воспоминаний и идиотизма всей ситуации. Неловко осел на табуретку, схватился руками за голову, и завыл, раскачиваясь вправо-влево. Он плакал второй раз после смерти мамы. Первый был на похоронах. А потом он заперся в себе и наружу эмоции уже не выпускал, даже когда рядом никого не было.

Считается, что слёзы исцеляют, но эти ему облегчения не принесли. Егор почувствовал тяжесть потери ещё отчётливей. Вздохнул, погладил кошку, которая балансировала у него на коленках, пытаюсь принять уютную позу, несмотря на раскачивания хозяина.

– Пойдём спать, Фифа. Завтра на работу.

Хорошо, он сейчас один. Кто узнает, как он тут страдает, стыда не оберешься. Он даже друзьям не говорил, насколько его гибель мамы подкосила. Хотя они парни надёжные и в первое время не сговариваясь его поддержали, молчаливо и по делу. У них за годы общения сложилось настоящее мужское сообщество, в которое даже жёны не вмешивались. Но всю изнанку своего горя Егор на ребят выворачивать не стал. Запер переживания внутри.

Когда человек умирает, после него остаётся недосказанность. Даже если отношения были прозрачными и чистыми, как слеза, хотя таких не бывает, чего уж там. Всегда найдётся то, что откладывалось на неопределённое «потом». Останутся незадаанные вопросы, не подаренные улыбки, не про-

явленное внимание и другие «не». И даже то, что вы делать вовсе не планировали и что противоречит характеру ваших взаимоотношений, оно всё равно осядет упущенными возможностями. Потому что кто знает, вдруг, через много лет вам бы это пришло в голову. Люди же меняются. Егор остался наедине с огромной пропастью недосказанности. Он проваливался в неё время от времени, вместо сна. Вот и сейчас, даже в спальню не пошёл. Лёг всё там же, перед телевизором. На подушке примостилась кошка. Да, сейчас переживания стали уже не такими навязчиво-острыми. Он научился отвлекаться, встречался с друзьями, отдыхал. Дважды съездил в путешествие, один раз даже с девушкой, до того, как она его предусмотрительно бросила. Да, более замкнутый, чем раньше. Не такой улыбчивый. Но не совсем уж сумасшедший от скорби. И бывали такие вечера, как этот. Особенно, в даты рождения и смерти мамы, или накануне их. Завтра как раз ей бы исполнилось 68.

Где-то с шестнадцати Егоровых лет они завели традицию – на мамин день рождения уезжать из города. Куда угодно. Любовь к путешествиям она ему привила, это однозначно. Правда, на туры в дальнее зарубежье денег у неё не было, как и вообще на себя. Но культурная поездка в Питер или, скажем, Ярославль была по силам. Мамин день рождения приходился на 25 июня. Очень удобно, лето, каникулы и погода везде уже хорошая. Когда Егор вырос, выучился и на рабо-

ту устроился, он решил маму вывезти подальше российских красот. Хотел было сюрприз сделать, но как заграничный паспорт и визу получить без ведома человека? Пришлось сказать. Мама отговаривала, но видно было, что светится от счастья. И на 60-летие мамы они отправились в Италию. И пообещал на следующий день рождения вывезти её в Прагу. Но так уж сложилось, что совсем скоро после возвращения из Рима Егор встретил Ирину. Так что, та поездка стала их последним совместным путешествием. Дальше Анна Викторовна уезжала уже одна или с подругой, да и то недалеко. Потому что кататься на отдых с мамой, когда у тебя есть девушка, ненормально. В Прагу Егор полетел уже с Иррой. Мама же без Егора за границей отмечать дни рождения отказалась. «Мне и в России хорошо. Дай сохранить ту поездку в Рим на отдельном пьедестале, как нечто неповторимое. Я отвела для неё эксклюзивный участок на коре головного мозга».

Куда бы ты поехала завтра, мама? В Подмосковский пансионат, или в Выборг, полюбоваться древним замком? А помнишь, мы хотели выбраться на один из твоих праздников в Калининград, но никак не собрались? Как и в Прагу. Я посмотрел её не с тобой. Я снова выбрал не тебя, но на этот раз это было уже социально одобряемо и совершенно верно. По мнению общества, встретив будущую жену, молодой мужчина должен одновременно перевоплотиться из почтительного сына в преданного мужа. И мы с тобой старались быть правильной семьёй, мама. И завтра ты бы тоже была одна, но в

гораздо лучшем месте, чем кладбище.

Где-то в другом районе города в это время проснулась маленькая девочка. Спросенок она будто вспоминала, где находится. В дрожащем свете луны посмотрела на свои руки. Какие крохотные. Почему она так уменьшилась? Где она? Громко позвала:

– Эй!

Голос был тонкий. Что с ней? Сознание будто кусок желе, подрагивавшего на тарелке. Дрожит и колышется. Она всё никак не может собраться с мыслями. Кажется, должна что-то вспомнить, но не понимает, что. Все события, пережитые ею когда-то, или может, придуманные кем-то, перемешались. В голове то вспыхивает мысль, то теряется снова. Вот оно, слабоумие, да? Старческий маразм? Только почему ручки такие маленькие, а голосок настолько детский?

– Ульяна, ты проснулась? – голос знакомый. Это мама. Мама? Что-то с ней не так, но девочка не помнит, что именно. Всё верно, её зовут Ульяна, Уля. У неё есть мама. И ещё кто-то есть, Ульяна всё время забывает, но это кто-то очень важный.

– Мама? – испуганно спросила девочка, – Это ты?

– Да, конечно, я тут, с тобой.

Хорошо, когда мама рядом. Но сейчас ей нужно знать о ком-то ещё. Она к кому-то бежала, очень быстро бежала. Помнит, что было очень темно, вокруг было пусто, но иногда возникали странные картинки, будто в кино. Когда сил

бежать уже не было, и она падала, то почему-то не стучалась о землю, а поднималась в воздух и летела. Иногда её что-то словно тянуло назад, будто ветром сдувало, но она помнила, что ей нужно совсем в другую сторону. И, кажется, у неё было ещё какое-то имя, но какое?

– Возьми меня за руку, мама! – попросила она.

– Конечно. Тебе приснился плохой сон, малыш? Хочешь, я заберу тебя к себе в кровать?

– К себе? Я же тяжелая, ты не поднимешь.

Мама смеётся, легко подхватывает её и несёт на руках. «Я и правда совсем маленькая» – думает девочка с удивлением.

Они лежат вместе. Мама приобнимает её, но это не по-настоящему. Мама её почему-то боится. Она осторожна с ней и не хочет лишний раз обнять. Может, Ульяна сделала что-то нехорошее? Почему мама её не любит? И что в ней всё-таки не так? Что-то в ней есть плохое. Но что? Уля не знает. Но кто-то точно знает. Кто-то, кого она ищет, к кому она бежала по темноте. Тут в голове её вспыхивает новое не очень внятное воспоминание.

– Мама, а он придёт поздравить меня с днём рождения?

– Кто – он? Детка, твой день рождения ещё через полгода. Тебе будет четыре только зимой.

– Неправда. Завтра. Завтра день рождения. Егор меня поздравит? Мы хотели с ним поехать в Прагу. Не знаю, что такое Прага. Но Егор знает. Он знает, мама.

Часть 2

1.

– Давай, давай, бестолочь! Ты хочешь закончить так же, как и твои собратья, в канализации? Тебе рассказать, в какой океан я тебя выпущу? Из чужих испражнений, соплей и комков волос. А перед этим я порву тебя на несколько мелких клочков, наночастиц. И плюну на каждую из них. Вставай на место, реализуй своё предназначение! Дело своей условной жизни, ведь для этого тебя изготовили, проклятая тупая плёнка!

Так начиналось почти каждое утро журналистки Марты, с некоторыми исключениями. Очень незначительными. Иногда контактная линза будто сама запрыгивала в глаз, но чаще проклятые творения зарубежных производителей, венец офтальмологии, одерживают победу. Марта представляла, как они там собрались в сифоне под раковиной (а сегодня их аж три штуки) и хихикают над ней, скользкие прозрачные и свободные, ну пусть разорванные, конечно. Но уж такова цена свободы. Хорошо, что проблемы со зрением у неё только в одном глазу. С двумя линзами точно бы рехнулась.

Нет, Марта – не истероидная девица и вполне в своём уме, пока не начинает вставлять линзы. Как-то ей удавалось на протяжении трёх дней легко объединить глаз и эту дарящую

прозрачные мембранку.

Увы, победа оказалась временной и неубедительной. Обычно Марта не сдавалась, и загубив один-два расходника, всё же оставалась с красноватым, но уверенно созерцающим реальность глазом. Сегодня же что-то была непруха. Девушка нервничала, ругалась, рычала, порвала четыре линзы, чего обычно себе не позволяла. Так вот по четыре штуки каждый день, и их не напасёшься. Работать будешь только на эти продолговатые коробочки. Почему не перейти на очки? Почему-то окулисты против, из-за каких-то там специфических особенностей зрения. Но очки у Марты были. И если она уставала биться с этими мини-куполами, то шла и цепляла на нос свои «окуляры». Сегодня же ей особенно остро не хотелось городить на лице забор.

Очки она предпочитала использовать только за компьютером, дома, потому что напоминала в них сама себе сову из отечественного мультфильма о Винни-Пухе. А если она себе кого-то напоминала, то непроизвольно начинала так же себя и вести.

Но довольно о проблемах со зрением. О Марте есть, что рассказать и без этого. Начнём с того, что работала она в заднице у бегемота. Это не фигура речи. Есть на окраине столицы «дом-бегемот», архитектурный шедевр. Здание очень реалистично повторяет округлые и богатые формы гиппопотама, и пользуется спросом у арендаторов. И у туристов тоже. Необычную постройку замыслили, как музей естествозна-

ния, но ещё на этапе строительства переиграли. То ли признали вдруг расположение неудобным, то ли дорого стало продолжать работы. Стройку заморозили, а потом пришедшую в плачевное положение площадку выкупил успешный предприниматель, который довёл проект до финала и превратил готовое здание в бизнес-центр. Аренда офисов стоила вполне подъемно, всё-таки необычное строение находилось далеко не в центре города. Места охотно раскупали, на визитках фото дома выглядело очень уж симпатично. Но вот помещения в филейной части гиппопотама годами стояли пустыми. Пока стоимость аренды не снизили до какой-то совсем уж смешной суммы. И когда собственник компании, где состояла и Марта, судорожно искал, где разместить штат и небольшую студию, очень удачно столкнулся с «домом-бегемотом». Когда коллектив увидел буклетик с фигуристым парнокопытным, то все пришли в восторг. В какой именно части здания находятся их три офиса, ребята не знали, пока не приехали уже с коробками. Руководство решило сделать сюрприз. Он получился незабываемым, поскольку служебный вход, куда предстояло заходить сотрудникам на работу, располагался непосредственно там, где у живого бегемота базируется хвост. Хорошо хоть, клиентам предполагалось попадать внутрь через парадную дверь на боку гиппопотама. В восторг от переезда пришёл только Колюня, штатный пошляк. Нет, у него была другая должность, он числился как монтажёр и видеооператор. Но при этом пошляк. Сра-

зу предложил «Портал» переименовать в «Чёрную дыру».

Марта была журналистом и редактором сразу, в маленьких производственных студиях нормально выполнять несколько функций. Скорее, это даже была не студия, а группа энтузиастов, гордо именуемая «Эзотерический холдинг «Портал». Холдинг, потому что они делали программы для «Астрального канала», который транслировался в интернете и в кабельных сетях, имели собственный сайт и небольшой журналчик на газетной бумаге. Выживали за счёт рекламы всяческих оккультистов и тружеников нетрадиционной медицины, а ещё у них был спонсор, увлечённый паранормальщиной и куча подписчиков на известном онлайн-ресурсе.

В экзотической локации «Портал» проработал уже больше трёх лет, коллектив привык к необычному дизайну бизнес-центра и даже его полюбил. Правда новички (текучка у них была немалая) и те, кто приходил на собеседования, слегка вздрагивали поначалу.

Марта жила магией и эзотерикой и активно исследовала всё, связанное с этим направлением. С одной-единственной целью, собственно говоря. Она с детства верила в чудеса, а став относительно взрослой, решила убедиться, что они есть. В своей работе она искала подтверждение существованию загробной жизни, полтергейста и телекинеза. На каждое интервью с медиумом шла с надеждой, что в этот раз всё будет по-настоящему. Увы, Марта была при всей своей наивной вере в чудо, девушкой образованной и вполне интеллек-

туальной. И мошенников начинала видеть уже минут через пять после знакомства. Но всё равно, не отказывалась от своих идеалов. Тем более, что среди героев её сюжетов и статей были очень интересные персонажи, которые тоже верили в то, чем занимаются. И пусть за пять лет своей работы Марта ещё не столкнулась с настоящей левитацией, стопроцентным предсказанием будущего или невероятным исцелением, она продолжала искать и исследовать.

Но в это субботнее утро ей нужно было найти не след упавшего метеорита, а новое жильё. Квартиру, где она жила сейчас, готовили на продажу. Поэтому Марта собиралась побеседовать с потенциальными соседями.

Расположение дома было удобным, всего в получасе езды от «бегемота». Передвигалась Марта не на метро или автобусе, у неё был оригинальный личный транспорт. Вот уже семь месяцев, как журналистка гоняла по улицам на скутере. Ну, как гоняла? Осторожно каталась, особенно в непогоду. Подобный выбор средства передвижения был вызван несколькими причинами. Во-первых, довольно долго на нем можно было ездить без прав. Да, в новостных лентах попадалась информация, что, дескать, пора посещать курсы вождения скутеров, и получать соответствующие права и обязанности водителя. Но на деле, подростки обоёго пола, лет так от тринадцати до семидесяти, резво раскатывали прямо по тротуару, вызывая поток обидной, но справедливой брани пешеходов. Во-вторых, скутер стоил дешево. Дешевле автомобиля.

И в-третьих, он был оранжевый. А это любимый цвет Марты. Вообще, уже хотела купить велосипед, но тут ей на глаза попался этот вот ... заводной апельсин. И она не устояла. Правда, позже права все же получить пришлось. Когда она чуть-чуть не попала на штраф. Но это особых трудностей ей не доставило. Стыдно об этом говорить, но девушка воспользовалась служебным положением. Одним из тех, от кого зависело беспроблемное принятие экзамена, был известный не только в городе, но и в стране исследователь полтергейста. У него даже имелся диплом научного сотрудника, но основной работой Олега Ивановича была служба в ГИБДД.

Была и четвертая причина для покупки такого двухколесного товарища. Марта Владиславовна Углич, двадцати девяти лет от роду, журналистка по профессии, эзотерик по призванию, собиралась на пенсии писать мемуары. И поэтому старалась, по возможности, насытить свою биографию интересными подробностями. Кстати, Углич – это действительная, настоящая фамилия нашей героини. И пишется она именно так, с мягким знаком на конце (предки подсуропили). Этот факт Марта и собиралась особо подчеркнуть в будущих мемуарах. Уж очень ей надоели эти: «Ай-ай-ай! Даже фамилию свою правильно написать не можем!». А сказать так, сопровождая фразу недовольным цоканьем, считал нужным всякий, кто знал о существовании великого русского города Углич. То есть, все.

Следует отметить, Марта в жизни во многом не соответ-

ствовала народным представлениям о тружениках пера. У нее не было ста тысяч друзей в контактах, звезд первого уровня в крестных родителях и прочей атрибутики публичной жизни. Да, журналистка, но нет – не экстраверт. В свободное от работы... а иногда и рабочее, время, Марта любила уединение. И возможно, даже не по своей воле. Просто она уродилась человеком-невидимкой. Бывают такие личности. Если у вас есть знакомая, которую в большой компании без задней мысли просят "всех сфотографировать", в то время как в первом ряду позирующих присутствует курьер, который пять минут назад принес пиццу... Или если вы можете назвать человека, которого просто забыли добавить в общий чат, когда организовывали вечеринку, то, возможно, вы когда-нибудь работали с Мартой в одном отделе. Либо до сих пор там трудитесь. Иногда быть Мартой удобно. Временами – безумно обидно. При этом нельзя назвать девушку серой мышкой или блеклой амебой. Вполне себе симпатичная барышня среднего роста и с креативной стрижкой. Правда, когда эта стрижка отрастает, Марта ее собирает в хвост, и тут уж не видно насколько она креативна. Глаза – зеленые, телосложение ближе к хрупкому. Уж точно – не прозрачная и тень отбрасывает. Но почему-то в коллективе Марта теряется. И даже как-то растворяется.

Наверное, это карма, в которую Марта верила. Кто знает, может она в прошлой жизни была ниндзя, и достигла великих успехов в искусстве быть незаметной. Впрочем, когда вы

ведёте по дороге маленький оранжевый скутер, незаметность для сотрудников правопорядка – только в плюс. А вот чтобы нечаянно не контактировать с другими водителями стоит быть особенно внимательной и собранной.

Итак, Марта всё же вставила непокорную плёночку в глаз и доехала до своего нового предполагаемого жилья, поднялась на пятый этаж и предстала пред очами, практически, приёмной комиссии.

Встретила её очень симпатичная светловолосая девушка ухоженного вида. Внимательно осмотрела, словно просканировала. Пригласила зайти на кухню.

– Меня зовут Ольга, я очень давно здесь уже живу, сменила с десятков соседок. Сейчас вот снова у нас освободилась комната.

Удивительное начало! Можно триллер писать с этой сцены. Милая соседка будет главной злодейкой, естественно. Энергетическим вампиром или активисткой деструктивного культа. И вообще ей лет двести, просто она хорошо маскируется.

– Марта, вы кем работаете?

– Я журналист. Пишу на мистические и эзотерические темы.

– Очень интересно! – оживилась Ольга. – У нас тут как раз есть необычная комната в квартире. Все, кто туда заселяется, довольно скоро съезжают.

– Ух ты! Чертовщинка какая-нибудь происходит? – заин-

тересовалась Марта.

– Нет, наоборот. У них в жизни начинаются позитивные перемены. В основном все замуж выходят, как вариант – получают перспективные предложения по работе. Я уже там сама хотела пожить пару недель, думаю, вдруг да поступит выгодное приглашение откуда-нибудь из-за границы.

– И как? – это уже было похоже на сбор материала для статьи, а не собеседование при заселении жилья.

– Да потом прикинула, что мне именно карьеру хорошую хочется, а вдруг как замуж потянет прямо из комнаты. Что-то не готова я к этому пока.

Обе засмеялись. Марте Ольга уже нравилась. Чувствовалась в ней какая-то целостность. Слово за слово, они разговорились и расставались, уже будучи на «ты». Кстати, как выяснилось, освободилась вовсе не та комната, откуда выходят замуж, а соседняя.

– Так что, надеюсь, ты у нас подольше задержишься. В твоей комнате девочка больше трёх лет прожила. Просто решила на родину вернуться.

– А в той самой, загадочной, кто сейчас?

– Алиса, – с готовностью рассказала Ольга. – Три месяца назад въехала. Сама понимаешь, я не рассчитываю, что она там долго пробудет, и стараюсь к ней не особенно привязываться. Обычно полгода – десять месяцев, и здравствуй, новая жизнь.

– А с хозяйкой мне надо знакомиться? – спохватилась

Марта уже у выхода.

– Да познакомишься, когда она сюда с визитом нагрянет. Где-то раз в месяц это бывает. Она мне доверяет уже. Я тут кто-то типа старосты.

Было решено, что Марта заселится на новое место уже в следующую субботу, то есть, ровно через неделю. Всё складывалось вполне неплохо. Сейчас можно было возвращаться домой, продолжать вливаться в материал для разворота.

Марта обувалась, когда у Оли зазвонил телефон. Невольно услышала часть разговора.

– Привет! Сегодня? Да никуда не собиралась пока. Хочешь увидеться? Давай. Можем с мелкой в парке все вместе погулять. Через два часа? Окей.

Марта попрощалась с Ольгой и отправилась в седло. Слушать аудиокнигу «Жизнь после жизни». Вроде бы, давно уже написанная вещь, а вот всё руки до неё не доходили. Или уши.

***

Ирина решила прогуляться с подружкой. Вместе с Ульяной, конечно. Хоть на дворе и стояла летняя прекрасная суббота, Пётр время с девочкой проводить не спешил. Ира уже к этому привыкла. Значит, дома у него всё хорошо, семья радуется. И то слава богу, хоть кто-то в этой истории устроился нормально и даже, возможно, счастлив.

Надо сказать, до вчерашнего вечера у них с Улей как раз намечался просвет в отношениях. Девочка её уже почти не

пугала, так, иногда смотрела на неё задумчиво, а порой спрашивала:

– Мама, а мы же раньше тоже с тобой вместе жили? Я помню, но не сильно.

Ирина вздрагивала, но такие вопросы были единичными, и, похоже, Уля сразу и забывала, о чём говорила. Переходила на свои детские темы, о мультфильмах, книжках и игрушках. Ира к трём с половиной годам дочери окончательно себя убедила: её догадка по поводу того, что Ульяна просто «считала» материнские эмоции, верна. Другого предположения быть просто не может. Оно наиболее логично и наименее бредово. Но то, что было вчера поздно вечером, в эту теорию вписывалось не особенно органично. Одно дело, когда ребёнок проявляет к ней негатив, потому что Ирина сама переполнена виной и депрессивностью. Худо-бедно даже узнавание Егора на фото можно объяснить тем, что она, допустим, действительно как-то при дочке перебирала бумаги и документы, может и имя бывшего мужа (ха-ха, первого из бывших мужей) вслух произнесла. Хотя и странно, что решила назвать его именно «Егорушкой». Но вот этот «день рождения» а следом ещё контрольный выстрел Прагой?

Ира уж точно Анну Викторовну с её именинами при дочери не вспоминала вслух. И не рассказывала девочке, что Егор хотел в столицу Чехии свозить мать, а поехала с ним она. Вот это у неё – откуда?

Впору снова с ума сходить начинать. А ведь жизнь на-

лаживалась. Она всё так же работала удалённо, а с августа должна была выйти на неполный рабочий день плюс подработка дома, так как Улю удачно зачислили в детский сад. Половину суммы съёма за квартиру оплачивал Пётр, вторую – она сама. И на жизнь оставалось вполне прилично. С мамой общение стало более непринуждённым, Ира с дочерью уже два раза ездила к ней в Пензу, виделась там и с папой. Было неловко, но лучше уж так. Самое главное – Ульяна познакомилась с той самой куклой, очень её полюбила, не захотела расставаться и забрала с собой. Можно смеяться над Ирой сколько угодно, но этот момент для неё оказался очень важным. Она почувствовала, будто с неё проклятие сняли, и словно она сама из детства себя же и благословила.

И тут, здравствуйте, снова эти странные фантазии, причём с чётким перечислением фактов. День рождения, Прага, Егор.

С Ольгой ей захотелось увидеться, потому что та была своеобразным островком благоразумия в этой странной меняющейся реальности.

– Как наша квартирка поживает? – спросила она с интересом.

– Алиса пока замуж не собирается, даже удивительно, – засмеялась Ольга. – Зато в другой комнате – замена соседки.

– Ищешь новую?

– Уже нашла. Журналистка. Представляешь, работает на интернет-канале, который про всякую магию вещает. Надо

будет вас познакомить. Расскажешь ей, что это всё суеверия и опиум для народа. Ты ж у нас непробиваемая в этом плане!

Ирина усмехнулась. Непробиваемая. Знала бы Оля, с чем она периодически теперь сталкивается. Может, ей и правда эта «охотница за привидениями» сейчас бы как собеседник идеально подошла.

Ульяна беззаботно каталась на розовом девчачьем самокатике и выглядела обычным ребёнком.

– Мороженое будешь? – поинтересовалась Ирина у девочки. Та радостно согласилась.

– Оля, я сбегая, всем куплю по мороженке, последуешь за Улей?

– Да конечно!

Ирина радостно упорхнула, словно радуясь, что хоть на десять минут, да освободилась от пут материнства.

– Ух, как побежала! – засмеялась Ольга. – Видимо, ты у нас, Ульяночка, держишь маманьку в черном теле.

Она, конечно, не думала, что девочка на это ответит. Но та решила поддержать разговор.

– Она хочет совсем от меня убежать, – сообщила малышка. – И Егора у меня забрать.

– Кого-кого? – Ольга решила, что ослышалась.

Когда Ирина вернулась с тремя эскимо, Оля странно на неё посмотрела и сказала:

– Слушай, я всё понимаю, жизнь у тебя не самая лёгкая. Но зачем ты Ульяне про свои любовные драмы-то рассказы-

ваешь? Она же маленькая ещё, и всё повторяет.

Ирина так и села на скамейку.

– Что она тебе говорила? – только и смогла спросить устало.

– Что ты от неё хочешь сбежать вместе с Егором. Это как вообще понимать?

– Оль, я Егора в последний раз видела, когда меня свидетелем вызывали, по поводу закрытия дела о смерти Анны Викторовны. Мне даже бумажку о разводе дали без его присутствия. И с тех пор мы не созванивались, не переписывались. А Ульяна его почему-то знает.

– Офигеть, – Ольга присвистнула. – Я вообще ничего теперь не понимаю.

– Знаешь, я тоже. И никому об этом не рассказывала. Мы же с Петром расстались, потому что Ульяна постоянно Егора вспоминала... думаешь, я с ума схожу?

Ольга зачарованно смотрела, как Ульяна катается на самокате и одновременно уминает мороженое. Совмещать два этих действия девочке удавалось с переменным успехом. Мороженое капало на дорогу и вызывало интерес у местных голубей. Возможно, они рассчитывали, что вслед за сладкой липкой жидкостью на тротуар посыплется нечто более существенное. Пара раскормленных птичек вальяжно переваливалась вслед за Улей. Выглядело это уморительно.

– Получается, я тоже тогда с ума схожу, – наконец произнесла Оля. – Ну, или ты действительно крышей поехала,

внушаешь ребенку странные идеи и хочешь меня убедить в том, что это Ульяна себя ненормально ведёт, а не ты.

– И к чему ты больше склоняешься? – осторожно уточнила Ира.

– К тому, чтобы нам сейчас отправиться к тебе, сесть с бутылкой вина, и ты мне обо всём наконец-то расскажешь. И уж тогда я выводы сделаю. А то, знаешь ли, уже пару лет голову ломаю, что с тобой происходит.

За бокальчиком кьянти Ирина, наконец, излила все свои мысли. В первый раз, точно, как думала, не боясь, что Ольга прямо сейчас наберёт телефон скорой или опеки. Рассказала с самого начала: как Ульяна родилась и посмотрела на неё взглядом Анны Викторовны. И закончила вчерашним вопросом, придёт ли Егор её поздравить.

– Вот откуда она это узнала? – Ира наблюдала, как Ульяна сосредоточенно разрисовывает альбомный лист кислотного цвета фломастерами.

– И ты склоняешься к тому, что Улька считывает твои настроения и даже где-то мысли, которые ты транслируешь? – спросила Ольга.

– Ну, а как иначе? Я в интернете читала на эту тему знаешь, сколько всего? Куча статей написана про такое. Мол, это ещё во внутриутробном периоде могло зародиться, когда я думала об Анне Викторовне, кошмары видела. Проговаривала внутри себя это всё. А потом, когда она родилась, тут уже всякая «невербалика» началась. Мои жесты, прикосно-

вения.

– Слушай, я понимаю, что ты настроения могла транслировать. Но информацию-то конкретную – как? Имена, даты, события и так далее. Или ты в чтение мыслей веришь?

– Не верю, – помотала головой Ира. – Но тогда что я должна допустить? Что в мою дочь вселился дух свекрови? Бывшей.

Тут Ульяна подняла голову от своего рисунка, и внимательно посмотрела на свою мать.

– И ты за... сколько там лет назад начались уже конкретные совпадения? Два года? Вот, за это всё время ты ни к кому не обращалась?

– А к кому я должна обратиться была? К психиатру?

– Ну, начать с психолога. У тебя же классическая послеродовая депрессия была, судя по симптомам.

Ирина усмехнулась.

– Оль, я тебя люблю. Но ты же вроде не спец по материнству и детству. Это же не на депрессию похоже было, а на сумасшествие.

– Сейчас ты скажешь, что и про это в интернете читала? – Ольга хихикнула и отпила из бокала.

– Конечно. Кстати, про послеродовую депрессию такие страхи пишут, что на их фоне теория о переселении душ как милая детская сказка выглядит.

Ирина не преувеличивала. За эти пару лет она начиталась

историй, в которых не выдержавшие своего нового статуса и всего происходящего в организме, кончали с собой, калечили детей или впадали в болезненное состояние, из которого их выводили медикаментозно. И не всегда успешно. Она уже знала, что послеродовая депрессия – это очень серьёзный диагноз, не какая-то блажь. И если вовремя её не распознать, плохо будет всем. Но у себя она таких симптомов не разглядела. Ей действительно порой казалось, что у неё какие-то психические отклонения. Галлюцинации, например. И на самом деле Ульяна – обычная девочка, а её необычные высказывания она домысливает. Но с той поры, как дочь признала Егора на фото и оторвала от снимка её собственное изображение, стало понятно – всё это слышат и видят и другие люди.

– Да, другие люди это тоже слышат, – согласилась Ольга. – Но давай не будем совсем скидывать со счетов возможность твоего безумия.

– Спасибо! – с чувством сказала Ира.

– Не за что, я за объективность, – кивнула подруга. – Если ты и правда сошла с ума, то у тебя могут быть моменты помрачения сознания, о которых ты не помнишь. И вот именно тогда ты говоришь с ребенком о бывшем-бывшем, его мамаше и прочем. А потом девочка просто пересказывает то, что слышала от тебя.

– Вот знаешь, – заметила Ирина. – Именно такого предположения у меня не было. Ты обогатила мой кошмар новы-

ми возможностями.

– Обращайся! – сказала Ольга. – Ну, а теперь серьёзно. Я тебе добра хочу. Надо показаться кому-нибудь. Психологу. У меня есть знакомая. Если ты боишься, что она в соцслужбы настучит, то не переживай, не будет такого. Но ответы на вопросы надо получать, пока у тебя и правда не началось умопомрачения какого-нибудь.

– А может, оно уже и началось, – Ира схватилась за голову. – Что, если ты права? Наверное, мне стоит обследоваться. Только я боюсь. Если ни с того ни с сего человек приходит выяснять, не съезжает ли он с катушек, что подумают?

– Ну... придумай себе медкомиссию какую-нибудь, – нашла Ольга. – На работе попроси направить тебя. Или скажи, что на права обучаться собираешься.

Они ещё немного поболтали. Постарались уйти от темы «что происходит с Ульяной», договорившись, что Ирина обратится к специалистам. И только почти собираясь уходить, Ольга всё же спросила:

– Ириш, ты не обижайся, пожалуйста. Но всё же... мне ты сейчас рассказала об этих всех переживаниях, хотя понимаю, как тебе страшно это было.

– Да, страшно.

– А почему Пете ты тогда не попыталась объяснить? Ведь он на тот момент был самым близким тебе человеком.

– Значит, не был, – пожал плечами Ира.

– А если бы на его месте Егор оказался. Рассказала бы?

Ирина задумалась. Потом ответила:

– Не знаю, Оль. Одно время мы очень с ним по-человечески близки были. Пока его мать между нами не встала. Так что, всё зависело бы от того, когда он на этом месте оказался.

***

Психиатрическое освидетельствование Ира прошла, когда Ульяна отправилась в детский сад. И поняла, что психиатрия, в сущности, наука неточная. Правда, на чужом примере.

Сидя у кабинета врача, Ирина познакомилась с женщиной по имени Юлия, которая привела на приём своего ребенка, мальчика лет шести. Он целиком был погружён в планшет. Увидев озабоченное лицо Иры, Юля сказала:

– Вы слишком серьёзно к словам психиатров не относитесь. Их надо перепроверять, консультироваться с разными специалистами.

И горько усмехнулась. Они разговорились, женщина рассказала, что у её ребенка синдром дефицита внимания и гиперактивности. Сладу с ним нет никакого, в детском саду с приятным названием «Абрикосик» воспитатели жаловались на его излишнюю подвижность, нежелание спать днём. Большую часть времени он проводил не в группе с детьми и воспитателем, а с нянечкой, или как сейчас говорят, с младшим воспитателем. На занятиях он выполнял задание, а дальше ему становилось скучно, отвлекал других ребят, выходил из-за стола, поэтому отправлялся в подсобку. Иногда его даже

и не брали на занятия, чтобы не вносить сумбур.

Отношение воспитателей легко считывали и дети порой старались напакостить «изгою» исподтишка. Однажды, когда ему ещё не было четырёх, на прогулке опальный мальчик треснул другого лопаткой. Дома, раздевая его, мать увидела на предплечье ребёнка следы от укуса, припухшие, с кровоподтёком. Выяснилось, что сначала его укусили, а уж потом малыш начал мстить, за что его отругали по первое число. Даже после этого Юля терпела. Думала «ну, с ним же так тяжело, он гиперактивный», пилила его за хулиганство и взбалмошность, чувствовала вину за «неудобства». Теперь корит себя – за предательство. Надо было сразу понять, что ребёнок не садовский, и перестать над ним издеваться.

– Чуть больше года назад я его просто взяла и забрала. Отказалась водить дальше. Хотя мне штатный психолог и заведующая в сотый раз прочитали лекцию на тему «Для вашего ребенка очень важна социализация, вы не справитесь с ним одна, без мудрого внимания педагогов». Я его из-за этой «социализации» и водила туда, собственно. А потом поняла, что на моего ребёнка с детства навешивают ярлык, внушают, что он не такой. Не просто не такой как все, а хуже – не такой, как нужно.

К психиатру его направила невролог. Нет, у мальчика не было каких-либо признаков психических расстройств.

– У него явная положительная динамика, – сказала док-

тор. – Но, понимаете, ему уже шесть лет исполнилось, и мне нужна бумага от психиатра, чтобы у нас в наличии был комплексный подход к медицинской коррекции СДВГ. Так положено.

Звучало это разумно и понятно. Но вот врач в солидной государственной клинике, откуда требовалось привезти справку, явно любила свою специализацию.

– Скажи, Яша, ты слышишь голоса? – спросила она.

Яша, при всей его непоседливости, мальчик ко взрослым вполне толерантный. И знает, что их надо уважать. Поэтому он задумался. Доктор расценила это, как сигнал к действию, и напор усилила.

– Тебе кто-то говорит, как ты должен себя вести? Кого остальные не видят?

И тут Яша обрадовался, вспомнив подходящий сюжет. Он с чувством пересказал одну из серий мультфильма «Барбоскины», где со щенком по имени Дружок пришла разговаривать совесть.

– Знаете, – продолжила рассказ Юля. – Психиатр прямо торжествовала, услышав эту историю. Это вам не моё унылое: «жалобы на поведение и непослушание от педагогов». Она сразу собралась класть ребёнка в стационар. Одного, потому что с шести в психушку уже без мамы могут упечь. Представляете?

«Он галлюцинирует!» – сказала психиатр, и в её интонациях звучала дрожь волнения и предвкушения настоящего

дела.

– И сколько я ей не говорила, что прекрасно узнаю сюжет этой истории, она мне не поверила. В больницу я его класть отказалась, и моему в сущности здоровому ребенку выписали кучу препаратов для превращения в «овощ», и написали «острое психотическое состояние» в медкарте. Хорошо, что у этого солидного учреждения была собственная карта, к нашей районной поликлинике не имеющая отношения.

Выведя ребёнка на улицу изрядно напуганная мама спросила:

– Яшенька, ты правда видишь совесть? Она с тобой разговаривает?

Мальчик скорчил задумчивую физиономию, а потом рассмеялся и ответил снисходительно:

– Мааам, ну ты чего, такого же не бывает! Просто доктор так настаивала, надо было ей что-то рассказать, она же просила.

Собственно, поведение мальчика было вполне логичным. Он уже полгода занимался с педагогом-психологом, в репертуаре которого большое внимание отводилось сказкотерапии. Реальность с вымыслом Яков не путал никогда, но сочинить историю вместе со взрослым для него было в порядке вещей. Вот он и решил, что попал на подобное занятие.

– В итоге, из-за отзывчивости сына пришлось побегать по другим врачам, чтобы они подтвердили, что он вполне нормотипичный, уж точно без психиатрических диагнозов. А

синдром гиперактивности через год после ухода из детского сада уже и не такой проявленный, как раньше, так как нет постоянного источника стресса. Зато у меня дома теперь куча чудесных рецептурных сильнодействующих препаратов. Наш невролог посоветовал мне их самой принимать, конечно, в более лёгкой дозировке, чем сыну выписали.

– То есть, получается, диагноз – вещь условная? – обескураженно спросила Ира. Она похолодела при мысли, скольких фантазирующих детишек потенциально могла обречь на одинокое пребывание в незнакомом страшном месте такая вот целительница душ. Ну и, чего уж там, примеряла к себе «острое психотическое расстройство».

– Точно, – кивнула собеседница. – Есть, конечно, симптомы, которые однозначно только истолковать можно. Но очень уж много допущений порой делается. Особенно если врач может судить только со слов самого пациента. Вы, если какие-то сомнения есть, проситесь на обследование. Чтобы органические нарушения выявить и функциональные расстройства.

Яков оторвался от планшета, внимательно посмотрел на Иру, улыбнулся ей. Видимо, он прекрасно слышал, о чём они беседовали, но не вмешивался.

Ира поблагодарила новую знакомую. Беседа оказалась познавательной. До этого она считала, что врач намётанным глазом сразу же поставит диагноз и останется его только принять. На деле всё может оказаться не совсем так. Поэтому

Ира попросила назначить ей тестирование и обследование, сославшись на странные сны. Изрядно колеблясь, упомянула о том, что она не может принять свою дочь полностью, и её порой беспокоит её поведение, а иногда ей даже кажется, что это кто-то другой.

Все эти процедуры заняли около месяца. В итоге она оказалась здорова, правда, врач сказал, что есть признаки небольшой депрессии. Специалист заверил, что по результатам обследования она не внушает опасений для общества, но таблеточки попить стоит. И обязательно вместе с дочкой пройти курс консультаций с семейным психологом.

Ульяна к этому времени отлично адаптировалась в детском саду. Сначала ходила на два часа, потом – на полдня. И уж потом на целый день. Ирина смогла выйти на работу, хотя бы на половину рабочего времени. Точнее, совмещать удалённый график работы с очным посещением. Это всех устраивало. Офис её бывшего мужа Пети к тому времени переехал, ребята выкупили отдельно стоящее маленькое одноэтажное здание, сделали там ремонт и вроде как процветали. Так что они больше не могли столкнуться случайно у кофейного автомата.

Уля вписалась в детский коллектив, особенно Ирину радовало, что воспитатели не упоминали ни о каких странностях в поведении ребенка. Правда, она вновь усомнилась в своей собственной нормальности. А что, если всё же причина в ней самой? Если она, Ирина, каким-то образом теряет

самообладание и рассказывает девочке о своих жизненных невзгодах. А та принимает их близко к сердцу и считает своими собственными переживаниями. После получения вердикта от психиатра стало полегче, но небольшие терзания по этому поводу остались. Всё-таки, это самое понятное и логичное объяснение происходящего.

***

Мама ведёт себя странно. Она вроде бы, прижимает к себе, заботится, покупает игрушки и сладости. А сама смотрит куда-то в сторону. Ульяна ещё маленькая, но всё это хорошо чувствует. Иногда ей кажется, что в голове открывается какое-то окошко. И в нём видны другие люди, другие лица. Это воспоминания. Слово сложное, но очень знакомое. У неё будто бы две памяти. Или может, что-то было совсем давно, когда она только родилась, наверное. Она помнит, как мама зимой возила её на каток. И ещё к бабушке Лизе. Но также чётко у неё в памяти есть образ Егора. Кто он такой, Ульяна не очень понимает. Знает, что он красивый мальчик. Только какой это мальчик, это дяденька, как папа, но без бороды. А мама хорошая, только раньше она почему-то была плохая. Ульяна не знает, почему. Но чувствует, что ей нужно вспомнить что-то очень важное. Мама отвела её в садик, к другим детям. Мама не очень хочет находиться с ней рядом. А почему других детей сюда привели? Наверное, у всех так же, как у них.

Вот Ли́ка, она раньше была дедушкой Кузьмой. Непонятно, как это, но наверное правда. Она же помнит всякие слова, которые дедушки говорят. Воспитательница за них ругает, жалуется родителям. А родители не признаются, что это они Ли́ку им научили. Отвечают, что дедушки все живут на каком-то Дальнем Востоке, Кузьмы никакого нет, а все плохие слова Ли́ка в садике узнала. Так что, Ульяна не одна в своей памяти находит какие-то интересные картинки, которые не относятся к её обычной жизни. Если остальных спросить, они наверное тоже что-нибудь помнят, что было давно, не с их нынешними взрослыми.

Жизнь – занятная штука. Интересно, а у мамы тоже две памяти, или только одна? Взрослые, кажется, не такие, как дети. Они только считают, что больше знают. Хотя, наверное знают они правда много, потому что умеют читать, а ещё им можно смотреть телевизор, сколько захочешь, или в интернете сидеть. Но замечают они гораздо меньше, чем дети. Наверное, как раз потому, что смотрят телевизор, сидят в интернете и вообще всегда их глаза чем-то заняты. А дети, особенно малыши, наблюдают и изучают. Нет, Ульяна не могла бы сформулировать свои ощущения именно такими словами, но она именно это чувствовала.

Иногда ни с того ни с сего, она злилась на маму. Даже сама не понимала, почему. Ей хотелось наговорить ей гадких слов, толкнуть или ущипнуть. В эти моменты её вторая память приоткрывалась особенно высоко, и оттуда будто вы-

совывалась баба Яга, которая говорила: «Она неудачница и вертихвостка. Только и умеет, что мужиков с толку сбивать, да бёдрами вилять. А на деле – ни семьи у неё нет, ни ума». Ульяна никогда этого вслух не повторяла. Во-первых, слишком много непонятных слов, во-вторых, что-то ей подсказывало – маму это напугает. Она опять застынет не месте и выпучит глаза. Такое бывает, когда Уля говорит про Егора. Жаль, что мама его, кажется тоже боится, а то могла бы просто рассказать о нём, и Ульяна больше не спрашивала бы. Всем же так лучше. Но взрослые странные. Они любят всё усложнять.

***

До сеансов, или как принято теперь говорить, «сессии» с психотерапевтом Ира добралась только в ноябре. Да и то ей перед этим Ольга раз пять напомнила, или даже больше. Антидепрессанты её немного успокоили, она уже не чувствовала себя одним большим оголённым нервом. Правда, капризы Ульяны порой выбивали её из колеи. Например, с недавних пор девочка приобрела привычку истерить перед выходом на улицу. Что неприятно, это у неё и в детском саду проявлялось, сборы на прогулку вызывали скандалы. Ульяна доказывала, что на колготках и носках есть складки, которые ей очень мешают. А одежда в привычных три слоя – маечка, футболочка, кофточка, доставляет ей огромный дискомфорт, заставляя чесаться. Воспитатели как могли, уговаривали чувствительную Ульяну, убеждали, что без колготок на

улицу нельзя, а ведь она так любит гулять!

А вот Ирине не раздражаться было очень сложно. Даже таблеточки не вполне её сдерживали. Ире казалось, что дочь делает всё это ей назло, специально выматывает, выясняя пороги её чувствительности, а не просто показывая свою. Новая проблема напомнила Ирине, что жизнь – не танцплощадка, а минное поле. И надо бы составить для себя карту местности. Специалист им с Улей не помешает, уж точно.

Позвонив по номеру телефона, оставленному Ольгой, Ирина записалась на встречу, и была просто очарована психологом. Она себе представляла женщину средних лет с заторможенными реакциями, которая будет кивать и пристально разглядывать их с Ульяной. Но душевед оказалась молодой привлекательной дамой восточной наружности, по имени Манана. За полтора часа общения Ира изложила ей версию, которая частично соответствовала реальному положению вещей, но исключала безумные подробности.

– Я каким-то образом внушаю ребёнку свои переживания из-за проблем в моём прошлом, – поделилась Ирина.

– Знаете, обычно это моя реплика, – осторожно вставила Манана.

Услышала ли Ира что-то ошеломляюще-новое от психолога? Не факт. Но некую приподнятость настроения эта встреча всё же создала. Манана заверила, что Ульяна – нормально развивающаяся девочка, да, гиперчувствительная, но такое в наши дни сплошь и рядом.

– Ваши жалобы на её отношения с колготками и те необычные явления, которые вы отмечаете – одного поля ягоды. Ульяночка очень чувствительна, и физически, и эмоционально. Она считывает информацию там, где обычный человек ничего не видит. Вы не переживайте, есть методики, которые помогут сделать сборы на прогулку не такими болезненными.

«Какая смешная тётя», – думала Ульяна.

«Она ведёт себя так, будто я уже большая, разговаривает со мной, как со взрослой. Но я же вижу, что она будто в театре играет, на сцене».

Как взрослые играют, Уля видела на празднике Осени, там Виолетта Петровна притворялась, будто верит, что она Осень и пришла в гости к совершенно незнакомым детям.

«А на самом деле она видит, что я маленькая девочка. Я не знаю, как я стала маленькой девочкой, но я обязательно когда-нибудь расколдуюсь».

– Прости меня, Уля, – сказала ей мама вечером.

– Почему?

– Не почему, а за что. Я придумала про тебя всякое. Наверное, я плохая мама.

– Ты не плохая. Просто мы неправильно познакомились.

Неправильно познакомились. От трёхлетнего ребенка такое заявление – весьма сильная вещь!

Как бы то ни было, других детей и отношений у Ирины

в распоряжении не имелось, нужно приводить в порядок то, что есть.

Как избавиться от чувства отчуждения по отношению к дочери? Вряд ли под силу какому-либо психологу или даже волшебнику с этим помочь. В сказках всемогущие джины предупреждают, что не могут вызвать ни в ком любовного отклика. Это включается как-то само. Из чувства вины, вежливого удивления вперемешку с раздражением вряд ли может вырасти сильная эмоциональная привязанность. Может, Ирина – какой-то генетический урод? Кем нужно быть, чтобы не расплескаться от умиления, как переполненная чаша со сладкой водой, при виде маленькой и очень миленькой девочки, которую она 9 месяцев заботливо вынашивала в своём чреве? Боже, слово-то какое. И вообще, ей странно было допустить, что Ульяна – тот самый ребенок из живота, тот пузожитель, которому она читала сказки, включала Моцарта, чьи толчки с замиранием сердца ощущала. Выпирающий холмик любить было куда легче, чем настоящую девочку с её истериками, бессонницами, соплями и прочими неудобствами. Она помнила, какой заботливой была её собственная мама. Ласково дула на царапины, выгоняла шваброй буку из-под кровати, целовала грязное ушибленное колено. А может, это было такое же притворство, как и великолепная и безоблачная семейная жизнь родителей? Ирина уже с трудом могла отделить настоящее от своих детских иллюзий. Может, так и должно быть, может, каждый родитель в душе никак

не может полностью принять своего ребёнка? А материнское счастье, не более, чем краткие приступы эйфории, когда всё кажется не таким уж и ужасным. И в такие вот моменты и делаются высказывания, по которым судят о всепобеждающей маминой любви?

На третьем занятии у психолога Ульяна рассказала, что раньше была взрослой и работала учительницей. На пятом, в декабре, вдруг заявила, что скоро наступит день, когда её сбила машина. Тут уж даже жизнерадостной и рациональной Манане пришлось непросто.

– Вы не знаете, откуда у девочки такие фантазии? – осторожно спросила она после сессии.

– Это очень напоминает историю одной... одного бывшего члена моей семьи, – вздохнула Ирина. – Этот человек погиб ещё до рождения Ули. Они даже не родственники.

Пришлось без купюр рассказать психологу, чьи именно воспоминания пытается выдать за свои Ульяна.

– Вы думаете, это я каким-то образом смогла заставить Улю думать, что она знала моего первого мужа и погибла под колёсами автомобиля? – поинтересовалась Ирина после исповеди.

– Мне сложно что-то ответить, – психолог была обескуражена. – Я в своей практике ни с чем похожим не встречалась. Возможно, это действительно пережитый вами стресс передался дочери. Вы не замечали, какие факты она сообщает, только то, что вы сами знали, или что-то такое, чего вы точно

ей сообщить не могли, даже мысленно?

Ирина на несколько мгновений задумалась.

– А вот это интересный вопрос. Никогда раньше с этой точки не смотрела на наши... странности. Действительно, чего-то неизвестного для меня Ульяна мне пока не говорила. Только то, что я сама легко могла узнать и связать с жизнью Анны Викторовны.

– Вот видите, – кивнула Манана. – Значит, связь между вами куда сильнее, чем вам кажется. На самом деле вы с ней очень близки, но по какой-то причине пока понимание этого у вас не включилось. Будем работать дальше.

То, что у её проблем может быть удобоваримое, хотя и непростое объяснение, буквально придало Ирине сил. Да, ей и раньше говорили, что всё поддаётся пониманию, но ведь в этот раз она изложила ситуацию как есть, без недомолвок и иносказаний. И вот, чудо, даже в этом случае не обязательно сразу приплетать какую-то чертовщину. Конечно, она согласилась поработать дальше. Они вместе с Ульяной что-то рисовали, лепили, делали задания телесно-ориентированного тренинга на приятие и доверие. Всё-таки, грамотная помощь – это сила. Ирина начала верить, что жизнь повернёт к лучшему, несмотря на то, что разрушено практически всё, во что она верила.

– Представляешь, Оль, – рассказывала она подруге. – Человек выслушал весь этот бред и не назвал меня сумасшедшей. Теперь я верю, что справлюсь. Мы с Улькой справимся.

– Вот видишь, а ты ещё оттягивала до последнего, не шла к Манане. Надо меня слушать, я умная и фигни не посоветую.

Они сидели на кухне в квартире Ольги, пили чай. Ульяна смотрела мультфильмы на компьютере в её комнате.

– Здравствуйте, – раздалось у Ирины над ухом. Она сидела к двери спиной.

– Ириш, знакомься, это Марта, – представила Ольга соседку. – Вы с ней ещё ни разу не сталкивались.

Ира с интересом посмотрела на вошедшую. Она помнила, что новая жительница квартиры связана с эзотерикой и прочим мракобесием. Девушка выглядела вполне прилично, но характер деятельности всё же в её облике прослеживался. Короткая стрижка, чтобы не заморачиваться причёской с утра, при ненормированном графике очень ценно. Запястье правой руки скрыто под мелким горошком тибетских чёток, на предплечье татуировка в виде миниатюрного китайского дракона.

– Мама, там мультики кончились, – сообщила подошедшая Ульяна. – Тётя Оля может ещё включить? Ой...

Последнее высказывание относилось к Марте. Девочка не ожидала встретить кого-то незнакомого.

– Привет, – кивнула ей журналистка. – Ты кто?

Ульяна промолчала. Её вниманием полностью завладели белые круглые бусины на руке Марты.

– Мне такие же подруга привозила, – вдруг сообщила она. – С этого... Тай-ладно... Нет. Вру. Из Индии!

– Молодец у тебя подруга, – одобрительно кивнула обладательница чёток. – Мне они тоже нравятся.

– Ты чего так задумалась? – спросила Ольга, когда Марта ушла к себе, а Ульяна получила новую порцию мультсериала.

– Нет у неё никакой подруги, которая ездила в Таиланд или Индию, – сказала Ира.

– Ну, это понятно. Фантазирует ребёнок, ничего страшного.

– Угу. Я сейчас вспомнила, у Анны Викторовны похожие чётки были. Она их иногда перебирала, сидя у телевизора. Говорила, помогает мысли в порядок привести, и отвлекает от желания семечки щёлкать.

– Ну, тебе же Манана сказала, то, что ты помнишь сама, могло как-то транслироваться и Уле. Правда, это немного странно звучит, наверное. Уже какой-то телепатией попахивает.

– Ещё какой телепатией, – мрачно ответила Ирина. – Я и понятия не имела ни про какую подругу, которая по странам Азии ездила и подарки свекрови возила. А что, если это правда? Если правда была такая подруга? Ведь чётки-то точно есть. И ещё всякие мелочи типа слоников и шкатулок.

– Мда. Засада, – только и смогла ответить Ольга.

2.

Не одна Ирина рассыпала бусы своих жизненных идеалов. Марта, которая в нашей истории пока участвует весьма опосредованно, тоже рисковала расстаться со всем, во что верила. Работая в эзотерической сфере, с людьми, профессия которых – чудеса, она уже начала сомневаться в правдивости всего, что для неё было ценно. Большинство «суперпрофи», к которым она ездила на интервью, оказывались обычными шарлатанами. Как-то раз она общалась с таким суперским дядькой, настоящим гуру, автором двух книжек. Она их перед съёмками прочитала внимательно и даже некоторые абзацы подчеркнула, так уж «зашло». Написала для него перечень вопросов. Тема интервью была «голоса камней». Но перед интервью для разогрева всегда принято беседовать о чем-то, не относящемся к основной теме. Просто завязать беседу, установить контакт. Тем более, что это было «для ящика», то есть видео запись. Там естественный вид спикера очень важен. И Марта начала общаться. Радостно. Ведь это не кто-нибудь, а знаменитый и уважаемый в своей сфере Филипп Алмаз, автор бестселлеров и тренингов.

– Я прочла Вашу книгу о знаках, и заметила, что действительно, многие события нашей жизни перекликаются. Скажите, а чтобы встреча оказалась удачной, какой камень лучше надеть, цитрин или гиацинт?

Она думала, Филипп скажет, что имеет значение, какого рода предполагаемая встреча. Но он вдруг скривился и спросил:

– Вы что, правда в это верите?

– Э-э-э... а вы?

– Это моя работа, девушка. Только и всего.

– Ну, а вопросы задавать, моя, – смогла сохранить лицо Марта, при этом физически ощущая, как гордо реюшая в вышине птица Эзотерика теряет не одни лишь перья. У неё буквально подламывается крыло.

Но ни встречи с Алмазом, ни бесконечные серии интервью с многочисленными Жоржеттами, Констанциями и Эленорами пока не заставили её разочароваться в самой магии, метафизике и прочей алхимии. К данному моменту нашего рассказа Марта пребывала в мировоззрении ребёнка, который никак не хочет расставаться со своей верой в сказочных героев, но уже начал понимать, что дяди с искусственными бородами – просто ряженые, актёры. Такой прозревающий малыш в курсе, что Дед Мороз на садиковой «ёлке» – это приглашённый актёр, или вообще самая крупная воспитательница в дошкольном учреждении, в зависимости от бюджета утренника. Но где-то там всё равно есть он, настоящий волшебник, который читает детские письма, смеётся над шалостями дорогих его сердцу ребятешек, всегда готов одарить того, кто вёл себя хорошо и пожурить непослушного хулигана. Просто он «делегировал полномочия».

Потому и продолжала Марта работать в своей «шарашки-
ной конторе», как именовала её место службы мама. А ведь
её между прочим, за это время дважды переманить пыта-
лись. Один раз – в редакцию женского журнала, штатным
корреспондентом и автором постоянной рубрики. А одна-
жды позвали на целое телевидение. Даже не спутниковое, на
вполне раскрученный канал. Но тематика у него была далё-
кая от любимой Мартой эзотерики.

Руководитель Марты, а заодно и директор их «холдинга»,
Самуил Александрович Вершинский, которого коллектив за
глаза называл Вельзевулом, веру в чудо у сотрудницы ста-
рался поддерживать. Он и сам работал по призванию, да и,
откровенно говоря, когда человек трудится с энтузиазмом,
он легко и на переработку пойдёт на этом же самом энтузи-
азме, без доплат. В случае с Мартой расчёт оправдался на сто
процентов. Девушка совмещала работу и в телевизионной,
и в газетной редакциях, при этом официально числясь толь-
ко в одной из них. Иногда темы её телевизионных репорта-
жей и статей пересекались, но чаще она старалась «создавать
разнородный контент». Потому что не всё, о чем можно ин-
тересно написать, реально передать убедительным видеоря-
дом.

Почему острые на язык креативщики называли представи-
тельного и вполне безобидного мужчину именем страшно-
го ветхозаветного демона, объяснялось до обидного просто.
Нет, дело было не в его внешности или привычках. Всему

виной оказалась его затейливая подпись. Фамилию Вершинский он перевёл в какой-то немыслимый, завораживающий вензель, который действительно не поймёшь, как расшифровать, ни с первого взгляда, ни со второго. Вероятно, предками Самуила были врачи, он об этом сотрудникам не рассказывал. Однажды в редакцию затесался юный практикант, которого непонятно каким ветром занесло в «Портал». Получив подписанную директором справку о прохождении практики, он обомлел, и переспросил на весь офис: «Вельзевул?» С тех пор добрейшей души человек и получил своё грозное прозвище.

Недавно Марта уговорила Вельзевула доверить написать ей серию статей под рабочим названием «Современные чудотворцы». По замыслу, она должна обращаться с вымышленной проблемой к какому-нибудь целителю, а потом анализировать, было ли хоть одно попадание в «яблочко».

Самуил крепко задумался. С одной стороны, он не хотел наступать на горло Мартиной песне. Всё-таки, когда она бодра и вдохновлена, то и работает куда результативней. Но инициатива сотрудницы была чревата и потерей клиентов. Ведь все эти нетрадиционные медики – потенциальные рекламодатели. И ничего с этим не поделать.

– Мартусь, а бюджет я тебе как под твои занятия подтяну? – осторожно спросил он у журналистки. – Ведь ты же не бесплатно будешь к этим специалистам хаживать. Они за свои сеансы деньги берут. И потом, представь, сколько у нас

скандалов может приключиться от твоих, так сказать, разоблачений? Эти все чародеи – индивидуальные предприниматели с сертификатами тренеров личностного роста. Они за использование их имени в нехорошем контексте наведут на нас порчу и диарейный луч. А что еще хуже – в суд подадут.

– А если они меня спасут от сглаза, и нехорошего контекста не получится? – на всякий случай уточнила Марта.

– А за хороший контекст они нам денег должны платить, а не мы им! – отрезал Вельзевул.

Марта расстроилась и мысленно уже попрощалась со своей идеей: посетить трех разных экстрасенсов с одним и тем же вопросом. Видя вытянувшееся лицо самой преданной сотрудницы, Самуил смягчился.

– Ладно, давай, на один эксперимент хотя бы решимся. Придумай себе какую-нибудь проблему, сходи, подвергнись, так сказать, магическому воздействию, а потом статейку напиши от первого лица. Не называя реальных имён! Небольшой бюджет я под это найду, посмотрим на реакцию читателей и рекламодателей. Но на многое не рассчитывай, поняла?

Так Марта получила интересное ей редакционное задание. Как раз в тот день, когда Ира с Ульяной навещали Ольгу, Марта изучала контингент целителей, чтобы записаться к одному из них. Задача была непростая. Запрещалось трогать «сетевиков» – то есть эзотериков, связанных с одним крупным собственником сети салонов, под которого нельзя ко-

пать. Но и на совсем уж мелких и никому неизвестных волшебничков вестись не хотелось. Понятно же, что там совсем примитивный «развод» её ожидает. А Марта жаждала написать правдивую и полезную статью. И не обязательно о том, что везде вас подстерегают шарлатаны. Может, ей повезет и она увидит нечто другое.

Не подозревая, что прямо сейчас мимо неё проходит, возможно, самый мистический в её жизни сюжет, Марта кивнула забавной девчонке (Таи-ладно... прелесть какая!) и вернулась в свою комнату, где она до глубокой ночи шерстила сайты, читала отзывы, выписывала номера телефонов. Искла себе достойного гуру, в общем. Выписала несколько имён (надо же с начальством согласовать, прежде, чем звонить) и с чистой совестью собралась почитать.

У любителя тайн и мистики и сны такие же. Марта уже пару лет пыталась овладеть методикой осознанных сновидений, но ей не хватало упорства и прилежания. Проще говоря, лень было. Поэтому видения к ней приходили интересные, но на вещи и осознанные сны явно не тянули. А самым крутым сновидческим персонажем был Ринпоче Пхубу, тибетский старец благообразного вида.

Когда Марта увидела его в первый раз, то очень растерялась: как с ним разговаривать? Тибетского языка она не знает. Но старец оказался компанейский и доброжелательный, а самое главное – русскоговорящий.

– Ваше имя значит что-то важное? – спросила Марта с

благоговением.

– Пхубу? Очень важное. Четверг.

– Четверг? Но почему? – Марта еще раз растерялась.

– А почему бы и нет? Я в четверг родился. И, если ты заметила, в твоём сне я присутствую в этот же день недели.

Так и повелось, что в некоторые четверги Марту во сне навещал жизнерадостный тибетский старец. Иногда она даже только поэтому с утра вспоминала, какой нынче день на дворе.

Вот и этой ночью девушка услышала характерное мягкое покашливание.

– О! Точно! Сегодня опять четверг! – обрадовалась Марта во сне.

– А говоришь, осознанные сны смотреть не умеешь, – засмеялся Ринпоче. – А ведь осознаешь, что видишь меня, и что сегодня определенный день недели. Опять спать поздно легла, иэх... Сколько тебя учить – лучший сон с десяти вечера до шести утра. Так и выспишься, и на нужный канал во сне выйти можешь.

– Каюсь, Гурушка, – Марта позволяла себе быть игривой, ведь это ж ее сон, чего церемониться. – Увлеклась сегодня интернет-поисками. А еще задумалась вдруг о смысле того, чем занимаюсь. Что я пишу? Какая идея в моем творчестве?

– Дура ты малолетняя! – Ринпоче Пхубу, уселся в кресло-мешок. Беседа их сегодня проходила прямо в комнате журналистки, где как раз был именно такой предмет обихо-

да. Марта перевозила его с одной съёмной квартиры на другую. – Писать надо не идею, а то, что нравится. Когда ты думаешь, какую идею несет твое творчество, на этом оно и заканчивается. Сначала излей порыв душевный, а потом там идею ищи. Если она светлая и правильная – все нормально, давай ход дальнейший. Найдется тот, кому это надо прочесть.

– Но как же так! – Марта возмутилась. – Но ведь во все времена люди писали и пишут что-то разумное, доброе и вечное. Задавались целью.

– От души писать надо, дорогая ученица. Если ты просто стараешься, описывая то, что самой тебе неинтересно – значит не твое это. Оставь подобный сюжет тому, кто этим горит и живет. Иначе все равно тебе не поверят.

– А если я какую-то губительную мысль захочу написать? Разрушительную и безнравственную?

– Тогда не пиши. Вообще не пиши. Ничего. Это значит канал твой сбился и транслирует всякую дичь. Вот будешь спать ложиться под утро, канал и поломается! Ладно, на сегодня я тебе наставление дал, бывай!

– Такое наставление мне ещё Брэдбери в своей книге про писательский дзен давал, – немного обиделась Марта. И действительно, у знаменитого сочинителя она уже читала немного иначе сформулированный принцип: «работай-расслабляйся-не думай». Хотя, чего ожидать от собственного подсознания? Ринпоче может говорить только о том, что зна-

ет и сама Марта. Или нет?

Пхубу растворился во тьме комнаты, Марта повернулась на другой бок, смотреть сны не такие логически выверенные, но зато более расслабляющие.

***

С утра Марта взбодрилась только после поездки на Апельсинке до работы. Ехать было недалеко, но ядреная атмосфера зимней дороги, студёный утренний воздух и маты стоявших пробках водителей смогли ее разбудить окончательно. Четверг начался неожиданно – с порога ее поймал Вельзевул и строго выговорил за пропуск мозгового штурма в телевизионной редакции.

– Слушайте, я не понимаю, – возмутилась Марта, – штатных мест в ящике для меня не хватило, а на планерках я там должна штаны просиживать?

– Не гунди, – ласково попросил начальник. – Ты нам там сейчас нужна. Маша Сергиенко, шеф-редактор «Следов пришельцев», на больничном. А без нее Алина, так сказать, будто совсем IQ тронулась.

Алина Кунцева – ведущая передачи «Следы пришельцев». Сутью программы, собственно, было расследование роли инопланетного разума в достижениях и наоборот, неудачах человечества. Главным достоинством Алины были её крайне телегеничная внешность и неземное обаяние, которое позволяло ей разговорить самого неприветливого гостя. С учетом того, что «Следы пришельцев» шли в прямом

эфире, это был очень существенный плюс. Но при этом эрудицию в делах эзотерических Алине в заслуги записать было никак нельзя. Ситуацию спасал подробно расписанный сценарий и постоянное присутствие в наушнике голоса редактора.

– Во вторник, знаешь, что Алина выдала без Машки? – Вельзевул трагически возвел глаза к небу. – Не знаешь, ты на планерки не ходишь. Так вот, когда уважаемый исследователь, именитый и заслуженный человек начал ей рассказывать о «Хрониках Акаши», эта барышня его спросила, где можно почитать эти хроники, а еще лучше – скачать!

Марта не смогла удержаться и прыснула в кулак. Вельзевул очень потешно изобразил ведущую, и последнюю фразу пропищал.

– А вот ничего смешного! – руководитель посуровел. – В общем, пока Маша отсутствует, будешь проверять сценарий и сидеть на «ухе» у Алины. И звонки фильтровать сможешь. А между эфирами, так сказать, политинформацию проведи. Например, расскажи Кунцевой, что «Хроники Акаши» – это информационное поле, в котором весь человеческий опыт прошлого, настоящего и будущего. Более сложная интерпретация ей и не нужна. Главное, чтоб поняла, что это не книжка в пиратской библиотеке. Эфир три раза на неделе, так что не особо обременишься.

– Самуил Александрович, – взмолилась Марта, – у меня же проект! Сегодня я на снятие венца безбрачия хотела за-

писаться. Если вы кого-нибудь из магов одобрите. Да и как мое присутствие поможет делу? Если, например, она назовет геоглифы на плато Наска «симпотненькими зверушками», что я сделаю?

– А ты ей тут же подскажешь что-нибудь умное, чтоб все подумали, будто до этого она пошутила. Не кобенься. Успеешь ты еще под венец... или на венец, не знаю как правильно. Эфир в 15:00 сегодня. Вот проконтролируешь, чтобы как надо всё прошло, и я тебя лично к любому Мессингу готов записать.

Марта только вздохнула. Опять её перекидывали куда-то, прерывая творческий полёт. Ну что ж, эфир так эфир. Она втянула голову в плечи и обреченно зашла в свой отдел, где привычно пахло ладаном и сандалом, хотя на двери и висело распечатанное на струйном принтере объявление: «Коллеги, просьба перед использованием ароматических свечей уточнить у соседей по кабинету наличие аллергии».

***

– Пончики привезли! – выпускающий редактор «Следов пришельцев», Лёвушка, внес в эфирку благоухающую коробку. Тут же лес рук операторов, звуковика, осветителя и прочих страждущих потянулся к сокровищу. И до Марты дошла чуть ли не аккуратно вылизанная емкость без признаков сдобы.

– Упс, Мартуля, тебя-то я и забыл посчитать, – сконфузился Лёвушка.

– Ничего, я привыкла. – Марта пожала плечами. Отрощенный дзен позволял ей уже не огорчаться из-за таких мелочей. Карма человека-невидимки, что уж там.

– Хочешь, я тебе половинку своего пончика отдам? Я только один раз откусил. – Лёвушка выглядел несчастным.

– Забей. Лучше верстку мне дай. Полную.

Выпускающий с виноватым видом побежал за распечаткой. Тема программы была странноватая. Говорить сегодня собирались о призраках. Кто они? Энергетические останки умерших, а может, их внетелесное воплощение, душа? Или те, кого мы называем духами и пытаемся вызывать с помощью медиумов – внеземная форма жизни, инопланетяне, которых мы принимаем за привидения, да и сами они прикидываются чем-то, более понятным для нас, землян.

– Вот кто-то накреативил, а! – Потрясла головой Марта. Пожалуй, на планёрки к «ящикам» ходить всё же стоит, вполне забавный цирк может оказаться.

Основной гость ожидался интересный: профессор Пруфов. Настоящий профессор, между прочим. Правда, медицинских наук. Но тем интереснее. Арсений Пруфов был известен широкой эзотерической аудитории как психиатр, который сам верит в то, за что другим ставит диагнозы. Вторым гостем студии была Иветта Иванищева, довольно популярный в столице медиум родом из Чебоксар.

Лёвушка принес верстку и сценарий эфира. На полях его заботливой рукой было отмечено: «Для Алины – ВАЖНО!!!»

Не говорить проф. Пруфову: «А где прuffy?» Это невежливо». Марта одобрительно похлопала выпускающего по плечу. Он явно держал руку на пульсе прямого эфира.

Гостевой редактор Ритуля усадила в кресла Арсения Ильича Пруфова и Иветту Вадимовну Иванищеву, прощбетала им что-то успокаивающее насчет их телегеничности, и передоверила подоспевшей из гримерки Алине Кунцевой. До эфира оставалось меньше 10 минут и все было под контролем.

– Голосовалка готова? – на всякий случай спросила Марта. Интерактивный опрос был «заряжен». Вопрос звучал традиционно: «Вы верите в призраков?» Вариантов ответов предлагалось три: «Да», «Нет» и «Я сам их видел/а».

Кроме опроса предполагались прямые звонки в студию, так что контакт с аудиторией подразумевался тесный.

Марта любила прямые эфиры. В волнующий момент, когда на мониторах появлялась заставка и звучал голос режиссера: «В эфире», она чувствовала себя в самолете, шасси которого только-только отрываются от твердой поверхности взлетной полосы. И все, то что дальше – уже судьба и только.

– Добрый вечер, любители и ценители непознанного! – как всегда, обаятельно, поприветствовала аудиторию Алина. Что и говорить, она была хороша. Привлекательность девушки просто зашкаливала, и это позволяло вытягивать самые

сложные эфиры и списывать «косяки», казавшиеся непоправимыми.

– В эфире «Следы пришельцев» и я, Алина Кунцева, вместе с гостями студии, сегодня постараемся ответить на вопрос «Призраки – информационный след умерших, или иная форма жизни?»

Тут в речь Алины вторгся непрошенный звук – басовитый кашель Пруфова, который хоть и не был в кадре, но находился в полуметре от ведущей.

– Микрофон уводи! – зашипела Марта на звуковика.

– Сорян! – Кирилл, звукорежиссер, пожал плечами и увел «бегунок» вниз.

Ведущая ослепительно улыбнулась и продолжила:

– Как вы уже догадались, я в студии не одна. Не буду откладывать в долгий ящик, и познакомлю вас с экспертами.

На основном эфирном мониторе появилась медиум Иветта. Марта сделала жест «рука-лицо» и опять зашипела:

– Ребята, ну зачем вы тетю показали? Как будто это она басом кашляла. Общий давайте.

– Логично! – Армен, режиссер за пультом кивнул и вывел на экраны всех троих: Алину и ее гостей. И сверх того, оператора Васю, который не успел добежать до второй камеры.

Эфир начинался феерично. Самолет, едва взлетев, вошел в зону турбулентности. Армен выразительно посмотрел на Марту, как бы говоря: «Всё ты со своим общим планом», и вновь переключился на ведущую. Она все так же ослепитель-

но улыбалась, что должно было заставить зрителей и спонсоров программы забыть и про кашель, и про Васю. А возможно, и про саму тему эфира. Дальше все пошло по сценарию, и эфирная группа перевела дух. Результаты опроса показывали, что аудитория «Астрального канала» верит в призраков. На прямую линию звонили очевидцы, желающие рассказать свои мистические истории. Гости студии обстоятельно и толково отвечали на прописанные для Алины вопросы. Иветта рассказывала, как она в пять с половиной лет впервые услышала дух своей прабабушки. Арсений задал пару уточняющих вопросов по поводу диагнозов, которые будущему медиуму ставили в детстве, и жили ли ее родители вместе. Иветта не обиделась, поскольку была натурой просветленной. После этого настало рекламное время и все смогли немного отдохнуть. До окончания эфира было еще полчаса.

– Марта, тут звонок интересный! – Ритуля, гостевой редактор, во время эфира «сидела на трубке» и принимала звонки. – Человек утверждает, что с ним сейчас на связи его покойная родственница, и у нее есть сообщение для Арсения.

– Правда, любопытно! – оживилась Марта. – Даём!

Реклама благополучно завершилась, и Алина сообщила:

– У нас есть очередной звонок в студию. Добрый вечер, дорогой зритель! Вы в эфире!

В студии раздался свист и скрежет, как бывает, когда телезритель звонит в студию, не отходя от телевизора. Ведущей

пришлось попросить невидимого собеседника отодвинуться от своей «шайтан-коробки», и связь наладилась.

– Я могу уже говорить, да? – спросил обеспокоенный мужской голос.

– Да-да! – закричали все трое присутствующих в студийных креслах. И оператор Вася, кажется, тоже.

– Как вас зовут, из какого вы города? – продолжала отрабатывать Алина.

– Коля. Николай в общем. Из Барнаула. Это на Алтае. Я тут с тетушкой своей.

– Замечательно! – обрадовалась Алина. – А тетю как зовут?

– Звали. Вероника ее звали. Она умерла месяц назад. И теперь мне является и говорит со мной.

– Ого! – удивился Арсений. – Интересный вы фрукт.

– Арсений, это невежливо! – попыталась урезонить партнера по эфиру Иветта. – Человек к нам с проблемой обратился, а вы с ним как психиатр.

Профессор немного смутился. Он был человеком интеллигентным и вполне толерантным. Даже в призраков немного верил и являлся председателем общества «Московские охотники до привидений».

Алина, казалось, немного испугалась. Но продолжила улыбаться и общаться с телезрителем:

– Коля... Николай из Барнаула, а вы тетю свою как... видите или слышите только?

– В основном слышу ее в своей голове, – охотно откликнулся собеседник. – Но и вижу ее еще, когда темно, и на фоне белой стены, то лучше видно, она прозрачная такая немного. И она меня попросила вам позвонить сюда. Для Арсения сообщения передать. Кто у вас тут Арсений-то? Не вы же?

– Точно, не я! – улыбка Алины если и померкла, то незначительно. – Это наш уважаемый гость, профессор психиатрии.

– Добрый вечер! – поздоровался Арсений Ильич.

– Здравствуйте! – ответил Коля из телефона. – Я вам должен от своей покойной тети сообщение передать. Она послушала, что вы 90% рассказов о контактах с призраками назвали психическими расстройствами, и ей это не понравилось. Просит сказать, чтобы вы это прекратили.

– Хм. Умершая тетя. Интересно. А какие у вас, так сказать, пруфы в пользу ваших слов?

На «пруфах» Алина Кунцева непроизвольно хихикнула и с выражением посмотрела в камеру. Ее взгляд означал: «Вот, а вы тут пометки всякие на полях делаете, чтобы я о пруфах не заикалась!» Алина прекрасно видела, что в эфир шло изображение профессора со второй камеры, и поэтому даже позволила себе показать язык эфирной бригаде. К сожалению, именно в этот момент Армен решил переключить камеру, и мимический этюд ведущей смогли увидеть и все телезрители. Алина густо покраснела и поспешила отвлечь от

себя внимание

– Да, Николай, уточните, пожалуйста, вы у врача были? Может у вас от горя и усталости галлюцинации.

– Зря вы дразнитесь! – голос Николая приобрел обиженную интонацию. – Я к врачу сразу пошел, как только голос тети услышал. Мне всякие анализы сделали и все как надо. Сказали, что здоров я. А пружфы вам будут сейчас. Например, тетя говорит, что у Арсения Ильича папа был ВДВ-шник.

– Ну, это вы могли в интернете прочитать. На моей страничке в соцсетях, – не поверил Арсений.

– Тетя моя в соцсетях не зарегистрирована даже была! Да и как бы она после смерти в эти ваши инстаграммы залезла? Или вы думаете, что это я вас там искал? – не сразу догадался Коля. – Ладно. У вас в левом кармане брелок лежит, с ключами. А на брелке – лошадка какая-то. Вроде как пони из девчачьего мультика.

Профессор начал ловить ртом воздух.

– А этого в соцсетях точно не было? – заботливо уточнила у него Алина.

– Нет! – Пруфов побагровел. – Что вы тут за балаган устроили? Подтасовали эфир, чтобы сенсацию получить? Еще бы разузнали, какого цвета у меня трусы!

– Бирюзового! Тоже с изображением поняшек. – С готовностью ответил Николай из Барнаула. – А еще вы торопились и бирку с них не срезали. Можете прямо сейчас проверить.

– Н-не буду я ничего проверять! – профессор был в ярости. – Не знаю, как это просочилось из... из моих штанов, но я буду жаловаться. У вас будут проблемы.

– У моей тети проблемы уже закончились, – Рассудительно сказал Николай, – но она вам не про трусы рассказать хотела, а предупредить.

– О чем? – теперь уже заинтересовалась Иветта.

– Дословно передаю: пусть этот чудик сегодня, когда ему позвонит Виталик, не соглашается встречать из аэропорта Галю. Не то беда случится.

Арсений схватился за сердце, Иветта вскрикнула. И тут в студии заискрился фонарь. Как бенгальский огонь. С треском.

– Уходим на рекламу! – закричала Марта.

– Логично! – согласился невозмутимый Армен, и тут же поставил промо-блок.

Ритуля пыталась связаться с Колей, чтобы разобраться, что это за розыгрыш. Но Николай уже отключился, и трубку не брал.

– Ребята, это трэш! – сказала Алина в студии. Сразу стало понятно, что в спешке ее микрофон забыли «увести», и реплики ведущей ложатся поверх рекламного блока, прямо в эфире. Это была катастрофа.

Арсения Ильича еле-еле успокоили. До конца эфира оставалось больше 20 минут. С огромным трудом Ритуля, Алина и Марта убедили психиатра, что никто физически не смог бы до эфира установить интимные детали гардероба профессо-

ра.

– Действительно, остается предположить, что мы имеем дело с чем-то непознанным. – согласился Арсений.

Инцидент был чудом урегулирован, и Алина вновь появилась на экране.

– Дорогие зрители! – вдохновенно выпалила ведущая. – Сейчас у нас произошло настоящее мистическое событие. Об этом можно написать в «Хрониках Аркаши»! Или как там этот эзотерический вестник называется.

Иветта издала горловой звук непонятного значения. Марта всерьез задумалась об увольнении.

– Давайте, поговорим о том, как же возможны такие вещи.

– Вполне возможны, еще как! – вступила медиум в беседу. – Если принять во внимание, что жизнь не заканчивается после смерти, ровно, как и не начинается нашим рождением. Я это вам и пытаюсь с начала программы донести. Мы вот совершенно точно тут присутствующие не знали, какого цвета исподнее господина профессора. Вполне вероятно, что этот факт вообще не был известен ни одной живой душе.

– Позвольте! – вдруг обиделся Арсений Ильич. – Я, вообще-то, довольно популярен среди представительниц противоположного пола. Мне всего-то 56, что вы меня со счетов списываете. А с пони – это совершенно случайно получилось. Мне друзья на первое апреля в шутку целый набор с их символикой подарили. Но это неважно сейчас, впрочем. И да, в привидения я верю. Просто по моим наблюдениям,

настоящих историй с их участием крайне мало. Но эта вот, определенно, достоверная.

Дальше беседа в студии перетекла во вполне конструктивное русло. Иветта начала рассказывать о видах призраков, профессор дополнил, чем отличаются фантомы от полтергейстов и пояснил, что эктоплазма – это субстанция, которую якобы выделяют духи, а элементалы – сущности, застрявшие на стыке двух реальностей. Марта мысленно порвала свое виртуальное заявление об увольнении.

– А хотите, мы прямо сюда сейчас с вами сущность вызовем? – вдохновилась вдруг медиум.

– Нет-нет. Не надо! – очень поспешно замахали руками Алина, Арсений Ильич и оператор Вася на заднем плане.

Иветта с сожалением пожала плечами, и присутствующие продолжили разговор, как отличить призрака от галлюцинации, и можно ли самостоятельно понять, к кому обращаться за помощью: к психиатру или парапсихологу. Внеземные формы жизни были забыты.

В финале программы Алина прочла текст с телесуфлера о том, что убедительных доказательств существования загробной жизни нет, как и достаточно обоснованных аргументов в пользу того, что это все выдумки. На этой философской ноте эфир закончился.

Как требовали приличия, редакторская группа пошла прощаться с гостями. Тем более, программа получилась

несколько неоднозначная. Профессор включил смартфон, который тут же залился рингтоном. Арсений Ильич извинился и нажал кнопку вызова.

– Виталя? Пятый раз мне звонишь? Да я на телевидении интервью давал, телефон выключил. Ты не смотрел меня? Ах, да, ты ж вообще ящик не смотришь. Что у тебя там? Сегодня прилетает во Внуково и встретит некому? Конечно, постараюсь, я же любящий дядюшка, как-никак.

Конечно, никто специально не подслушивал беседу психиатра по телефону, но на словах об аэропорте и Марта, и Иветта, и Ритуля... и даже оператор Вася, который собирал в студийном павильоне оборудование – все напряглись.

– Как зовут племянницу? – в едином порыве спросили Рита и Марта.

– Га-галя, – заикаясь, ответил профессор. – Виталик, я тебе чуть позже перезвоню, не могу сейчас говорить.

– Вы не должны ехать встречать эту Галю! – требовательно набросилась на Арсения Ильича Иветта, как только он положил трубку. – Вы же слышали: беда будет!

– Но это же ненаучно! – попытался отбиться профессор. – Виталик – это мой брат. А Галя – племянница, дочь нашей единственной сестры Леночки. Галочка сегодня летит из Европы, навестить маму. Вот как я могу отказаться ее встретить? Лена машину не водит, Виталик категорически поехать не может. Не на маршрутке же ей трястись!

– А такси? – поинтересовался Вася.

Профессор обвел взглядом присутствующих и вздохнул.

– Эх, ладно. Придумаю что-нибудь. До свидания!

Арсений положил мобильный в левый карман брюк, вытащил руку, и случайно выронил брелок с автомобильными ключами. Брелок был в форме милой голубой лошадки и с надписью «Дружба – это чудо». Профессор смутился быстро поднял и запихал провокационный предмет обратно. Девушки и Вася переглянулись.

В студии нарисовался Вельзевул. Лицо его напоминало детскую мозаику, сплошь из белых с красным элементов. Видно было, что руководитель едва удерживается от проявления чувств, и хочет пропесочить коллектив, а больше всех, Марту, за всё. За белье профессора в прямом эфире, звук из студии на рекламном блоке, за «Хроники Аркаши», наконец. На бюджетных каналах это все как само собой, конечно, но производственный брак таким доводом не оправдаешь.

Марта понимала, что сейчас, стоит гостям уйти, над головой её развернутся все хляби небесные и хор иерихонских труб возвестит о личном Мартином апокалипсисе. Пафосно, но вот так она чувствовала. Поэтому она открыла рот и кинулась в бездну:

– Арсений, а давайте, мы с вами вместе поедем Галю встречать?

– Гениально! – восхитилась Алина. Что ни говори, девушка она очень приятная и отзывчивая. Хотя и читает мало,

особенно по профилю студии.

– То есть, вы думаете, со мной случится что-то страшное, и хотите при этом присутствовать? – Ошарашенно уточнил Пруфов.

– Ну, мы надеемся, – начала Марта и осеклась. – Очень надеемся, что ничего такого не произойдёт. Но, понимаете, в программе прозвучала эта мысль. Что это? Розыгрыш или мистический знак с того света, мы не знаем. Но будет непрофессионально это проигнорировать.

– Я вас понимаю, – кивнул профессор. – Но мне надо будет это Галочке как-то объяснить.

– Да мы её не будем снимать, если хотите, – пообещала Марта. – И вообще, поедем в соседней машине, чтобы не мешать встрече родственников.

На этом месте Самуил кашлянул. Нездоровая мозаика на его лице поблекла, но он всё ещё был опасен. И явно против того, чтобы выводить вечером водителя в оплачиваемый рейс.

– Ну, или просто тихо посидим. Можете сказать, что мы вместе ездили какую-нибудь аномальную зону снимать, с вашими комментариями. Не станем пугать Галю возможными происшествиями.

Арсений кивнул:

– Пожалуй, вы правы. Мне и самому немного не по себе. А с живыми людьми в автомобиле будет лучше. Нам тогда надо будет выезжать через полтора часа. Я сейчас перекушу

где-нибудь, и заеду за вами.

Послышался коллективный вздох облегчения. Даже Самуил Александрович, похоже, передумал устраивать судный день для съемочной группы. По крайней мере, в студии. Спокойным голосом попросил Марту и Алину к нему зайти вместе.

– Вы понимаете, какой, так сказать, балаган устроили? – спросил он уже за закрытой дверью.

– Понимаем, – повинно склонила голову Марта.

– Это ж ослепительное следование шаблону дурновкусия! Гримасничанье в эфире, технический брак. Да ещё эти трупы! Паршивый туалетный, так сказать, юмор! Я даже сначала подумал, что ты это всё специально подстроила, в знак протеста. Не хотела заниматься эфиром и вот так это продемонстрировала.

Самуил увидел, что Марта набирает воздух для возражения, сделал упреждающий знак рукой:

– Да верю я тебе. Тут все хороши были. Да, Алина?

Прекрасная ведущая пожала плечами. Вид у неё был слегка виноватый.

– Алина, прочти, наконец, хотя бы в Википедии, что такое «Хроники», ладно? Это моя к тебе личная просьба. Ну и вообще, просвещайся как-то по нашей части. Ты же наше, так сказать, лицо. Надо чтобы оно компетентное было, не только красивое.

Вельзевул повернулся к Марте:

– Ты, конечно, понимаешь, что твой сомнительный проект с венцом безбрачия пока откладывается?

Марта вздохнула.

– Езжай с этим профессором в аэропорт, и молись, чтобы он в заварушку попал. Чтобы было, о чём потом рассказывать. Эксплуатировать, так сказать, тему. Привезёшь что-то ценное, закрою глаза на ваши сегодняшние подвиги.

Вот это здорово, конечно, получалось. Теперь её творческая карьера зависела от невезения ни в чём не повинного человека. Получается, ей надо желать, чтобы у него не заладилось. Да ещё в этот момент находиться в его автомобиле. Мда. Каску надеть, что ли?

Оператор Вася косо посматривал на Марту до самого отъезда. А перед посадкой в машину к профессору и того хуже: достал из кармана фляжку с коньяком и хорошо так отхлебнул.

– Для храбрости! – уточнил он на вопросительный взгляд напарницы. – Хочешь?

– Нет, спасибо, Вась. Не хочу на остальных спиртягой дышать.

– Я не возражаю, – махнул рукой сидевший за рулём Арсений. – Я б и сам выпил, но за рулём.

Но Марта всё равно решила сохранять трезвую голову. Тем более, какое там успокоение с глотка алкоголя-то? Да и не любит она его.

По дороге в аэропорт беды не случилось. Вася даже задремал, допив свою фляжку. А Марта с профессором беседовали о непознанном и в целом довольно интересно провели время.

Самолёт Гали прибыл по расписанию, багажа у неё было немного, получила его девушка очень быстро. Правда, они всё равно какое-то время проторчали в аэропорту, поскольку Вася решил посетить санитарную комнату и застал там очередь. Марте было за него стыдно – все сидят, ждут, а он... Когда все были в сборе, Галочка резво запрыгнула на заднее сиденье, рядом с Васей.

– Не хочу я на дорогу пялиться, дядечка, – сказала она. – Лучше тут, рядом с молодым человеком развалюсь. Устала, целый день в бегах, только в самолёте посидеть и удалось.

Девушка оказалась общительная и довольно милая. Узнав, кто её спутники, она с интересом принялась расспрашивать Васю о мистических ситуациях на съёмках и том, удавалось ли им на видеокамеру снять настоящее привидение. Заболтавшись, все уже и забыли, почему оказались вместе. Пока Арсений резко не начал тормозить. Впереди дорога была перекрыта, Марта увидела несколько машин с мигалками. Две «скорых», пара полицейских автомобилей, куча людей. Она вышла на улицу вместе с профессором.

– Авария тут. Серьёзная, – хмуро сообщил водитель одной из стоявших в заторе «легковушки». – Минут 10 назад всё случилось. Лобовое столкновение, три тачки поцелова-

лись. Один пьяный идиот на встречу вылетел, врезался в «Вольво», ну и тот, что следом за ним ехал, тоже затормозить не успел.

– Вот это да! – с чувством заметил профессор. – Если бы мы вашего Василия не ждали, на месте этого бедняги мог быть я. Тем более, у меня самого «Вольво».

Марта, безусловно, была рада, что не попала в аварию. Но теперь ей и Самуилу предъявить жареный факт не получится. Ну да, стали свидетелями последствий ДТП. Двоих водителей увезли в больницу, с травмами средней тяжести. Но до сенсационного продолжения мистических откровений это вообще никак не дотягивало. Пострадавших было жаль, тем более, что ими оказались водители протараненных машин. Виновник отделался ушибом руки.

– Ох, ну нифигащечки себе! – восхитилась Галя, когда Арсений и Марта вернулись в автомобиль. – Это и есть та самая беда, которую тебе предсказали?

– Галя, а ты откуда об этом знаешь? – профессор был в шоке.

– Ой, да мне два человека скинули мессаги, что тебе в эфире какое-то алтайское привидение пообещало неприятности, если ты поедешь меня встречать.

– Вот спасибо им, – разозлился профессор.

– Ух ты! Нас двое человек смотрело! – Некстати обрадовался Вася.

– Вася! – Рывкнула Марта. – У нас сотни тысяч зрителей.

– Ах, да, конечно, – стушевался коллега.

Им повезло не только не попасть в ДТП, но и немного под-
нять место аварии. Сотрудники полиции неохотно, но раз-
решили произвести съёмку, взяв у Марты координаты.

– Наш штатный парень с камерой сегодня в отгуле. Так
что подкинете нам видео места происшествия. Ну и мы вам
разрешение дадим на его использование.

Что ж, хоть небольшое, но развитие событий. Пару кадров
в эфир поставить можно. Мол «нет дыма без огня».

– А что, если ты, Вася, повлиял на ход событий? – пред-
положила Галя с горящим взором, когда примерно через час
им удалось покинуть образовавшуюся пробку. – На самом
деле, мы должны были пострадать в этой аварии, но опозда-
ли на неё. И теперь судьба нас будет преследовать, пока не
добьёт? Ну, как в ужастике «Пункт назначения»?

– Галя, уйми свою фантазию, – попытался урезонить де-
вушку дядя. – Всё хорошо будет.

Профессор высадил съёмочную группу недалеко от их Бе-
гемота. Марта даже заходить не стала на работу, оседлала
Апельсинку и домой поехала. Время было позднее, но Ольга
ещё чаёвничала на кухне.

– Привет! – помахала Марта рукой соседке.

– Привет! – Ольга улыбнулась. – Слушай, Марта, а ты в
загробную жизнь веришь?

Марта закрыла глаза и заскрипела зубами.

– Ох, чувствуется, эта тема тебя достала! – Ольга выглядела виноватой.

– Да не... просто день такой. А у тебя знакомые привидения появились?

– Тьфу-тьфу, нет пока. Не привидения. Да ладно, не бери в голову. Просто так спросила. Мысли всякие, ничего серьёзного.

Марта кивнула и устало поползла в свою комнату. Вот так она второй раз за два дня прошла мимо разговора о чем-то сверхъестественном. Интересно, часто ли в её жизни бывали такие ситуации? Возможно, приди она куда-то чуть раньше или чуть позже, или же будь менее уставшей и более внимательной, смогла бы застать нечто удивительное. То, что отбило бы зарождающиеся сомнения молодого мятущегося ума, преданного эзотерике. Укрепило бы веру в таинственное. Сегодня ей не хотелось думать о призраках. Один из них, можно сказать, подставил её на работе. Если это вообще не был розыгрыш кого-то из друзей или родственников Арсения. Наиболее подозрительной казалась веселушка Галочка. Могла ли она подговорить кого-нибудь подшутить над любимым дядюшкой? Ведь об эфире, судя по всему она знала и с кем-то даже его успела слегка обсудить. А происшествие на дороге – всего лишь совпадение, в таком случае. «Алтайская тётушка» уверяла, что беда случится именно если Арсений согласится встречать Галю. Авария же произошла и безо всякого участия профессора. Может, конечно,

Арсений пострадал бы серьёзнее, попади он в эту переделку. Но теперь только гадать и остаётся. И радоваться, что все живы остались. В любом случае, профессор приехал, Галю встретил, а беды с ним не произошло. Марта почувствовала себя кровожадной беспринципной дрянью, дойдя до этой мысли. Вот за что журналистов не любят. Факты для них порой начинают затмевать живых людей с их проблемами. В такие моменты Марта и сама себя не любила. Хотя, если подумать, а когда наоборот-то было? Особой нежностью к своей персоне, к сожалению, она не отличалась.

На следующее утро Марта отправилась на работу, предчувствуя тяжёлый разговор с начальством и полную безнадегу в творчестве. Но всё оказалось не так страшно. Да, её проект приостановили, так и не начав, а саму Марту обязали нести вахту на «Следах пришельцев», пока Маша Сергиенко не выйдет с больничного. И тщательно прорабатывать содержание эфира, как до, так и после. Правда, это не особенно понравилось Марату, главному редактору их журнала. Марта обычно брала на себя львиную часть работы и здорово его разгружала.

– Недельку потерпишь, – категорично сказал Вельзевул главреду. – Или две. Марта тебе уже так сказать, на три номера вперёд статей наклепала, сам видел. Так что сам думай, чем оставшиеся дыры заполнять, ты ж редактор. Картинки поставь мистические. Или анекдоты про шаманов.

Дальше день прошёл тихо и размеренно. Марта гуглила

материалы по теме «Домовой – шпион из другого измерения?» Именно этому посвящался субботний прямой эфир. Креативный продюсер сформулировал идею так: «А что, если домовые – это не просто сущности из параллельных миров или духи – помощники, а подосланные агенты, которые изучают наш мир? Может быть все эти шорохи в ночи – результат того, что невидимые засланцы передвигают свою сложную аппаратуру, которая сканирует нас. И ее излучение создает так называемые геопатогенные зоны». Вопрос, что курит креативный отдел, неоновой вывеской маячил у Марты в голове.

Читая очередную теорию о полтергейсте, девушка вдруг вспомнила вчерашнюю встречу с соседкой. Странно, что такая «прокачанная» и здравомыслящая дама вдруг спросила у неё о привидениях... хотя нет, она сказала «загробная жизнь». Может, стоило поговорить, что-то же её волновало. Марта вспомнила выражение лица Ольги. Да, однозначно, не просто так спросила. Именно так выглядели люди, которые рассказывали ей истории типа: «А вечерами вон там, слева вверху начинает что-то шуршать». Мол, мы не сумасшедшие, честно, но у нас что-то не то происходит. Вот и Оля так же смотрела на неё, как свидетели аномальщины. Чёрт. Везде ей это чудится, просто чудится. Спокойно, Марта. Жизнь – не телесериал. Это только там вокруг врачей образуется зона поражения в любом хорошем ресторане. Люди начинают падать в обмороки и у них резко активизируются редчай-

шие генетические заболевания, вероятность передачи которых 1:1000000. Если герой теленовеллы – детектив, соответственно, преступные наклонности пробуждаются у всех, на кого упадёт тень основного персонажа, и убийства начнут совершаться даже там, где нет людей.

Нет, Марь, ты не звезда сериала «Говорящая с призраками». И соседке твоей просто скучно было, или проблемы на работе её утомили, хотелось отвлечься. А тут – ты. Она и решила пообщаться на темы, которые точно тебя увлекают. Марта улыбнулась и покивала самой себе. Здорово мыслишь. Умешь же иногда!

3.

Ирина возвращалась с работы на маршрутке. Хорошо, детский сад в пяти минутах от остановки, очень удобно. Сейчас забежит за Ульяной и домой, отдыхать. Денёк, что вчерашний, что сегодняшний, выдался суматошный, даже некогда было подумать о новых странностях, вдоволь побеспокоиться и себя понакручивать. Ира невесело усмехнулась. Белые чётки Ольгиной соседки ей во сне привиделись. Она с утра сегодня еле удержалась от соблазна позвонить Егору и спросить, откуда у его матери подобный аксессуар. Но сумела вовремя себя окоротить, а потом и работы навалилось, не до этого стало. А вот уже сев в маршрутное такси, Ирина ощутила, как в голове щёлкнул тумблер и включилась знакомая программа тревожности. А ведь ещё только начало декабря. Что же ближе к новому году будет? Когда очередная годовщина гибели свекровушки к ней подберется. Может, опять чертовщина какая произойдёт. Она уже и привыкать начала. Хорошо, Уля открытой враждебности к ней не проявляет, так лёгкое недовольство и временами недоброжелательное удивление.

– Вы будете выходить? – вывел Ирину из раздумий женский голос. Оказывается, она уже приехала. Спасибо, добрый человек в чувство её привёл. Ближе к выходу сесть она сообразила, а на дорогу смотреть – лишнее.

А на остановке её ждал сюрприз. Второй из бывших мужей собственной персоной. Увидел её, обрадовался. Надо же, даже не в машине ждал, получается, а мёрз на улице.

– Привет, Иришка. Отлично выглядишь, – восхищенно пробубнил Пётр, целуя её в щёку.

– И ты тоже, – вежливо вернула Ира комплимент. – Борода вон какая филигранная. Неужели меня ждёшь? Или мимо проходил?

– Ну, не мимо, конечно, – потупился Петя. – Соскучился по Уле, решил, а давай мы её вместе заберём из садика, погуляем сходим. Пятница же, а? В кафешку сбегает. Может, тебе надо для своих дел часик, так я сам с ней побуду.

– Ух ты! – изумилась Ирина. – Ты чего это такой сегодня чадолюбивый?

Пётр насупился.

– Я что, по своему ребенку не могу соскучиться? Всё тебе не так.

– Да так, так. Хорошо всё. Улька обрадуется. Пошли.

Действительно, Ульяна отцу на шею бросилась, безо всяких магических выкрутасов. Ирина была так заинтригована отцовским энтузиазмом бывшего, что составила ему и дочери компанию в кафе. Попили чаю-кофе, поели всяких вкусностей. Беседовали о милых, бессмысленных вещах типа светских новостей и новых фильмов. Ире даже понравилось. Пётр их и до дома на машине отвез, хотя идти было минут десять от силы. А провожая, попросился и завтра в

гости прийти.

– Хочешь, Улёныш, в океанариум сходим? – щедро предложил он дочке.

Та с восторгом согласилась. К тому моменту Ира уже начала что-то очень конкретно подозревать, но о своих догадках не обмолвилась. У неё и так было чем по жизни озадачиться, разоблачения подождут.

Дочка пребывала в отличном настроении, дома долго играла с куклами, купаться и спать пошла без капризов. Просто праздник. Уснула, конечно, не сразу, всё ворочалась, предвкушая, как завтра будет рассматривать акул и морских черепах. Но в целом, всё сложилось мило, просто и очень по-семейному. Как у нормальных людей.

После того, как Уля погрузилась в цветные детские сны, Ирина отправилась на кухню с ноутбуком. Нашла в соцсети Егора. Он был офлайн.

«Привет!» – написала ему. – «Извини за внезапный вопрос, но помнишь, у твоей мамы были белые тибетские чётки, с мелкими бусинами? Не знаешь, откуда они у неё?»

Нажала «отправить» и тут же устыдилась. Вот что он о ней подумает? Тухлый подкат? Надо удалить сообщение, пока не поздно. А, нет. Поздно. «Егор пишет вам» – отобразилось уведомление. Надо же, быстрый какой. То его в сети не было, а теперь он уже ответ сочиняет.

«Привет!» – ответил Егор. – «Давно не общались. Да, у мамы были такие чётки. Ей из Гоа тётя Даля привезла.

Странно, что ты вспомнила».

Ира вдруг почувствовала, как в висках у неё мелко-мелко застучали крохотные молоточки. А в груди надулся воздушный шар. Отчего, интересно, такая реакция? На весточку от некогда самого дорогого человека? Или это выброс адреналина, вызванный новым витком мистической спирали? Хотя, ой ли. Какой он новый. Болтается Ира на одном и том же эзотерическом крючке, так и не найдя способа с него слезть.

«Да просто у знакомой увидела похожие, мне это напомнило об Анне Викторовне. Извини, что побеспокоила. Бегу спать. И тебе спокойной ночи!»

Егор, как воспитанный мальчик, попрощался с ней тоже. Наверняка, недоумевают. Ну, такой вот ретроградный Меркурий, или как там говорят любители астрологии? К ней Пётр подкатывает, а она – Егору пишет. Гоа, значит. Всё-таки не сама свекровка безделушку на местном блошином рынке купила, а подружка ей из Индии привезла. Знала ли Ира об этом? Она уверена, что нет. Ей имя «тётя Далия» ни о чём вообще не говорило. Анна Викторовна со своими подружками её не знакомила, не сложилось как-то. Так откуда Ульяна могла «считать» информацию об Индии и чётках? И так теория, притянутая за уши, балансировала на грани здравого смысла и безумия. А теперь что?

«Я подумаю об этом завтра!» – сурово сказала себе Ирина, стараясь, чтобы внутренний голос звучал как у Скарлетт О`Хара. И включила ненапряжный сериальчик, скоротать ве-

чер. А там, вот напасть, симпатичный брюнет с яркими голубыми глазами делал предложение своей пассии. И локация практически как та, в загородном отеле. Ира даже словно вновь почувствовала запах листвы, свежесть воды, а главное, томление чувств в груди. Предвкушение чуда, счастья, восторг и бешеную влюблённость. Несколько секунд утраченной радости. Она вспомнила, каким был Егор в период их лёгких, праздничных отношений. Да что там Егор. Она и сама была совершенно другая. Ясные и правильные идеалы детства согревали её и несли по жизни, как горячий воздух поднимает в небо воздушный шар. Как же она любила. Ночами думала о Егоре, грезила, как у них всё будет хорошо. Между прочим, сама бы могла к нему меньше придирааться, если уж честно пересмотреть их скоропостижно развалившуюся совместную жизнь.

А ведь Егор, пожалуй, сейчас бы её понял. Он хотя и увлечённый программист и айтишник, но всегда говорил, что в древних мистических учениях что-то есть. Однажды они сидели в летнем кафе. Это было вскоре после переселения от Анны Викторовны. А через пару столиков оказалась девушка, которая, стараясь быть незаметной, шарила рукой в невзрачном мешочке с какой-то монограммой. При этом явно что-то беззвучно шептала. Затем вытащила руку и внимательно посмотрела на ладонь. Там лежал маленький камушек.

– Совета у скандинавских духов просит, – уважительно

заметил Егор.

– Это как?

– Руны у неё в мешочке.

– Точно! Я сразу и не подумала, – согласилась Ира. – Что она бормотала, интересно.

– Урд, Верданди, Скульд, – с готовностью ответил любивший.

– Егор! – она глядела на него во все глаза. – Откуда ты знаешь?

– Да так, интересовался рунной магией одно время. У меня даже амулет был, я с ним почти не расставался пару месяцев.

– Но ты же... ты же с цифрами, программами работаешь. Точные науки, анализ, формулы. Какая рунная магия?

– Могу объяснить. Вот смотри, представь, что ты прибыла прямиком из позапрошлого века. Такая вот вся стыдливая барышня в кринолинах, идёшь по улице. И вдруг останавливается перед тобой человек и говорит громко: «Окей, Гугл!» И ждёт, когда ему кто-то ответит. Ведь бред же, если не знаешь, о чём речь?

– Наверное да, – неуверенно согласилась Ира, представлявшая себя в юбке с кринолином.

– В магии – свои формулы, у нас – свои. А что, если это всё – древние голосовые команды, и раньше они прекрасно работали? Понимаешь мою мысль?

– Ага, – кивнула Ира.

– Ты не подумай, я не суеверный. Это всё так, в рамках научного поиска.

Возможно, в данной ситуации рациональный взгляд Егора как раз бы не помешал. Да что толку об этом думать. Всё давно быльём поросло. Когда-то они любили друг друга, болтали обо всём на свете. Жаль, что этого не вернуть.

***

Егор внимательным, но при этом ничего не видящим взглядом упёрся в монитор компьютера. Так бывает, когда смотришь внутрь себя, наблюдая увлекательные картинки, не проявленные на физическом плане. Зачем она ему написала? Правда увидела чётки и вспомнила о его маме? Это что-то на грани фантастики. Он поднялся, прошёл в комнату, где когда-то жила мама. Да, ремонт он там сделал, чтобы не испытывать приступ тупой боли каждый раз, когда туда заходит. Но часть вещей осталась нетронутой. Иногда он ходил к ним в гости, словно навещал маму. Там её присутствие чувствовалось куда лучше, чем у могильной плиты с выбитыми именем и датами. Егор открыл деревянный сундучок, где хранились милые маминому сердцу мелочи. И по большей части, не драгоценности. Действительно дорогих украшений у неё было мало. В молодости мама отказывала себе во многом. Даже в необходимом. Когда Егор учился ещё в прежней школе, как-то раз они с пацанами учились курить в укромном местечке. В секретной компашке было двое его

приятелей и еще парочка малознакомых парнишек из параллельного класса. Один из них и начал, давясь от смеха, рассказывать, как у русички прямо на крыльце оторвалась подмётка у сапога.

– Вот метёлка, – заржал второй. – Вообще за собой не следит.

И закашлялся от смеха.

– Ага, – подтвердил рассказчик. – У неё и второй сапог уже каши просит. Прикинь, я как-то видел, она его фломастером подкрашивала, чтоб пятен облезлых не видно было.

– Брешешь!

Товарищи Егора прятали глаза, но не вмешивались. А он почувствовал, как в нём закипает бешенство. Как у чайника со свистком – сейчас струя горячего пара из носика вырвется. Со звуком. Тогда он в первый раз подрался. Врезал прямо по смеющейся физиономии мальчишке, который даже не понял, в чём дело.

Такой вот хрестоматийный случай, что уж тут сказать. Ире он об этом никогда не рассказывал. Наверное, она после этой истории сразу бы сбежала, подумав, что вляпалась в классическую историю материнско-сыновьей любви. Да, наверное, правильно бы и сделала. Что поделать, редко кто может похвастать по-настоящему оригинальным течением жизни. Каждый новый день начинается с шаблона. Звонит будильник, или не звонит, но вставать надо всё равно. И действовать по привычной схеме. А потом поднимается солнце

и жизненный тонус. Хотя нет, тонус – не обязательно. Но это Егор уже в философию какую-то ударился.

В тот день мама его сразу и поблагодарила, и отругала.

– Спасибо, сын, – сказала она нарочито спокойным голосом. Но Егор видел, что руки у неё слегка трясутся. В тот момент она приклеивала злополучную подошву каким-то вонючим обувным клеем.

– Спасибо за то, что я тебе небезразлична. А то знаешь, как бывает, дети воспринимают матерей как ходячую бытовую технику. Ты же за меня вступился. А теперь прими критику. Проблему ты таким образом решил? Сомневаюсь. Подпортил нам обоим репутацию тем, что драку начал. Вы, мужчины, так делаете обычно. Даёте своим бойцовским инстинктам выплеснуться, да прикрываете это каким-то благим намерением.

Мама вздохнула. Егор удивился, что она ещё не начала на него орать. Видно же было, что злится.

– Учись бить словом, сын. Это больнее. Правда, если у твоего оппонента есть мозги, чтобы понять и обидеться.

– Не во всех ситуациях это подействует, – обиженно пробубнил Егор. Его задел тот факт, что мама не оценила, на что он ради неё пошёл. – Если на улице грабят, словами не поможешь.

– Ссора с молодым хамом – это не грабёж в тёмном переулке. Учись давать симметричный ответ.

Тут мама резко поднялась, отложив ботинок. Подошла к

нему, порывисто обняла, чмокнула в макушку, и Егор понял, что она плачет.

Нет, он оборванцем не рос, вещи мама старалась ему покупать по размеру, своевременно и не нашивала бесконечных заплаток одну поверх другой. Может, потому что рукодельничать не умела особо. Но экономила, в основном, на себе. Совсем в обносках не ходила, но вещи меняла уже совсем по необходимости. Да и, на минуточку, были как раз «те самые, голодные 90-е», когда низкий уровень жизни был у многих. Позже Егор понял, что это было не зря. Выцарапывая копейки в условиях перманентного кризиса, мама сумела накопить им «на будущее» и даже потратить эти деньги до того, как они вконец обесценились.

Егор нашёл на дне сундучка те самые белые чётки. Рассмотрел. А ведь это не дешёвка, тётя Далия качественную вещь маме из тёплых краёв привезла. Они тогда как раз вернулись из тура по достопримечательностям Коломны и Рязани. О заграницах речь ещё вообще не шла. А тётя Далия, бывшая однокурсница мамы, приехала из Гоа. Её дети туда отправляли, сын с дочкой скинулись и купили путёвку, потому что Далия – заядлая путешественница. Вручая подарок, она пожелала маме посмотреть мир.

– Перебирай бусинки и загадывай. Повторяй вслух или про себя, в какую страну полететь хочешь. Сбудется! – уверенно провозглашала подруга.

Мама от всей этой сувенирной и религиозной атрибутики

далёкая, чётки неожиданно полюбила. А Далия ей из других поездок продолжала возить безделушки. Вот они все, в этой коробочке.

Егор сунул вещицу в карман трико и вышел из комнаты. На сегодня воспоминаний было вполне достаточно. О странном поведении бывшей думать тоже больше не хотелось. Лучше пофантазировать, каким будет новогоднее путешествие, причём, совершенно не одинокое. Было, с кем провести праздники в хороших местах.

Они большой, весёлой компанией собирались 30 декабря рвануть на горнолыжный курорт Сарыкамыш, покупкой тура ещё в сентябре озаботились. Всё их «мужское братство» плюс вторые половины. Четверо «женатиков» и двое остальных – с девушками. Егор в том числе. Он как раз перед тем, как они начали планировать поездку, встретил кое-кого. На этот раз всё может быть даже по-настоящему, вот, до зимы уже продержались. Его новую девушку звали Анастасия. Самое удачное в ней было то, что она совершенно не напоминала ему Иру. Невысокая, темноглазая и темноволосая, со смуглой кожей. Очень симпатичная, но по-своему, как говорят – на любителя. Егор считал себя как раз таким любителем. Работала баристой, благодаря чему они и познакомились. Егор с утра заехал за кофе, и обратил внимание на приятную брюнетку, а когда она заговорила, решил ещё и вечером зайти. Уж больно голос был завораживающий, потом оказалось, что Настя занималась вокалом на професси-

ональном уровне, но доходов это ей не приносило, поэтому хваталась за любую работу. Егор ходил к ней за кофе неделю, а потом позвал на свидание. Анастасия к тому времени тоже заметила этого слегка рассеянного красавчика, и приглашению обрадовалась. Встретаться они начали стремительно, быстро сблизились и занялись планированием совместного отдыха. Точнее, Мирон скинул Егору ссылку на идеи новогодних каникул, а тот подумал: «Почему бы и нет?» И сейчас ни о чём не жалел. Только вот на несколько секунд показалось ему, что по комнате пронёсся лёгкий, едва ощутимый аромат Ириных духов. Да ничего уже этот призрак прошлого не изменит. Пора жить настоящим, и только так.

***

На следующий день приехал Пётр, сияющий, будто на-тёртый ртутью старый «пяточок» (было в Ирином детстве у мальчишек такое развлечение, шарики из градусника добывать и опыты над старыми монетками ставить). С собой в океанариум он звал Улю вместе с Иррой. Но она отказалась, сославшись на дела. Ситуация ей казалась неловкой. Да и правда, отчего не воспользоваться случаем, не сходить с Ольгой на выставку? Она ведь звала. Остаётся надеяться, что Ульяна при отце не выдаст новую порцию странностей.

С подругой Ира за последнее время особенно сблизилась. Видимо, мистические происшествия очень объединяют людей. Вот и сегодня они сходили в Пушкинский музей, потом посидели в кафе и охотно перемыли косточки Петру. А что,

он сам подставился!

– Петруха твой точно из мужиков, которые страдают по несбывшемуся, – в который раз продавливала свою мысль Ольга.

– А он не мой уже, – спокойно опротестовала Ира, зачерпывая ложкой мороженое. Лишние килограммы ушли в небытие и теперь она могла позволить себе не только брокколи, завёрнутую в листик салата.

– Ага. Но тенденция прослеживается, как бы это выразиться... к возвращению в твою собственность.

– Пф, – прыснула Ира. – Сказала тоже. Собственность на людей у нас уже отменили давно.

– Не придирайся к словам, – велела Ольга. – Есть такие парни, которым обязательно надо то, чего у них нет. Рядом с женой они страдают по любовнице, уйдут от жены – начинают скучать по «настоящей второй половине». Вот в данный момент он явно страдает по тебе и Ульяне. А когда подольше поживёт с вами, будет тосковать по первенцу и спокойной Даше.

– С чего ты взяла, что он с нами подольше поживёт?

– Это ты решаешь, – согласилась Оля. – Но у тебя вроде как всегда были представления об идеальной полной семье и всё такое. Ребёнок должен расти с отцом, отец должен быть с матерью и между всеми – любовь-морковь.

– Вот и слова ты говоришь правильные, а слушать обидно, – насупилась Ира. – Да и нет у меня больше тех идеалов.

После того, как я про маму с папой узнала

– Да, понимаю, извини, – кивнула подруга. – Тогда тебе проще будет его раскусить вовремя.

– Кажется, я уже догадываюсь, в чём дело, – ухмыльнулась Ирина, и поделилась своими соображениями. Вечером она собиралась их проверить.

***

Встретились они уже в восьмом часу. Ульяна практически засыпала на руках отца и выглядела обычным довольным ребёнком, который отлично провёл день. Ира пригласила Петю попить чаю. В ответ он достал из сумки бутылку вина и пакет с хорошей сырной нарезкой.

– Вот, это к чаю, – сказал он с обаятельной улыбкой. Прямо-таки нарочито обаятельной. Или Ирина уже надумывала на пустом месте?

Ульяна поужинала кашей и погрузилась в свой кукольный мир, взрослые (ой ли, такие уж взрослые?) собрали на стол, сели. Ирине было уже интересно, что дальше.

– У тебя как, есть сейчас кто-то? – экс-супруг говорил с нарочитой небрежностью. Она ему хорошо удавалась, этому способствовал весь его облик, такой brutальный, словно сам Тор из барбершопа прямиком к Ире на кухню пожаловал. Правда, у Тора вроде бы шевелюра не на подбородке была, но это не так важно.

– А почему ты спрашиваешь?

– Дураком я был, – вздохнул Петя. – Подозревал тебя

невесть в чѐм. Если бы ты сохла по бывшему, уже с ним бы была, я понимаю не дурак. Надеюсь, не дурак. И хотел бы вернуть всё, что было у нас хорошего, если бы мог. Если бы ты дала мне шанс.

– Что, второго ждёте? – ласковым голосом спросила Ира.

Петя от неожиданности хлюпнул вином. Отставил бокал. Принял оскорблённый вид.

– Я тебе душу изливаю, а ты язвишь, – сказал он.

– Так Дарья беременная, или нет? – не сдавалась Ирина. Вот умела она стервой быть всё же.

– Откуда знаешь-то? Добрые люди рассказали? – вздохнул Петя, поняв, что чѐрствая Ира романтизмом ситуации проникаться отказывается.

– Нет, просто в голову вдруг пришло, – рассмеялась Ирина. – Сложила два и два. Женская логика, она же на такое способна. Вспомнила, что ты начинаешь тяготиться отношениями, когда появляются малолетние орущие дети.

– Нет, ну ты прикинь, – Петя решил хоть выговориться, если уж втереться в доверие не получилось. – Только жизнь налаживается, как опять это всё по новой. Не говорю уже о том, что новые траты. Вот как я троих детей потяну, а? Дашка опять с работы уйдѐт. Снова не высыпаться.

– И ты решил в моѐм лице отдушину найти, что ли? – прищурилась Ира.

– Почему, решил? Мне захотелось с вами быть. С тобой. Хоть иногда, если ты позволишь. Попробовать всё начать с

чистого листа.

– Вот ты простой, а! – Ира даже не злилась. Она вдруг поняла, что Петя действительно не коварный предатель и изменник. Он это всё делает вообще без злого умысла, искренне, и не видя ничего плохого. Злодеи, они хотя бы совершают свои отвратительные деяния, прекрасно понимая, что это зло. А Петя – он считает, что всё в пределах морали, абсолютно. Человек должен быть там, где ему лучше. Куда душа тянется. Это для него хорошо и правильно. Между прочим, многие современные коучи этому учат, а у Пети прямо инсайт от природы. Теперь Ира примерно представляла, как он от неё переметнулся обратно к Даше. По такому вот сценарию как раз.

Интересно, он так и бегал бы между двумя женами, которые по очереди меняли бы статусы с бывшей на действующую, если бы они позволили?

– Для таких как ты, Петенька, человечество изобрело гаремы, – назидательно сказала Ира, а потом не выдержала, рассмеялась.

Петя сначала насупился, а потом допил содержимое бокала одним лихим глотком, и тоже захохотал.

– Вот ты быстро вдуплила, что к чему. Я думал, что не так очевидно всё про меня.

– Опыт, Петенька, опыт. Ты как совсем устанешь, приезжай к Уле, она тебе рада. Но в любовь давай не будем больше играть. У тебя семья растёт, детей всё больше становится.

Представляешь, если третьего подрастишь, а тут я – хопа и тоже с пузом? Чтоб счёт сравнять.

Петя засопел и налил им обоим ещё напитка.

– Ты уж совсем ужастики семейного мужика нарисовала, – сказал он. – Но ты зря думаешь, что всё дело только в усталости. Ты мне и правда дорога и вообще очень для меня привлекательна. Я тебя с детства люблю, если ты не забыла.

– Вот пусть я тебе буду дорога, как память о детстве! – Ира торжественно подняла бокал. – За хорошие отношения. И потом, ты меня не любишь, а хочешь.

– А это разве не одно и то же? – фыркнул он.

Как, как вообще они были вместе? Нет, почему в одной постели оказались, понятно, по Ириной дурости и невнятного самоощущения. Но дальше-то она уже и горем не упивалась, и ничем другим (одной совместной пьянки вполне хватило), а всё же и встречаться не возражала, и замуж вышла. Они ведь люди из двух миров, Ира, судя по всему, какого-то воздушного, как и Егор, а вот Петя – земного. Эх, если так дальше пойдёт, она и гороскопы читать начнёт, надо заканчивать с аллегориями.

Уходил Петя немного смущённый и разочарованный. Он, вероятно рисовал себе совсем другой план сегодняшнего вечера, даже машину где-то на стоянке оставил, чтоб за руль не садиться. Но пообещал заглянуть через недельку, погулять с дочкой.

– Ну, если там Стёпке не надо чего будет, – на всякий слу-

чай предупредил.

Всё-таки свою актуальную семью со счетов сбрасывать не следовало. Тем более, что с Ириной, похоже, ничего ему пока не светило. Если только она не передумает. Женщина всё-таки, ей мнение поменять, как за хлебушком сходить, так ведь, вроде? Да и с «прицепом» сильно-то не повыделываешься. Женихи в очередь не стоят, пусть она и красавица, и дух от неё как и прежде захватывает. Словом, надежды он не терял. Для него «нет» равнялось «зайдите попозже». А он и зайдёт, чего там. Дашка уже на четвёртом месяце беременности, дальше он знает, что будет. Адище, чего уж там. И с бедного Пети она много чего требовать будет. Например, перестать бывшей жене половину стоимости съёмной квартиры оплачивать, при живой-то официальной супруге... да, затащила она его в ЗАГС, не смог отбиться. Тогда, глядишь, Ира сговорчивей станет. Петя высморкался на газон и вызвал такси.

Ирина, надо сказать, после отбытия Петра прибавила к уже сложенным «два и два» ещё две единицы, и поняла, что в «кубышку» пора бы откладывать чуть больше. Не ровен час, Петя сообщит, что помимо алиментов ничем больше поучаствовать в жизни прежней семьи не может. Новая вон как расширяется. Правда, она и предположить не могла, что отец её дочки планирует использовать это обстоятельство как рычаг воздействия, чтобы пасть в ставшие вновь привлекательными объятия Иры. Но всему своё время, как говорится.

Пока она пересчитала свои скромные сбережения, и по-

думала, что ни к чему торопить события, копить продолжем и ждём развития ситуации. Да уж, огромный процент современных людей завязан на жилищном вопросе. Времена меняются, а он вечен, как Великие пирамиды Гизы. Да что там, он их переживёт. Ульяна уже спала, а Ирина допивала на кухне вино, полбокала осталось после их с Петей посиделок, вот как разгулялись. В который раз она мысленно перебирала составляющие своей жизни, как чётки (дались же ей они). Чего хотела от жизни, чего достигла.

Ходит на среднестатистическую работу, сидит в офисе. Ладно, не только чай гоняет (ещё у них там кофемашинка есть), в создании интересных кампаний участвует. По сути, они продают воздух. Ну, этот воздух хоть конкретной цели служит, люди между собой по нему связываются. А она, Ира, придумывает, как этого воздуха всучить побольше и подороже. Но чтобы все подумали, что это наоборот, самое выгодное предложение. И ещё её задача – выгодно подать свою компанию, даже если вдруг все абоненты лишились на два часа любого вида связи. Хорошо, она в SMM не работает сейчас, там как раз весь негатив собирается. Вроде бы, задача паблика – рассказать о новинках и всё такое, а на деле абоненты воспринимают этот ресурс как отдел работы с жалобами клиентов. Пока Ира работала только на «удалёнке», ей пришлось какое-то время помогать «вести» пару групп. То ещё «счастье». Когда вернулась в офис, эту нагрузку с неё сняли. И то хорошо. Морально было тяжело читать нерв-

ные, иногда очень злые комментарии, работать с ними. Ведь ни одна компания не функционирует идеально, у всех бывают проблемы. Технические сбои. Нет, Ира сочувствовала тем, кто пострадал от отсутствия связи, кто дал продавцу-консультанту «присесть на уши» и подписал договор на очень неудобный и грабительский тариф. Но успешная работа заключалась не в сочувствии. Клиентоориентированный подход – модная нынче фишка. Но если на сто процентов ему следовать, получишь в итоге эмоциональное выгорание, нервный срыв и чувство вины. Потому что клиенту всегда мало, это раз. И довольные обслуживанием и качеством услуг люди обратную связь дают крайне редко, да и вообще стремятся инициировать какой-то контакт. Это два.

Ладно, в её работе хорошо уже то, что она есть. Наверное, скоро опять придётся в качестве подработки взять на себя соцсети. Иначе можно не выплыть. Но теперь хотя бы она антидепрессантами подлечилась, выдержит. А так, если посмотреть... есть ли у неё что-то своё, кроме дочери? Работа – чтоб была. Жильё – временное место пребывания. Семья – она и Ульяна. Ни мужа, ни любовника. Дальше Пензы сто лет не выезжала никуда. Хоть книжки хорошие читать начать, что ли. А то так и скиснешь в своём болоте.

Элемент оживления в их жизнь вошёл спустя буквально несколько дней. Уля принесла из детского сада ветрянку. Нет, болела она и до этого, разве можно себе всерьёз представить малыша, только вошедшего в детский коллектив, и

не схватывающего вместе с новыми привычками ещё и свеженькие неопробованные инфекции? Примерно раз в месяц Ульяна принималась кашлять и соплывать. Люди знающие говорили Ире, что это очень удачный вариант, бывает, ребёнок два дня ходит в учреждение, а потом две недели болеет. А в их случае почти без справок и больничных обошлось. Только не на этот раз. Пару дней до болезни девочка хныкала, жаловалась на усталость, и наконец среди ночи проснулась с высокой температурой, свергнув Ирину в панику. Больной ребёнок – это всегда неожиданность. К утру малышка покрылась характерными пятнышками, которые Ира без труда опознала. Начальник Геннадий новости не обрадовался, но после того, как Ира пообещала работать из дома в полном объёме, смягчился. Удобно у неё всё сложилось, чего уж там. Она сидела у кровати, гладила светлые волосы дочери, щупала лоб каждые пять минут. Как самая обычная и очень порядочная мамаша. Девочка завозилась во сне и пробормотала вполне отчётливо:

– Егор, сынок, принеси мне аспирин. Горю я.

Ира вздохнула. Нет, до нормальной семьи им всё же далеко.

4.

– И мы должны понимать, какая сейчас на нашем рынке жёсткая конкуренция. Отсюда, так сказать, и плясать.

Марта дремала на «летучке» под успокаивающий голос Вельзевула. Обещанный проект она пока так и не получила,

но вести себя хорошо старалась. В том числе посещать планёрки телевизионщиков. Зима уже благополучно закончилась, пришла бодрая и весёлая весна, со времени того самого эфира с участием профессора прошло больше трёх месяцев, но та история не забылась. Напротив, она стала редакционным мемом и разошлась на цитаты. Марта, кстати, схлопотала всё же за него официальное предупреждение. Ответственная за порядок на площадке была она, как ни крути. Хотя не только ей, но и Вельзевулу трудно было внятно сформулировать, как именно в той ситуации можно было соблюсти этот самый порядок.

– Надо было более вдумчиво готовиться, и проговорить перед эфиром ключевые моменты, – изрёк Самуил Александрович, чтобы вычленил хоть какую-то мораль.

Машу Сергиенко Марте пришлось подменять три недели, а когда та вернулась на своё шеф-редакторское место, наша героиня так и осталась наполовину «в ящике». Хотя физически её рабочий стол располагался в редакции журнала. Вот и сейчас, получив редакционное задание – снять сюжет для тематического эфира, Марта отправилась в журнальную резиденцию, где на неё опять будет косо поглядывать Марат. Ему теперь приходилось выполнять свою работу самому. Полностью. Марта же вела собственную колонку и заполняла три разворота статьями. Сотрудников было немного: Марат, который виртуозно исполнял партию главного и выпускающего редактора, сам писал статьи и был посредни-

ком между журналом и отделом рекламы и маркетинга, дизайнер, верстальщица и два журналиста – Марта и Вера. Вера, причём, никак не пересекалась с телевизионщиками. Она была хорошая, старательная, но только в прошлом году выпустилась с филфака, опыта работы у неё было маловато. Зато в эзотерике очень хорошо соображала. Для девушки 22-х лет.

По небольшому холлу, служившему «предбанником» к кабинету шефа, разносились звуки укулеле. Это их администратор, Кристина, купила на днях экзотическую балалайку и развлекалась гаммами. Разучивала простенькую поздравительную мелодию ко дню рождения подруги. Удивительный у них коллектив, что ни говори. Марта попробовала подпеть, но то ли она не попадала в ноты, то ли Кристина аранжировка была слишком далека от оригинала. Марта хмыкнула и пошла к себе.

На рабочем месте Марту ожидал сюрприз, а точнее, женщина лет тридцати.

– Я вам написала на редакционную почту, помните? – неуверенно сказала она. – Вы ещё сказали, что поможет разобраться с происходящим, и предложили приехать.

– Точно! Вы же мне писали о реинкарнации, да? – обрадовалась Марта. – О том, что ваш ребенок рассказывает истории, которые с ним произошли когда-то давно.

– Да, это я, – кивнула женщина. – Мне неловко, но я не знаю, куда обратиться. А у вас всё-таки знакомые в этой сфе-

ре везде.

– Не волнуйтесь, давайте, пообщаемся, – успокаивающе предложила Марта. – Может, чаю, кофе? У нас тут есть небольшая зона для бесед, со столиком, креслами. Там мне всё и расскажете.

У неё прямо ноздри раздулись, почуяла запах мистики и интересной работы. Ну, и кофе с печеньками для гостей редакции.

Посетительницу звали Нина и у неё был пятилетний сын по имени Матвей. Когда ему исполнилось четыре года, он начал спрашивать про «свой старый дом». Проблема была в том, что никакого старого дома не было, семья ни разу не переезжала. А Матвей в подробностях рассказывал, какой это был дом. Чуть позже в истории появился ещё один объект – здание, где Матвей, ну или тот, кем он был раньше, работал.

– Матюша его даже рисует. Говорит, это интересное место, называется «Дом наук».

– И вы мне это рассказываете же не потому, что в журнал попасть хотите, да? – уточнила Марта.

– Да, – кивнула гостя. – Конечно, вы можете об этом написать, только имена лучше не называть. Но интервью я подробное дам, если надо. Может, есть какие-то специалисты, которые помогут нам найти это здание. И если это всё существует на самом деле, тогда будет понятно, что есть вещи, которые за гранью наших представлений. А то ведь я не знаю, что думать.

По щеке Нины потекла слеза.

– Я уже собиралась специалистам каким его показывать. Так вдруг в психушку положат? У моей знакомой вон сынок, Яша, сюжет из мультика врачу пересказал, его чуть не упекли в дурдом с галлюцинациями... а вдруг удастся правда отыскать все эти дома, о которых Матюша рассказывает.

– Мир тесен, – сказала Марта, даже не подозревая, насколько он может оказаться тесным в действительности. – Может, кто-то узнает этот Дом наук по рисункам вашего сына. Давайте, я к вам приеду, вы подробно всё расскажете, дадите мне картинки эти. Если удастся с Матвеем поговорить, тоже здорово. А я пока со специалистами свяжусь, узнаю, кто в состоянии помочь. Если кого-нибудь найду, сразу о встрече договорюсь.

Проводив посетительницу до двери, на обратном пути Марта встретила Самуила Александровича.

– Ну, что сияешь как седьмая чакра у йогина? – с подозрением спросил начальник. – Никак, опять новый проект из меня трясти будешь?

– Нет, нашёлся мальчик, который свои прошлые жизни помнит. Статью писать буду.

– Дело хорошее, – покивал Самуил. – Глядишь, и на телевизионный репортаж их раскрутишь. Гостями в студию, ладно, не настаиваю. Если ребёнок там, мороки много может быть... хотя... уговаривай и на студию.

– Попробую, – кивнула Марта. Она вдохновилась встре-

чей с настоящим инфоповодом, и готова была что угодно пообещать.

Через два дня она была уже у Нины с Матвеем, да не одна, вместе с интересной личностью по имени Тара. Нет, при рождении её вряд ли так звали, но сейчас духовным именем девушки стало именно это. Она даже паспорт поменяла. Тара имела вполне понятную специальность клинического психолога, но при этом ещё проводила сеансы регрессивной терапии. Это такое изучение вместе с пациентом опыта его прошлых жизней. Человек погружается в свои предыдущие воплощения и эти сеансы помогают вытащить на поверхность давно затонувшую информацию, а потом использовать в её нынешней жизни. Как регрессолог, Тара не «раскручивалась», и клиентов не искала, это было чем-то вроде профессионального хобби, поэтому найти в интернете эту услугу в её исполнении было нельзя, только по знакомству.

– Понимаешь, Марта, – рассказывала она, когда они общались перед тем, как заявиться к обеспокоенной матери. Девушки созвонились, назначили встречу в кафе и почти непринуждённо болтали за напитками и десертами.

– Мы на нашей терапии имеем дело с реинкарнациями, с погружениями в прошлое не просто из любопытства. Регрессивный гипноз – это тебе не видео из личного архива посмотреть. Мы такие травмы порой поднимаем, мама не горюй! Человек часто тянет за собой массивный груз кармического мусора, о котором сам не подозревает. И повторя-

ет с завидным упорством, из жизни в жизнь, одно и то же. И результат, соответственно, из жизни в жизнь одинаковый. Никакие уроки не извлекаются. Пути вперёд нет, развитие души не происходит. А мы вместе с пациентом расплетаем эту косичку, идём к истокам, выясняем причины. Старинные проклятия, непрощённые долги. Смерти от несчастного случая, которые приносят панику в новую жизнь, с самого начала.

– Получается, регрессивная терапия что-то вроде готовых домашних заданий, – сумничала Марта.

– Почему?

– Ну, вроде как мы проходим кармические уроки, избавляемся от долгов прошлых жизней. Слепую, потому что ничего не помним. А тут – раз и наглядные ответы. Почему, если это знание помогает благополучно устроиться в новом воплощении, у нас его нет изначально? Если бы это было условием задачи, то мы бы сразу знали, какие нам нужно прорабатывать проблемы в текущей жизни. Может, это запрещённая информация? А вы – кто-то вроде хакеров, взламываете код, вторгаетесь, куда нельзя.

Удивительно, но Тара этот монолог выдержала, не вмешалась и даже морковным пирожным в Марту не кинула.

– Ну, во-первых, воспоминания о прошлых жизнях у нас есть. Да, они где-то в подсознании, но извлечь их можно. Если бы это была такая страшная неприкасаемая тайна, уверяю тебя, у человечества просто не было бы возможности до неё

добраться. А так – это вопрос выбора, духовного развития и использования методик. Это как если бы ты мне сейчас заявила, что раз мы от рождения не умеем читать, то не стоит и учиться. Во-вторых, кто сказал, что мы ничего не помним? Дети-то помнят!

– Но не все же. Скорее, это исключение.

– Нет, – помотала головой Тара. – Так или иначе, помнят все. Но не каждый ребенок это способен сформулировать. У одних память о прошлых жизнях активна ещё до того, как сформировалась связная речь. У других речь развилась рано, однако им никто не верит. Детские фантазии, помнишь?

Марта кивнула.

– Дети вообще считаются эталоном фантазёров. А если подумать, откуда у них столько информации, чтобы придумать то, о чём они и понятия не имеют? Воображение не может творить «из ничего». Оно перерабатывает элементы реальности, опыта, и создаёт что-то новое. Но основа быть должна. Зачастую детки рассказывают что-то, о чём точно знать не могут.

– Но сейчас же им планшеты чуть ли не с пеленок в руки дают. А там такой поток информации! – опять встряла Марта.

– И это тоже. Но если проанализировать детские рассказы, отсортировать их, можно вычленил потрясающие истории. Тем более, что планшеты у нас относительно недавно появились, а примеры необычных фантазий были и раньше.

Тара Марте очень понравилась. Было видно – она действительно верит в то, о чём говорит. Её убеждённостью легко можно было заразиться. Марта вновь дышала полной грудью.

– С детьми до 12 лет я сеансы регрессивного гипноза не провожу. У них обычно нет взрослых проблем, таких как самоопределение, затяжная клиническая депрессия и прочее. Хотя груз прошлых жизней может проявляться в виде фобий, тиков, болезней. Но если малыш сам помнит о том, кем он был, вводить его в гипнотический транс нужды нет. Достаточно немного расслабить. Ну, и родители боятся, когда у деточек в мозгах ковыряются, сама понимаешь. А посмотреть вашего Матвейчика я могу, мне самой интересно...

Матвей оказался живым круглолицым парнишкой пяти лет от роду, с умными глазами и обезоруживающей улыбкой. Ожидая гостей, он рисовал, точнее, чертил. С использованием транспортира, циркуля и линейки. Марта рассчитывала увидеть, в основном, детские каляки-маляки, по которым весьма условно можно будет опознать объект недвижимости. А тут практически чертёж.

Матвей легко пошёл на контакт с двумя незнакомыми ему женщинами.

– Я жил в пятиэтажном доме, у нас двор был интересный. Треугольный, – охотно рассказывал мальчик, зачем-то раскрашивая свою схему акварелью. – Все жильцы называли его «бермудский треугольник». Один дом стоял прямо, а два

остальных так, чтобы углы были.

– А в каком городе это было? – поинтересовалась Марта.

Мальчик наморщил лоб, будто пытался вспомнить. И не смог.

– Не знаю, – честно признался он. – Я хорошо помню дом, квартиру, какие вещи там были.

– А у тебя братья, сёстры, в этом доме есть? – спросила Тара.

– Нет, – Матвей почему-то засмеялся. – Я же в зеркале был взрослый дяденька. И высокий, чтобы шнурок завязать, очень наклонялся. А ботинки такие большие, больше чем у папы моего. Правда, папа ушёл.

Тут Матвей погрустнел. Видно было, что его маме слышать это неприятно. Её муж оставил семью три месяца назад, когда решил, что сын у него ненормальный, конечно не в его родню, как иначе. Одна из неочевидных целей Нины была – доказать, что Матвей не шизофреник и у него не большая фантазия, просто не всё об этой жизни мы знаем. И тогда отец его вернётся. Зачем ей был нужен спутник жизни, способный предать своего сына и любимую женщину, не очень понятно. Но чужая душа – потёмки.

– Со мной братья и сёстры не жили, но у меня была жена и дочка. Кажется, дочка Клара.

– Вот что, Матвей, ты был на сеансе у психолога? – сказала Тара.

– Да, был, – кивнул мальчик.

– Тогда тебе будет не страшно. Мы с тобой тоже сейчас проведем сеанс, ты расслабишься, откинешь все мешающие мысли. И я тебе помогу вспомнить больше, договорились? Только тебе нужно не тревожиться и не напрягаться.

– Я понял, -уверил её Матвей.

Видно было, он хочет понравиться Таре. Выглядела она очень привлекательно, а мальчик, хоть и в пять лет – будущий мужчина.

– Мне было бы удобно с Матвеем остаться один на один, – сказала Тара. – Я понимаю, Марта, что тебе надо знать, о чем мы говорим. Но, может, диктофона хватит? Или мы даже можем телефон поставить на режим видеозаписи, если Нина и Матвей не против.

– Я не против, – уверила Нина. – Вы же, если будете использовать запись, лицо Мате замажете?

– Я телефон так поставлю, что он со спины будет, – успокоила её Марта.

Всё отлично складывалось. Тару с мальчиком закрыли в комнате, Марта установила смартфон на специальный штативчик, который всегда с собой носила, и они с Ниной пошли на кухню пить чай. Во время этого чаепития беседовали, конечно, о Матвее, о его рассказах, о том, как это, когда у тебя есть ребёнок с «двойной памятью».

– Началось всё с того, что он проснулся утром и начал искать вещь, которой у него никогда не было. Подзорную трубу. Как он смог описать, труба эта старая, в кожаном футля-

ре, у футляра порван ремешок. Когда я ему сказала, что нет у него такого, наверное, с чем-то путает, может из мультфильма, или приснилось ему что-то, он заплакал. Потом несколько дней ничего такого не было. И после – опять. Удивился, где ещё две комнаты, представляете? Тут уже муж начал возмущаться, мол, это я его подучила, чтобы напрямую не говорить, что мы в тесноте живём.

Нина горько вздохнула.

– А я не учила его ничему такому. Да и очень глупо было бы ребенка подговаривать спросить у папы, куда делись две комнаты в квартире. Дальше – больше. Появлялись новые рассказы, новые подробности. И я видела, что Матвей расстраивается, когда я ему не верю. Знаете, сначала я думала, он придумывает. Потом – что он болен. Но однажды просто посмотрела в его глаза, и почувствовала, что должна ему поверить. Ведь никто больше не верит. И если мы выясним про этот дом, про это научное учреждение, о котором он рассказывает, то ему станет спокойнее. Он примет факт, что это всё было, но прошло и ему надо идти дальше, жить тем, что есть.

– А если вдруг найдется эта семья? Жена и дочка Клара? – спросила Марта. – Вы бы разрешили ему с ними встретиться?

– Не знаю, – пожала плечами Нина. – Возможно. Смотря, какие они люди. Конечно, попросила бы заранее сама о встрече с ними. Но представляете себе эту женщину, у кото-

рой умер муж, а ей говорят, вот он, в теле маленького мальчика?

– Да, конечно, тут надо будет по обстоятельствам смотреть. Может и той семье нежелательно будет с Матвеем видеться.

Тара и Матвей общались за закрытыми дверьми чуть больше получаса. Когда вышли, Тара выглядела уставшей и какой-то просветлевшей, а Матвей задумчивым, но довольным. Ему впервые поверил кто-то, кроме мамы.

– Я камеру на твоём телефоне выключала и второй раз включала, чтобы сбоя не было, вдруг он такую длинную запись не захотел бы делать, – протянула Тара мобильник журналистке.

– Мы очень хорошо поговорили, – а это уже Нине. – Матвей многое мне рассказал, удалось детали вытащить. Даже не думайте, он не фантазирует, очень связный и последовательный рассказ. Он потом вам отчитается, как всё прошло.

Нина обняла сына. Между ними ощущалась большая и нежная любовь, и даже больше этого, беспрекословное доверие и понимание. Такой маме, действительно не страшно рассказать о самых диких воспоминаниях, которые даже тебе кажутся редким бредом.

– Я вам тоже могу запись скинуть потом, – пообещала Марта.

Договорились, что Марта проработает полученную информацию, постарается найти ей фактическое подтвержде-

ние, и они ещё обязательно увидятся.

– Но мне уже стало легче, – призналась Нина. – Я думала, эзотерики, они такие... своеобразные и оторванные от мира. А вы вполне адекватные. Чувствую себя спокойней.

«Спасибо, Вселенная! – послала Марта послание высшим силам про себя. – Вот для этого я и работаю. Есть смысл, есть!»

Расшифровывать видеозапись Марта решила дома. Поужинала разогретой магазинной пиццей, достала из холодильника полторалитровую бутылку с лимонадом, и принялась смотреть сеанс регрессивной терапии.

Вначале Тара и Матвей занимались дыхательной гимнастикой, расслабляющими техниками. Марта немного заскучала, но решила не перематывать. Затем началось само интервью.

– Когда ты был большой, как тебя звали? – спросила Тара.

– Амвросий, – моментально ответил мальчик.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать два.

– В каком городе живёшь?

– Ангарск. Я живу в очень старом доме. Его собираются ремонтировать. А может и снесут.

Дальше Тара и мальчик беседовали о городе, Тара спрашивала об улицах, о том, растут ли там деревья и задавала прочие непринуждённые вопросы. Затем разговор зашёл о Доме Наук. Ребенок указал название улицы, потом взял сде-

ланный им чертёж и принялся рассказывать о том, что расположено внутри здания.

– Вот тут я работал. В этой лаборатории. И тут погиб.

Марта остановила запись. Вытерла пот со лба. Это не кино, не художественный вымысел. Надо же, всё происходит с ней, здесь и сейчас! Она смотрит не запись какого-то шарлатана. Пятилетка рассказывает, как был главой семьи, работал в научном учреждении и погиб при исполнении. Уняв сердцебиение, которое мешало ей толком расслышать, о чём говорят Тара и Матвей, Марта возобновила просмотр.

– Почему ты погиб?

– Взрыв. Взрыв в моей лаборатории. Я не соблюдал технику безопасности. Тара, очень важно соблюдать правила. Расскажи это всем!

– Обязательно расскажу.

– Я вспомнил, мне нужно передать сообщение Агнии. Это моя жена. Я ушёл на работу, и не сказал ей код сейфа. Это очень важно. Нужно найти Агнию и сказать ей. Но я забыл номер её телефона.

– А как фамилия Агнии?

– Моя фамилия. Я – Чепраков. Она тоже Чепракова, и Клара, наша дочь.

– Матвей... ты же знаешь, что сейчас ты Матвей, да?

– Да, знаю.

– Скажи, какой был год, когда ты жил как Амвросий, и работал в Доме Наук?

– Шестьдесят третий, – без запинки ответил мальчик.

Что-то тут не сходилось. Амвросий, Агния и Клара. В наши дни такими именами никого не удивишь, да и то у детей или подростков. А в 60-е всё же сочетание всех трёх имён такого рода в одной семье казалось оригинальным. Или нет? Ведь была же Агния Львовна Барто, например. Но она вроде бы в начале XX века родилась. Марта решила лучше изучить вопрос, как называли детей в 30-60-е годы. И, конечно, связаться с Ангарском. Матвей сообщил названия улиц, номера домов, фамилию, которую носил когда-то. Есть, с чем работать. Да один план Дома Наук чего стоит. Марта налила себе ещё газировки и принялась рыскать по своим телефонным книгам и справочникам. Искать полезных людей, которые сведут её со знающими людьми из Ангарска, или хотя бы Иркутской области. Поехать в командировку ей тоже казалось привлекательной идеей. Но кто выделит на это бюджет? Чай, не «Тайны мира с Анной Чапман» снимаем. Билет в Сибирь как в Таиланд стоит. Придётся обойтись звонками или видеоконференциями.

Вбив в поисковик слово «Ангарск», Марта увидела фотографии небольшого, чистенького города. Запрос «Дом наук» в чистом виде ничего не дал, правда, встречались похожие названия, но судя по всему, это было совсем не то, о чём рассказывал Матвей. Ничего, загадки она любит. Главное, чтобы путь, по которому повёл ей рассказ необычного мальчика, не оказался ведущим в никуда.

***

Ульяне вновь снилось что-то странное. Становясь старше, она могла лучше понимать те образы, которые видела. Но не то, откуда они берутся и что означают. У неё было смутное знание какой-то иной жизни, но не было ясного представления о ней. Вроде бы она прошла. Или нет? Она смотрела на маму и понимала, что та тоже что-то знает, но ей, Ульяне, говорить не хочет. От Василины в садике Уля как-то услышала, что бывают дети, которые у мамы с папой не родились, а попали к ним из какого-то другого места, называется «детский дом». Конечно, остаётся вопросом, откуда они тогда завелись в этом «детском доме», если не родились. Может, и она так же у мамы оказалась? Поэтому помнит что-то другое, и мама так себя ведёт. А ещё и папа от неё ушёл, тоже не просто так. А недавно она вообще слышала, как они ругаются. Папа тогда Ульяну водил в зоопарк, а потом дома они думали, что Уля не слышит, мультики смотрит. А папа на кухне говорит маме:

– Да, я на что-то рассчитывал. Могла бы оценить мой вклад и доброе отношение, проявить взаимность.

– Ты понимаешь, что это шантаж, и очень некрасивый? – ответила мама тихо, но Уля расслышала.

Окончательно смысла сказанного она не понимала. Про шантаж как-то слышала в детективном сериале, который мама смотрела. Там преступник звонил красивой тёте и говорил, что покажет её мужу фотографии, если она не заплатит

ему денег. Интересно, какие мамины фото есть у папы, и кому он их может показать? Может, это как раз связано с тем, что Ульяна на самом деле не у них родилась? Сложно всё. Ведь иногда она будто вспоминала другую комнату, другую кровать. Как-то ночью она захотела спать, встала и пошла на кухню, и оказалось, что не в ту сторону. А ей так ясно помнилось, что кухня именно там. И мебель там должна быть другая.

А сегодня она видела во сне класс с балбесами. Они писали контрольную работу. Ульяна знала буквы, но пока не все, она их только изучала понемногу. Мама обещала, что научит Улю, когда ей пять лет исполнится. А в садике тоже только немножко про буквы им пока говорили. В своём сне она умела и читать, и даже писать. Красивым почерком на школьной доске. Когда проснулась, бросилась сразу к своим книжкам, открыла, думала, вдруг она уже научилась читать сама, без маминой помощи. На какие-то несколько минут действительно смогла быстро, бегло глазами прочесть несколько строчек. Будто бы слова стали говорящими. Она удивилась и обрадовалась. Но потом буквы вновь превратились в обычную россыпь, можно было выбирать из них знакомцев, а остальные молчали, как обычно, не складывались в слова и предложения. Книжка больше с ней не разговаривала. Но на это короткое время Ульяна почувствовала, что такое – уметь читать.

Ира видела, как дочь спросонок кинулась к книге, удиви-

лась, но ничего не сказала. С утра она обдумывала, как бы ей в это лето больше заработать. Возможно, стоит поговорить с мамой, чтобы она на пару месяцев Улю забрала к себе. А может, и вообще имеет смысл подумать о переезде.

Что её тут держит? Работа? Да, с ней повезло, перспективы есть. Жильё она и сама себе может оплачивать, но в остальном, что их с Ульяной здесь так уж может привлекать? Петя, возможно, будет вяло возражать, но после недавнего их разговора, вряд ли будет сильно сопротивляться переезду. До рождения его очередного наследника осталось меньше двух месяцев, похоже, у отца-героя началась предродовая депрессия, если такая бывает. Он уже отчаянно пытался найти у Иры нежность, понимание и, возможно, любовь или, впрочем, ему бы вполне хватило постели и всего, что там происходит. Когда она отказала решительно и однозначно, пошёл ва-банк, сказал, что не обязан помогать ей финансово сверх алиментов, и не будет. Тогда она обозвала его шантажистом. Петя вспылил и ушёл. Ну и хорошо, его попытки спрятаться у них каждый выходной уже начали напрягать. Теперь встреч будет меньше. Уля, наверное, расстроится. Но тем лучше, если они уедут, девочка не решит, что это с ней что-то не так и папа не хочет больше к ней так часто приезжать. Поймет, что дело просто в их отъезде.

Да, надо серьёзно об этом подумать. Возвращение блудной дочери, чёрт возьми! Только сначала найти себе в родном городе работу, чтобы было, куда приезжать.

***

– Порадовать мне тебя нечем, дорогуша, – сказал Сидор. Он по просьбе Марты две недели заседал на своих «нужных людей», которые смогли навести справки в Иркутской области. Сидор бухнул Марте на стол солидную стопку документов, среди которых были даже распечатки генплана застройки районов Ангарска за последние лет сорок. Карты, где подробно отражены все здания в районе, где по мнению Матвея, был дом Амвросия и Агнии Чепраковых, и ещё нескольких районов, где, предположительно, мог находиться Дом наук.

– Вроде парнишка тебе и адрес указал, и расписал, как там домики стоят. Только вот нету в тех местах домов с такими номерами, ну и вообще зданий, стоящих треугольником. И Дома наук не имеется. Нигде, во всём Ангарске. Может, город не тот?

– Может, – упавшим голосом согласилась Марта. – Сид, ты мне оставь эти документы, ладно? Я их всё равно изучу, вдруг что-то твои нужные люди не заметили, ладно?

– Конечно, – легко согласился Сидор. – Ах да, ещё вот диск можешь взять. Есть, где его посмотреть?

Марта кивнула.

– Тут, в общем, ещё какие-то документы, схемы, фотки города. Помнишь, ты одному перцу в Ангарске дозвонилась, Пахомову?

– Ага. Он тридцать лет в градостроительстве отработал,

интересный человек, архитектор по одному из образований. Я с ним час по межгороду проболтала неделю назад. Только не узнала ничего нового.

– Ну вот, он после вашего разговора у себя пошарил, и нашёл диск с какими-то проектами старыми. Может, ты там что-то похожее найдёшь, на фото или на чертежах.

– А как этот диск у тебя-то оказался? – удивилась Марта. Даже отчаиваться перестала.

– Да по случайности. Тимохин, ну с которым мы эти вот документы собирали, – Сидор потряс пачкой бумаг. – Он же в Москву прилетал на днях. И мне передал всё сразу.

– Спасибо, – поблагодарила Марта приятеля. Он был очень полезным кадром, не раз помогал ей навести справки, найти нужные связи. Поразительно, сколько у него знакомых, и насколько быстро он находит важные контакты. За свою помощь Сидор получал небольшое редакционное вознаграждение, и привлекала его к работе не только Марта. Но к ней он особенно благоволил. Говорил, на дочку его похожа. Марта умилялась, пока не увидела фото дочери, которая, как оказалось, родилась от страстного романа Сидора и студентки университета Дружбы Народов по имени Аджиамбо. Вместе с дочуркой Аджиамбо по окончании учёбы отбыла домой, в Кению. Нет, Марта очень хорошо относилась к представителям других рас, но мысль, что она напоминает поставщику информации его темнокожую малышку Чиаманку, казалась странной.

– Одно разочарование, опять разочарование, – сказала Марта сама себе, когда Сидор ушёл. Перед ней лежали бумаги и диск, но всё это было, скорее, на всякий случай. В целом же было понятно, что след ведёт в никуда. В который раз история, убедительно начинавшаяся, приводила к какому-то невнятному пшику.

Пронзительно запел дудук, эти звуки всегда щемили сердце и словно зазывали Марту в небеса. Поэтому она и поставила чарующую мелодию на звонок. На экране смартфона высветился незнакомый номер.

– Алло, это я, Женя, – пауза. – Жена Васи, оператора.

– Точно. Привет, Женя, – поздоровалась Марта. Васину супругу она видела на новогоднем корпоративе.

– Слушай, ты извини, конечно, что я вот так звоню. Но вы там тоже имейте совесть, а! У человека семья и всё такое, а он ночами на работе пропадает.

– На работе? Но...

– Говорит, вы там с ним спецзадание какое-то выполняете, чуть ли не в засаде сидите. Прекращайте это. Оператора второго наймите, что ли. Не дело это, когда Вася один отдувается. Он женатый человек, понятно? Же-на-тый! Вы, девочки, постыдились бы засады какие-то придумывать! Понятно?

– Понятно, Женя, – сказала Марта, изрядно покривив душой.

– Я ничего плохого думать не хочу, ну что ты специально его на ночь куда-то там уводишь. Но осторожнее там будь.

Я не дурочка.

– Да, конечно, не беспокойся, Женя.

Женя неохотно отключилась, она, видимо, не против была бы ещё рассказать о долге Васи, как семьянина и своей бдительности в деле охраны семейного очага.

Марта решительно отправилась к телевизионщикам. На двери их редакции висела табличка: «Телевизионные деятели искусств. Отдел из жизни привидений».

Помнится, когда поклонники канала подарили эту реликвию любимым журналистам, и Самуил увидел ее на двери, он горестно вздохнул: «Вот что подумают гости наших программ? Серьезные эзотерики, между прочим. Что мы тут с вами на советских мультиках контакты с параллельными мирами изучаем!» Через неделю на двери монтажной появилась гордая табличка: «Точка сборки». Для контраста.

Васю пришлось поискать. Он дрых в студии, прямо на диванчике для гостей.

Марта взяла киношную хлопушку, которая служила для красоты. Кино-то они тут не снимали. Хлопнула от души.

– Подъём! – заорала так, что, наверное, все студийные призраки перепугались.

Вася подскочил и захлопал глазами.

– А? Что? Эфир?

– Нет, блин. В засаду идём. Зелёных человечков выслеживать. Ты какого лешего меня подставляешь перед своей женой?

– Я? А чего я?

– Мне звонила она сейчас. Говорит, я с тебя не слезаю, по ночам в разведку с тобой хожу. Дозором!

– А, это, – Вася пригорюнился. Лицо его носило следы помятости. Явно ночевал он не дома. Да ещё и перегаром от него хорошо так пахивало. Слава создателю, на съёмки с ним не ехать. – Ну, с ребятами мы тусим. А Женька... не пускает она, понимаешь?

– Ты в своей семейной жизни сам разбирайся. Если мне твоя благоверная ещё раз позвонит, я бляеть не буду. Понятно?

Марта сама не заметила, что заговорила подобно Евгении.

– Прикрывать тебя больше не стану. На первый раз промолчала.

– Спасибо, Марь.

Нет, ну что за день. Час от часу не легче. Марта созвонилась с Тарой, вечером они встретились в парке. Они неторопливо прогуливались по весенним дорожкам. Деревья уже оделись в листву, в воздухе витал запах надежды. Она слышалась в пении птиц, в шелесте веток, ощущалась кожей. Почему именно надежды? Для Марты всегда весеннее пробуждение природы было связано с нею. Мир открывает глаза после зимней спячки и надеется, что всё плохое осталось в прошлом, замёрзло, а потом растаяло. А потом из-под толщи сугробов проявляется не что-то волшебное, а прошлогодние залежи собачьего дерьма, рядом наваливается свежее, и на-

дежда смущённо уползает в свою норку. Марта хорошо понимала любителей и защитников собак, но никак не могла спокойно примириться с плодами этой любви. Так, не туда у неё мысли завернули. Речь шла о весне, ну какие ещё собаки?

– Почему так получается? – спрашивала Марта вроде как у Тары, но на самом деле, у себя самой. Или у Вселенной. – Ведь история звучала так правдоподобно. Но на деле – нет таких домов, таких людей. Амвросий, Агния и Клара Чепраковы в 1963-м и ранее не жили в Ангарске. Были другие Чепраковы, но по описанию не подходят, да и слишком далеко от нужного места.

– Я не верю, что история Матвея – вымысел, – сказала Тара. – Мои опыт и интуиция кричат, что он не обманывал, и не мог сильно ошибаться. Ему просто не откуда такое взять было. Должно быть объяснение, Марта.

– Я посмотрю документы, которые мне дали. Попробую ещё позвонить кому-нибудь в Ангарске. Поищу города с созвучным названием. Вдруг он вспомнил не так.

Тара кивнула.

– Если будет нужно, я тебе помогу. И можем ещё раз с Ниной и Матей встретиться.

– Я бы хотела с ними увидеться, когда смогу что-то обнадеживающее сказать, – призналась Марта. – Очень уж мне Нину жаль, прямо сердце сжимается.

Она переживала уже даже не за статью. Ей важно было рассказать эту историю себе, Нине и Матвею. И поэтому Марта по вечерам после работы зарывалась в бумаги, делала пометки. Но пока ничего полезного не находила. Рано-рано утром, с учётом разницы в пять часов, она звонила в Ангарск, пытаясь хоть как-то подтянуть реальность под свой запрос.

– Нет у нас никакого Дома наук, барышня, – с разочарованием говорил очередной собеседник. Чувствовалось, что ему хотелось помочь и где-нибудь разыскать нужное здание, но увы. – В том районе, какой вы запросили, у нас вообще лесной массив расположен. И в шестидесятые годы там точно так же и было. Что прошлого века, что позапрошлого.

«Точно, – вдруг подумалось Марте. – Я рассматриваю шестидесятые годы XX века. А что, если Амвросий и Агния с Кларой жили в XIX-м?»

В 1863 году расследовать оказалось нечего. Собственно, сам город был основан после Великой отечественной войны. А значит, живи Амвросий в каком угодно веке до XX-го, он само слово «Ангарск» и не знал бы. Ну и ко всему прочему, телефонов тогда в обиходе точно не было, а Матвей говорил, что забыл номер Агнии. Опять тупик. Марта взялась за диск, просмотрела названия папок. Фотографии и видео города, природа, легендарная река Ангара. Документация, даже план застройки районов есть. Вот куча документов – проекты благоустройства, предложения от строительных компа-

ний, идеи архитекторов. Если писать подробную статью о самом этом уголке Сибири, много интересного материала, даже мечты и чаяния градостроителей.

Фотоснимками и видео зарисовками природы Марта загляделась. Очень красиво. Если бы репортаж, что называется, выгорел, был бы прекрасный видеоряд. Насчет авторских прав только уточнить надо.

5.

Каждый день приносил всё больше воспоминаний. Всё больше осознания себя в этом мире, а мира в себе. Сны говорили с ней языком образов, показывали новые картинки. Так получалось, что в этих грёзах она была одним человеком, им же и просыпалась. Но когда дымка сновидений рассеивалась, тут же превращалась в кого-то другого. Или наоборот, становилась сама собой, а во сне была кем-то другим? Её эта головоломка не заботила, она даже не видела в этом никакой головоломки, воспринимая происходящее совершенно естественно. Тем более, когда снам удавалось задержаться на поверхности сознания настолько, чтобы она сумела запомнить, что видит их, это было интересно. Это было поучительно. Тоже, кстати, словечко оттуда. Когда она во сне подходила к зеркалу, то видела строгую женщину средних лет, похожую на школьную учительницу. А потом и все события видела глазами этой женщины, и думала её мыслями. И это было так увлекательно! Столько новых слов, лиц, мыслей. Просыпаясь, она уже всё дольше умела читать. Удерживала усилием

воли это умение, пока оно всё же не рассеивалось. А как-то вдруг взяла и не разучилась. Даже сама это не сразу поняла, вскочила с кровати, почитала страничку книжки, её позвала мама. Ульяна побежала к ней и забыла проверить, понимает ли она ещё странички, или нет. А в садике оказалось – понимает! Умение не прошло! Вот как полезно видеть сны. Многие ребята в группе говорят, что им ничего не снится. Или что они не помнят, что происходило с ними в прошлом году. «Мы же тогда были малыши». Если честно, Ульяна прошлый год тоже не помнила, она даже не вполне понимала, что это такое – прошлый год. Наверное, то, что было до ёлки с Дедом Морозом? Или до дня рождения, когда ей исполнилось четыре? Хотя, и это такая давность! Зато она помнила что-то из того, что было «раньше». Совсем-совсем раньше.

У Иры раскалывалась голова. Наверное, гроза будет. На улице уже шёл полноформатный весенний дождик, с барабанной дробью по карнизам, с тысячами лужиц, которые стремились слиться в одно большое море. Между небом и мокрым асфальтом поспешно встраивался новый слой, из зонтиков разного цвета. Правда, основная гамма была серо-чёрной, но были отдельные вкрапления оранжевого, лимонного и различных оттенков типа «вырви глаз». Ирина наблюдала за мешаниной из воды, зонтиков и людей из окна своего офиса. Нужно было идти за Ульяной. У той хоть резиновые сапоги в кабинке стоят. А вот ей как быть в своих ту-

фельках на высоком каблуке? Хорошо, зонтик хотя бы есть. Но в сегодняшних реалиях, в нём нужно плыть, как в лодочке, чтобы он себя полностью оправдал. Ирина представила себя, сидящей в раскрытом зонте. Как она, сложенная прямым углом, плывёт по бурному водоёму, в который таки объединились лужи и лужицы мегаполиса. И течение несёт её прямо к детскому саду дочери. Несмотря на головную боль, Ира не выдержала, прыснула в кулак. Побросала в сумку мелочи, попрощалась с коллегами и пошла к выходу. На сегодня задачи, которые она себе с утра поставила, были сделаны. Если бы в виски не забивались гвозди, она бы сейчас шла, довольная собой и ощущала лёгкость. Ну что ж, уродилась такая метеозависимая, терпи теперь. Маршрутку пришлось ждать долго. Транспорт всегда оказывается не готов к погодным катаклизмам. В итоге, Ульяну она забрала одной из последних. Девочка с укором посмотрела на неё своими огромными голубыми глазами. Ира привычно почувствовала смесь вины и раздражения. Взяла дочку за руку, извинилась перед воспитателем.

– Ничего страшного, я понимаю, погода-то сегодня огого, разверзлись хляби небесные, – сказала педагог.

И на том спасибо, если бы ещё и Софья Сергеевна её припечатала своим презрением, было бы уже неважноту. Выйдя на улицу, Уля восхищённо уставилась на ручьи и микро-водопады.

– Ух ты! И похлопать по лужам можно?

– Можно, – разрешила Ира. – Не увлекайся только слишком, чтобы потом уже носом не хлюпать.

Но девочка не слышала, радостно вступая в контакт с местным океаном. Спрашивается, что в голове происходит у этих детей? Только что она самозабвенно скакала по воде, щедро разбрызгивая её кругом, и вот уже подошла к Ире, с озадаченной мордашкой.

– Мам, а я тебе родная дочка?

Ира буквально чуть сама в лужу не села.

– Ульяш, ты чего это? – спросила беспомощно.

– Ну, я как будто чужая иногда. И ещё помню, как другое было. Давно. Будто не здесь. Я подумала, раз где-то ещё было, значит я там жила. А вы меня взяли.

Ирина растерянно опустилась перед Ульяной на колени, почти упала в воду.

– Уля, я тебя сама родила, честно-честно. И нисколько не жалею об этом.

Хм. Про «не жалею» – это она зачем сказала? Ульяна её вообще о другом же спросила! Но сказанного не проглотишь. Беседу о родстве они завершили и пошли домой. Нет, не закончится эта история сама, сколько Ира глаза на неё не закрывай. Она это уже отчётливо понимала. Что будет дальше? Когда дочка начнёт к ней относиться с той же дистиллированной, концентрированной ненавистью? Чего ждать от ребёнка? И главное, помощи просить не у кого, разобраться не поможет никто. С психологом они уже занятия закончили.

И по деньгам накладно, да и все разумные объяснения с той стороны иссякли, продолжать развивать тему чревато. Мало ли, уверится человек, что Ирина совершенно невменяема, и разбирайся с опекой потом. Вечером, когда Ульяна уснула, Ира засела за свой ноутбук. И на этот раз не сериальчиками утешалась, а набрала в поисковике то, о чём все эти годы думать избегала. «Мой ребенок помнит свою прошлую жизнь».

– Да, поле для изучения офигительное, – сказала она растерянно вслух, увидев количество найденных результатов. Так родился ещё один исследователь мистических историй. Правда, узконаправленный. Почему она только сейчас начала читать хоть что-то по теме? Неужели ей раньше было не интересно? Ответ на этот вопрос прост: Ирина всеми силами пыталась оттолкнуть от себя неприятную, пугающую информацию. Она и сейчас-то села за компьютер с одной надеждой: увидеть, что её ситуация ничего общего со всей этой мистикой не имеет и вообще «у моей дочки так было, само прошло, врачи говорят, это нормально». Но, к сожалению для Иры, таких откликов она не нашла. Зато кучу форумов и историй, которыми делились родители, родственники и сами «участники событий», даже искать не пришлось. В основном, цитировались иностранные источники, воспоминания о прошлых жизнях чаще всего случались у всяких Джимов, Мэри и Кэролайн. Но были и соотечественники, правда, их описания встречались всё больше лаконичные, умещались в нескольких предложениях. Ещё было непонятно, как отли-

читать реальные истории (если они были) от «городских легенд». На сколько нужно делить все эти описания, чтобы получить истину? Вопросов опять было больше, чем возможных ответов.

Чтение Ира закончила, изучив историю, которая особенно неприятно у неё отозвалась. О том, как женщина родила долгожданного ребёнка, а спустя четыре года начался настоящий кошмар. Дитяtko ругало маму нецензурными словами, кусало и щипало. Когда сын попытался столкнуть её с лестницы, женщина начала бить тревогу. На сеансе гипноза (дело было на Западе, куда ж там без терапии) мальчик вспомнил, что в прошлой жизни был дядюшкой своей мамы. И этого дядюшку она до сих пор без содрогания не могла вспомнить. Ужасный был человек, бывший военный, донимал всех, особенно не любил племянницу, шпынял её и оскорблял. Девочку мать растила одна, отец давно умер, иногда её отправляли как раз в семью дяди на недельку, выхода другого не было, что-то там с работой связано. Тогда дядя и отрывался по полной, обращался с родственницей, как с Золушкой, причем в младшем воинском звании. Муштровал её и сурово наказывал за непослушание. Девочка (её звали Изабель) много раз просила маму не отправлять её к невыносимому братцу, но та всерьёз к жалобам дочери не относилась. Мол, характер сложный у дяди Вилли, но он такой вот человек, по-командирски требовательный. И сильная рука для её правильного воспитания просто необходима. Изабель делилась

переживаниями с подружками и одноклассницами, те её и надоумили, как справиться с ненавистным диктатором. Когда девочке было 11, она пожаловалась на сексуальные домогательства, которых как раз и не было. Дядя был мерзавцем, но не извращенцем. Обвинение было серьёзным, подружки, которые вступили с Изабель в сговор, её истории подтвердили, одна даже сказала, что дядя Вилли на неё «странно поглядывал, облизывался и потирал руки». Полиции Изабель, помимо рассказов предъявила синяки, которые действительно часто получала бонусом к дядиному «воспитанию». Жену и детей Вилли потом преследовали, в доме разбивали окна, писали на стенах гадости и ругательства, подкладывали на крыльцо кучи нечистот. Дело зашло далеко, но суда не было. «Педофила» ещё до этого очень жестоко убили в тюрьме другие заключённые. Изабель ужаснулась от содеянного, но сделать уже ничего не могла и молчала. Её мама порвала все контакты с семьёй брата, да и той пришлось переехать куда подальше. И вот, через 20 с лишним лет оклеветанный Уильям родился у своей племянницы в виде мальчика Джоржи, и принялся ей мстить. Сюжет для хоррора, да и только. С участниками истории потом долго работали психологи, реабилитологи и эзотерики, чем дело кончилось, из статьи было не очень понятно, но все остались живы и даже примирились с реальностью.

Нет, Ира не считала Анну Викторовну чудовищем с садистскими наклонностями, способным сломать её личность,

но что-то похожее в этом повествовании всё же увидела.

– Хватит себя пугать! – снова заговорила сама с собой Ирина, устыдилась, закрыла компьютер и пошла спать. Обратила внимание, что Ульяна беспокойно ворочалась в кровати. Вот что она сейчас видит? Против своей воли Ира представила, как дочь толкает её под колёса автомобиля. Вздрогнула, потёрла глаза ладошками, отгоняя видение и залезла под одеяло. Ну её, эту мистику.

***

Всё встало на свои места. Она проснулась, чистила зубы, глядела в зеркало с остатками сна. И вдруг поняла, кто она. Но не поняла, где. Сейчас она живёт чью-то чужую жизнь, а должна быть совсем в другом месте, дома. Почему она не дома?

– Ульяна! – послышался знакомый голос, и только что полученная ясность поблекла, но не рассеялась. Две реальности просто наложились друг на друга. «Тут я, и там – тоже я».

Девочка прошла на кухню, на завтрак были оладушки со сгущёнкой. «Надо же, научилась по утрам о близких заботиться!» – проскочила вдруг в голове чёткая, взрослая мысль. Ульяна посмотрела на календарь. 25 июня. «Мой день рождения. Сколько же мне лет исполнилось?» Моргнула, и другая жизнь ещё немного поблекла. Может, пореже моргать?

Было воскресенье, маме не нужно на работу, Ульяне – в

садик. Они пошли гулять в парк, вдвоём. Папа к ним давно уже не приходил, только позвонил как-то раз и сказал, что у неё родилась сестрёнка по имени Варя. Интересно, Варя тоже кем-то раньше была? Когда научится говорить, надо будет у неё спросить. «Она и этого удержать не смогла» – снова пришла в голову мысль. Нет, это не было чужим голосом в сознании, это её собственные мысли, но какие-то другие, не обычные. Будто снова баба Яга из соседней воспоминательной комнаты с ней говорит.

Мама учила её кататься на роликах, и сама тоже надела ролики. Было весело и немного страшновато, потому что они обе не умели держаться на этих колёсиках. Но старались.

– Девушки, вам помочь? – предлагали симпатичные спортивные дяденьки. Какие дяденьки? Парни, молодые мужчины. Надо всё называть своими именами.

Ира наблюдала за Ульяной. Какая-то она задумчивая сегодня. Там, где раньше хохотала бы в полный голос, сегодня только улыбается. Даже когда Ира чуть в клумбу не въехала. Не специально, просто только на это её мастерства катания на роликовых коньках хватило. Детей такие нелепости часто смешат, а тут девочка сделала ей замечание, чуть ли не выговор:

– Мама, будь осторожнее, пожалуйста. Какой ты мне пример показываешь?

Пример? Это вообще что-то новенькое. Будто перед ней

не девочка четырёх с небольшим лет, а строгая взрослая преподавательница. Преподавательница? Ой, не дай, Боже!

Вечером, когда Ира укладывала дочь спать, Ульяна всё так же серьёзно посмотрела на неё и сказала:

– Мама, мне очень понравилось сегодня кататься на роликах. Спасибо тебе большое.

Ирина растрогалась, обняла девочку, прижала. Почувствовала, как ритмично вместе бьются два сердца. Когда-то давно она жадно, чуть ли не до панической атаки, ловила звуки этого сердцебиения на УЗИ.

– Пожалуйста, Уля. В следующие выходные мы ещё покажемся с тобой, правда? Обещаю больше не таранить клумбы и урны.

– Ладно! – кивнула Ульяна и улыбнулась.

А на следующий день она пропала. Прямо из детского сада. Её пытались найти, целый час бегали по всему зданию, по всей территории. Никто Ульяну не видел. Исчезла она, судя по всему, на прогулке, потому что именно после неё заметили отсутствие девочки. В группе числилось 30 человек, и в тот день отсутствовали всего трое. В такой толпе немудрено не заметить одного отбившегося от общей массы. Ира была на совещании по планированию новой медиакомпания, и сразу звонок принять не смогла. Перезвонила только через 15 минут, когда уже вышла. В трубке рыдающая заведующая попросила срочно приехать.

– Что случилось? – спросила коллега, увидев, как с ли-

ца Ирины моментально сбежали все краски жизни, остался только лёгкий слой декоративной косметики.

– У меня ребёнок пропал. Из детского сада. – Ирина сказала это и только тогда поняла, что случилось. С утра у неё была Уля, а вот сейчас, в обед, на её месте знак вопроса. Где она? Что с ней?

Что делают в таких случаях? Обращаются в полицию? Собирают отряд волонтеров? Ира на такси ехала в детский сад, соображая, как быть дальше. Она чувствовала, что дочь жива и с ней не происходит ничего жуткого. Более того, Ульяна захотела исчезнуть сама. Ира была в этом уверена, как и в том, что не успокаивает себя, выстраивая психологическую защиту. Но даже если четырёхлетний ребёнок решил уйти из садика сам, по дороге, куда бы он ни следовал, с ним может много чего произойти. В том числе самое ужасное. Выбежав из такси, Ира только тогда поняла, что не позвонила Пете. А надо ли? Может он чем-то сейчас помочь, или только усугубит панику?

Заведующая детским садом бросилась к Ирине, заламывая руки. Прорвавшись сквозь поток извинений, Ира услышала, что девочку всё же видели, да и на камеры видеонаблюдения она попала. Пока дети гуляли, на территорию заехал мусоровоз, проследовал напрямиком к пищеблоку, где стояли контейнеры. В это время ворота были открыты. Не более десяти минут, но Уле этого времени хватило. Она проскользнула в манящую лазейку и убежала дальше, на ули-

цу. Сотрудники полиции уже прибыли и хотели поговорить с Ириной и сотрудниками учреждения. Интересовало их во все не то же, что и всех остальных. Ира и педагоги думали о том, как и где искать девочку. Полицейские же очень хотели узнать, довольным ли выглядел ребёнок, не жаловался ли на обстановку дома, не имел ли следы побоев и вообще, не сами ли вы, взрослые, довели девочку до побега. Ирина терпеливо отвечала на вопросы, она понимала, что эти формальности надо пройти, и потом все вместе они будут что-то делать. Тем более, двое прибывших служителей правопорядка уже опрашивали жителей ближайших дворов, вдруг кто видел Ульяну, а один пошёл искать её рядом с домом. Это имело смысл, так как чаще всего дети сбегают именно домой.

– Как думаете, куда могла пойти девочка? Может, есть какие-то любимые места, куда ей хочется попасть? – спрашивали у Иры, когда выяснилось, что ребёнок не растёт в семье маргиналов, а в детском саду нет признаков «дедовщины».

– Куда пойти? – Ира перестала плакать и задумалась. – Ей всего четыре. Разве она может далеко уйти?

– Ох, знаете, современные дети очень толковые, – сочувственно произнёс полицейский. – У них будто чип предустановлен, мой пятилетка, допустим, в схеме метро отлично ориентируется, и на карте города раньше меня нужный дом находит.

– Может, она к папе пойти захотела? Вы же не вместе живёте? – спросила молодая сотрудница «органов».

– Не вместе, – подтвердила Ира. – Но его дом от нас далеко, на метро ехать надо.

Стало понятно, что без звонка Петру не обойтись. Скоро на ноги были подняты все. Ира не знала, что ей делать. Бежать? Куда бежать? Что она может сделать? Двое жителей соседнего с детским садом дома сказали, что видели похожую на Ульяну девочку. Она пошла в сторону автобусной остановки.

– Я её спросила, где её мама, – рассказывала свидетельница. – А она махнула рукой, засмеялась. Говорит: «Тётя, вы не бойтесь, я очень хорошо знаю, куда мне нужно, и меня ждёт самый замечательный человек».

Тогда все уверились, что малышка поехала к отцу. Весь маршрут начали прорабатывать. Ей нужно было проехать две остановки до метро, затем спуститься в подземку, и без пересадок по прямой – пять станций.

– У девочки есть доступ в интернет? Может, она с кем-то там познакомилась и ей велели приехать? – строго интересовались полицейские.

– У неё есть доступ к планшету. Но там нет никаких мессенджеров. И для соцсетей она ещё маленькая, – отвечала Ира. Она уже с трудом могла говорить. Её душил страх.

– Вы точно это знаете? Вы же не круглосуточно её контролируете, не стоите над ней, когда она в гаджете сидит?

Это было правдой. Ира, хоть и была уверена, что Уля не

лезла ни в какие группы в соцсетях, гарантировать, что это так на 100%, тоже не могла. Тем более, девочка вдруг читать начала, чуть ли не сама. Ирина ей только часть букв показала, в детском саду тоже на грамоту слишком не налегали. Может и переписки вести научилась, а она, равнодушная мать, всё пропустила. Теперь локти кусай.

– Вы, мамочка, идите пока домой. Вдруг дочурка туда придёт. А мы будем с вами держать связь, – велели полицейские.

Ира послушалась, что ей было делать? Метаться по улицам? По каким? Ожил телефон. Ира схватила его, как спасательный круг. Это была Ольга.

– Привет, Ириш. Я тебе обещала сегодня позвонить, на счёт той масочки, помнишь? Ир, ты ревёшь, что ли, что случилось?

Ира бессвязно, с рыданиями и проклятиями в свой адрес, рассказала подруге, что происходит.

– Вот дела! Ир, хочешь, я приеду? Я дома уже, пораньше пришла, но даже если бы и работала... всё равно приехала бы, Ир. Ты где?

– Оля, вот скажи, я с ума схожу? – Ира вместо ответа на вопросы задавала собственные. – Мне кажется... я уверена... что она не к Пете едет. Что это или правда какие-то твари в интернете её с толку сбили. Или всё дело в этой реинкарнации.

– Реинкарнации? Ира, я не думаю, что ты с ума сходишь,

я тогда тоже схожу, получается. Я же в курсе ситуации. По-
годи, Ир, как она сказала человеку, который видел её у оста-
новки?

– Что её ждёт самый замечательный человек.

– Ириш, а если это Егор?

– Что? Ты думаешь, она с ним по гаджетам общается и он
её позвал? Я правда, совсем плохо соображаю сейчас.

– Нет, Ир. Слушай, ну она может его вспомнила, из про-
шлой жизни. А теперь думает, он её ждёт! У них же в голове
после реинкарнации наверное каша вообще, не соображают,
что сейчас было, а что в прошлом веке. Проверим этот ва-
риант, а?

Ольга говорила по телефону, сидя в кухне. Пообещав Ире,
что прямо сейчас она отправится ей навстречу и они вместе
поедут к Егору, она отбила звонок и подняла глаза. В дверях
стояла Марта с ошарашенным лицом.

– Оль, извини, я подслушала получается. Но... что это бы-
ло? Прошлая жизнь, реинкарнация... Вы же не кино обсуж-
дали, правда?

***

Проехаться одной в общественном транспорте оказалось
несложно. Зайти с толпой. Понятно же, такая маленькая де-
вочка не одна зашла, а с кем-то. Народа в автобусе было мно-
го, Уля легко затерялась. Если лицо у тебя не испуганное,
кто подумает, что ты одна едешь? А вот дальше начались
трудности. Она, как оказалось, понятия не имела, как доби-

раться до нужного ей района, и вообще, далеко ли он от их с мамой дома. Надо было ей подумать, до того как соберется ехать, как попасть, куда надо. Но что делать, если теперь у неё такая крохотная голова с маленькими мозгами. На какой остановке выходить? Вот тут она запаниковала и заплакала.

– С кем девочка едет? – заволновались пассажиры.

Конечно, никто не отозвался. Хоть голова у неё и была крохотная, Ульяна сообразила, что ей нужна легенда, и очень убедительная. Когда перед ней на корточках присела женщина с добрым лицом, девочка выдала свой вариант:

– Я шла с папой и отвлеклась, зашла не в тот автобус. Теперь он наверное меня ищет, с ума сходит. Мне надо нужный автобус, чтобы домой уехать.

– Адрес-то ты свой знаешь, малышка?

– Да, – кивнула Ульяна, и без запинки назвала адрес. И район, и улицу, и номер дома с квартирой, и даже этаж вспомнила.

– Ничего себе, далеко ты заехала, – присвистнул какой-то дяденька. – Это же две пересадки делать.

– Пропустите, пропустите, пожалуйста, – к Ульяне направлялась молодая женщина с ребёнком на руках.

– Мы в соседнем доме живём, можем тебя проводить. Ты не бойся, со мной ещё вот девочка, постарше тебя, – пассажирка кивнула куда-то назад.

– А я и не боюсь, – Ульяна вытерла слёзы. – Что делать, если я недотёпа такая.

– Нам выходить сейчас, кстати! – заторопилась женщина.

Оставшиеся пассажиры забеспокоились – отпустить маленькую девочку с незнакомой женщиной как-то страшно. С другой стороны, та выглядела вполне прилично, ещё и с двумя детьми. А что совпадение такое странное, прямо из соседнего дома довольно-таки отдалённого района, так чего только в жизни не бывает.

***

Ира и Оля ехали в такси, по пробкам. Рабочий день заканчивался, жители Москвы и Подмосковья дружно спешили по домам. Хотя, какой там, дружно. Временами лаялись, как собаки. Особенно на дорогах, хорошо, каждый в своей коробушке.

– Ты бы позвонила Егору, на всякий случай, предупредила, – предложила Ольга.

– Я его номер сразу после развода удалила из телефонной книжки, – ответила Ира. – И потом, что я ему скажу? К тебе может прийти моя маленькая дочь, и заявить, что ты её сын? Неубедительно как-то.

Таксист испуганно на них покосился, и подружки замолчали. Машина встала в пробке. Ира нервничала. Беспреданно проверяла телефон, вдруг из полиции позвонили, или волонтёры нашли Улю. В конце концов, версия с Егором была не основной, а в порядке бреда. Два раза ей сегодня звонил Петя. Вначале пытался предъявить претензии, что она

не смотрит за ребёнком. Интересно, почему первое, что делает мужчина в разводе, услышав о неприятностях с детьми, это предъявляет претензии? Считает, что это сразу показывает, кто из них – заботливый и ответственный взрослый? Потом Пётр всё-таки понял, что воспитателей Ирина проконтролировать не могла. Спасибо, что не начал развивать тему «Ты её не научила не сбежать из детского сада». Всё-таки, не совсем пропащий человек, хоть и бабник. Второй раз он позвонил, чтобы спросить, есть ли новости, и нужна ли ей какая-то помощь. Пришёл в себя, значит, или Дарья ему объяснила, что сейчас требуется делать.

– Мы что-то совсем не едем, – озабоченно сказала Ольга.

– Пробка. Авария тут недалеко совсем, дороги перекрыли. Можем так час простоять.

Ирина закричала зубами. Держать себя в руках ей становилось уже невероятно сложно. Но что делать? Выходить из такси, идти пешком? За час может, и дойдёт как раз. Но это неточно.

Внутри неё разрослась липкая, огромная тревога. Она не давала ей дышать, наплывала на глаза тёмной пеленой. Казалось, сейчас начнёт из ушей вытекать. Образ малопривлекательный, но очень характеризует состояние Иры. Карта маршрута всё больше окрашивалась красным. Выедут из этой пробки, и почти сразу попадут в следующую.

– Надо было на роликах ехать, – нервно хихикнула Ира. – Или на велосипедах.

– Да уж, – подтвердила Оля.

Стояли они уже почти 20 минут. И тут в окошко постучались. Ирина с удивлением увидела фигуру в шлеме, даже не поймёшь, кто это, мужчина или женщина. А может, инопланетяне, похищающие детей.

– Это же Марта! – вдруг узнала Ольга. – Как она тут очутилась?

Марта сняла шлем, открыла дверь в салон.

– Вы тут надолго застряли, – сообщила она. – Я кого-то одного могу добросить по нужному адресу.

Ира вопрошающе посмотрела на Олю.

– Да, я ей рассказала. В общих чертах, – пожалала Ольга плечами.

– Совсем в общих, – подтвердила Марта. – Ну как, Ира, едете со мной?

– Да!

Она поспешно выбралась из машины. Марта протянула ей второй шлем.

– Он такой... страшненький и старенький, я им вообще не пользуюсь. На всякий случай держу.

Ира с испугом посмотрела на транспорт, на который должна была сесть. Маленький, оранжевый. Как он вообще поедет? Но думать было некогда. Главное, они обе поместились на скутере, хоть и было тесновато, с Егоровым монстром не сравнишь. Пришлось крепко хвататься за Марту. Большую скорость развить не получилось, всё-таки пробка,

но они двигались! И объезжали наглухо застрявшие автомобили. Ира в своём офисном костюме, верхом на игрушечном скутере смотрелась гротескно. Она благодарила небеса, что сегодня с утра выбрала хотя бы брючный комплект. Иначе выглядела бы слишком вызывающе. Скучающие водители восприняли их проезд оживлённо, свистели, выкрикивали что-то одобрительно. Раздражённые – раздражались ещё сильнее. Скоро они были уже у места аварии, очень аккуратно его миновали, хорошо, их не остановил никто.

У Марты словно крылья за спиной выросли. Нет, она знала, что там Ирина сидит, крепко вцепившись в её куртку. Но где-то были ещё и крылья! Ведь она попала в настоящее приключение. И устыдилась сразу, как об этом подумала. У человека горе, ребёнок пропал, один в большом городе, предположительно – решил сделать немалый крюк от своего дома, доехать до незнакомого человека, который о его существовании даже не знает, возможно. Как тут можно окрыляться? Не по-людски это.

***

– Вот и пришли, деточка. Папа твой точно тут живёт?

– Да, спасибо, тётя! Вот наш подъезд. Код домофона я знаю, можете меня отпускать.

– А если дома никого нет? Давай, я тебя доведу до квартиры!

Добрая женщина с двумя детьми оказалась вполне милой и безбидной, она действительно довезла Ульяну до нужной

ей остановки и привела к подъезду. Впрочем, уж до подъезда-то девочка и сама бы добралась, но никак от помощницы было не оторваться. Шутка ли, она же маленький ребенок! Как её можно вечером одну отпустить. Пусть даже светло на улице. Женщина, конечно, недоумевала, как это, потеряв девочку в городе, мужчина мог спокойно вернуться домой. Хотя, может, он как раз бегаёт и ищет её, а в квартире его жена. Кто знает?

– У меня дома свет горит, – девочка показала вверх. – Так что там точно есть кто-то. Вы не волнуйтесь, я доберусь.

Она уже набирала нужные цифры на домофоне. Замок пискнул, дверь открылась. Старая система. До сих пор не поменяли. Можно или в квартиру позвонить, чтобы впустили, или самому открыть.

Поколебавшись, женщина подхватила младшего ребёнка на руки и пошла к своему дому. Старшая девочка давно уже убежала вперёд.

Егор пил виски со льдом, сидя перед телевизором и меланхолично перебирая чётки, когда услышал стук в дверь. Подошёл, посмотрел в дверной глазок. Никого. А стук повторился. Вот те на! Пригляделся хорошенько, увидел чью-то светлую макушку гораздо ниже уровня глазка. Ребёнок! Как же странно. Открыл дверь, не бояться же ему незнакомых детей. На пороге стояла девочка с двумя хвостиками, ей явно было не больше пяти лет.

– Ну, привет, Егорушка, – сказала малышка. – Наверное,

мы давно с тобой не виделись.

– Д-давно. Ни разу, – обалдел Егор.

Девочка по-хозяйски отодвинула его, прошла в квартиру. Он даже остановить её не догадался, настолько в шоке был. Она сняла сандалики, двинулась дальше, с любопытством оглядывая обстановку. Зашла в гостиную, увидела стакан, поморщилась:

– Тебе разве завтра не на работу?

– На работу, – подтвердил Егор. – Я немного, один стаканчик. На полтора пальца.

– Смотри, не увлекайся. Отца моего это сгубило. – девочка погрозила ему кулачком.

Говорила она вроде бы и по-детски. С пришепетыванием, а ещё немного картавила. Но на смысле это не отражалось.

– Ты кто? Это розыгрыш какой-то?

– Ты, смотрю, ремонт сделал, освежил тут всё. А в моей комнате – тоже?

– В твоей комнате? Да что происходит-то?

Но девочка не слушала, она уже направлялась к маминной комнате, открыла дверь, зашла, как к себе.

– Свет включи, я пока не достаю до выключателя, – командовала она.

Действительно, уже сумерки были, в комнате темновато. Егор сам не понял, почему повиновался.

– Да, смотрю, и здесь всё поменял. И кровать другая, и шкаф не мой. Зато столик остался. И сундучок мой.

В каком-то оцепенении Егор смотрел, как девочка взяла мамин сундучок, села с ним на диван, а потом уверенно нажала деревянный резной лепесток на крышке. Узор в виде цветка отъехал в сторону. Егор и сам не знал, что сундучок с таким секретом. А жуткая девчонка уже шарила в открывшемся углублении. Достала колечко. Попыталась надеть себе на палец.

– Теперь оно мне большое, – сказала с явным сожалением.

– Ты меня так и не узнал? – смотрит Егору прямо в душу, кажется. Глазищи огромные, голубые. Взгляд точно как у мамы. Боже мой, он же даже один шот не допил, не может быть в хлам пьяным, чтобы такие галлюцинации начались. А она подошла, вложила ему в ладонь кольцо.

– Держи, для тебя берегла. Последняя ценная вещь осталась. Родительское золото я в 90-е продала, когда деньги нужны были.

Егор почувствовал, как теряет сознание. До этого он падал в обморок всего раз в жизни, когда услышал, что мама умерла. Сейчас у него так же закружилась голова, подкосились ноги, перед глазами сначала потемнело, потом наоборот, будто зажгли яркий свет, в ушах раздался тонкий писк, и Егор рухнул на пол.

В себя он пришел, почувствовав на лбу что-то холодное. Кто-то приложил к его лицу мокрое полотенце, а сейчас ласково гладил по голове. «Вот же привиделось мне так привиделось» – подумал он, пытаясь сесть.

– Ты лежи, лежи, – посоветовал ему детский голосок. – А то опять дербалызнешься.

Мамино словечко. Она хоть и учитель русского языка, но вне школы любила всякие словесные финтифлюшки. Малоупотребительные обороты, искажённые звучания и всё такое.

– Снова-то не отключайся! – предупредила девочка.

Не почудилась она, значит, и никуда исчезать не собиралась. Егор всё-таки сел и внимательно на неё посмотрел.

– Ты меня точно не разыгрываешь? – спросил он.

– Посмотри на меня. Я маленькая девочка. Как я тебя могу разыгрывать?

– Будто дети этого не умеют, – фыркнул Егор. – Если ты маленькая девочка, откуда столько знаешь? И про дедушку, который пил, и про мамины украшения? Я о них и сам ничего не знаю.

– Я что-то вспоминаю, – призналась она. – Иногда помню, иногда – нет. Это как на качелях. Вспомнила – забыла. Адрес наш я вчера вспомнила. И сегодня добралась. Меня сюда люди привели, незнакомые.

Егор перевёл дух. Значит, она не материализовалась у него под дверью из ниоткуда.

– А у тебя есть семья, да? Мама, папа, всякие прочие родственники?

– Есть, – кивнула девочка. – У меня и имя есть. Ульяна. Я своих родственников помню, и тебя почему-то тоже знаю,

хотя никогда не видела.

– Знаешь, если бы не кольцо, я бы тебе не поверил, – доверительно сказал Егор. – А тут крыть нечем.

– Ты его уронил, кстати, когда свалился.

Ульяна достала колечко из кармана платья

– Вот оно. Хорошее очень. Мне его мама подарила, оно бабушкино.

– Старинное, значит, – Егор принял кольцо из рук девочки, примерил. Ему только на мизинец налезло.

– Пойдём, Ульяна, чай пить, – предложил он. – У меня торт в холодильнике есть. А потом решим, что с тобой делать.

Подбежала кошка. Где она была, интересно? Потёрлась девочке об ноги, замурлыкала.

– Привет, Фифа! – наклонилась, сграбастала на руки. Удивительно, но животное не сопротивлялось.

Кухню она осмотрела таким же критическим взглядом, как и всё остальное. Но последствия ремонта явно одобрила.

– Вижу, ты на ноги встал.

Егор заварил чай, достал торт. Он не знал, о чём говорить. В голове его были сотни вопросов, но было странно их задавать. Готов ли он поверить, что в обличье девочки детсадовского возраста к нему вернулась мама?

– Ульяна, а ты свой адрес, где сейчас живёшь, тоже наизусть помнишь?

Девчонка кивнула, уминая сдобу.

– Нам же тебя надо домой возвращать. Ты сама сказала, у тебя родители есть. Представляешь, как они с ума сходят сейчас? Обвинят меня в похищении детей, в тюрьму посадят. Страшное дело!

Он ещё не понимал до конца, как с ней говорить, как со взрослой, или всё же с ребёнком?

– Папа с нами не живёт. Так что, меня только мама и потеряет, – беззаботно сказала девочка. – И то, она же на работе, наверное.

Глупая маленькая девочка. О панике в детском саду она вообще не подумала.

– У тебя мультики есть? – спросила Уля, испив чайку. Всё-таки, в большей степени она ребёнок.

Егор отвёл её к телевизору, переключил на канал с мультфильмами. Сам же лихорадочно думал, кому звонить? Можно просто взять девочку в охапку, и отвезти к родственникам, адрес-то она знает. Но наверняка там уже полиция, розыскные мероприятия, или как это называется. Номер телефона матери девочка вряд ли помнит. Она удивительная, но 10 цифр подряд заучить – это вряд ли. Оставить у себя? Вообще не вариант. Люди там, наверное, уже от горя помешались. Так что, надо срочно что-то предпринимать, пока мать девочки в больницу не попала. Если не попала. Ульяна заливисто смеялась над мультяшными героями, Егору даже стало казаться, что он сам придумал всю эту мистику, перед ним

самая обычная девочка. Хотя это не снимало вопросов, откуда и как эта обычная девочка про него узнала, и зачем пришла. Зазвонил домофон. «Неужели Настя?» – подумал Егор. Он её всегда рад видеть, но сейчас она не к месту. Как ей объяснить присутствие чужого ребёнка в его доме? Вздыхнув, всё-таки пошёл отвечать. В трубку домофона тревожно кричала Ира:

– Егор! Ты дома? Ты подумаешь, что я рехнулась, но к тебе может пытаться приехать моя дочь!

– Твоя... дочь?

Егор уже вообще ничего не понимал. Ещё и её дочь к нему едет? Что-то в этом виски было не то, судя по всему. Права Ульяна, надо завязывать. Открыл дверь. В квартиру буквально ворвалась Ирина и какая-то незнакомая девушка в мотоциклетном шлеме. Ира увидела сандалики у порога и сразу зарыдала. Скинула свои туфли, бежала в гостиную.

– Ульяна!

Егор с изумлением наблюдал, как его бывшая жена кинулась к девочке, сгребла в охапку, принялась суматошно целовать, куда достанет, что-то бормотала при этом, и заливалась слезами.

Ира же ощущала, словно где-то в глубине её головы открылась дверь, в которой до этого заедал замок. Из этой двери хлынули потоком вещи, до этого удерживаемые. Любовь, нежность, материнское умиление, привязанность. Словно из её сердца вышли две невидимых руки, и теперь они тоже об-

нимали Ульяну, а она, Ирина, физически это ощущала. А душа подпрыгивала вверх и вниз. Её как будто расколдовали. «Так вот что она чувствовала к сыну» – подумала Ира. Теперь она, наверное, даже начала понимать бывшую свекровь. Если с ней было то же самое, такая же любовь, можно понять, почему Анна Викторовна бесилась.

Ульяна тоже обняла маму, но без трепета. Для неё ничего ужасного не произошло, чтобы так переживать.

– Теперь я поняла, откуда тебя знаю, – вдруг сказала она. И для Ирины это не предвещало ничего хорошего. Но, ослепленная внезапно свалившимся на неё сокровищем материнской любви, она пока даже не напряглась.

– Может, ты мне объяснишь, что происходит? – спросил Егор, когда первый прилив материнской любви благополучно произошёл. – Сначала пришла Ульяна, говорила такие вещи, что я поверил, что она мама. А теперь оказывается, она твоя дочь.

– Глупый, будто всё сразу не может быть. Должна же я родиться где-то была. – Ульяна сказала это строго и даже как-то обиженно.

– Ты думаешь, я её подговорила, что ли? – казалось, Ира на него сейчас бросится. – Да я чуть не поседела! Или даже поседела, просто пока себя в зеркало не видела.

– Давайте, я вам тоже чаю налью, и вы мне всё расскажете, – пошёл на мировую Егор.

Марта вспомнила, что до сих пор в шлеме. Чай в нём пить

явно неудобно будет.

Егор предложил новым гостям торт, который он покупал, чтобы он в холодильнике Настю ждал. Вдруг она придёт, а тут ей угощение. Видимо, сюрприз не получится, потому что сегодня у него аншлаг и без девушки. Даже мама, похоже, с того света заглянула.

Ульяне вручили сундук Анны Викторовны, чего уж там, пусть поиграется. И все втроём смотрели, как она разглядывает безделушки, и комментирует каждую.

– Ну прямо как далай-лама, – растрогался Егор. – Я читал, что когда он рождается в другом теле, его отыскивают монахи, дают ему вещи из прошлой жизни, и если он их узнаёт, значит тот самый ребёнок.

– Да, похоже, – оценила метафору Марта. – Ой, а это же у вас те самые белые чётки, о которых Ульяна рассказывала, когда мы с ней познакомились? Это удивительно!

– Слушайте, эзотерики, – Ира даже немного обиделась. – Тут у нас не опыты над людьми. Я вообще мало теперь представляю, как дальше жить. А вы радуетесь.

Но Марту слова Ирины нимало не расстроили. Главное, что девочка нашлась, всё остальное можно решить. К тому же журналистка переживала момент собственного озарения. Увидев Иру и Егора рядом, она поняла, почему ей кажется мимолётно знакомым лицо этой молодой женщины. Несколько лет назад она принимала решение, идти ли на со-

беседование к Самуилу Вершинскому или принять уже поступившее готовое приглашение на работу. И для того, чтобы прояснить мысли, вытащила руну. В то время она как раз увлекалась этим мистическим направлением, рисовала рунные ставы на всём, что попадалось под руку, и с весело побрякивающим мешочек с каменными советчиками всегда носила с собой. Она даже помнит, какая руна тогда выпала, Райдо, путь. Момент раздумий застал её в кафе, а за соседним столиком сидела красивая влюблённая пара, эти двое держались за руки и выглядели до тошноты счастливыми. Марта заметила, что девушка обратила на неё внимание, что-то сказала своему визави. Она тогда мимолётно им позавидовала. От них в тот момент прямо-таки флюиды на всю улицу так и отскакивали, или что они там делают. Такие гармоничные, идеальные, как половинки яблока. Получается, с червоточинкой яблочко-то было.

Тут домофон вновь зазвонил. Это оказалась Ольга, которая всё же добралась на такси.

– Я понимаю, что вы тут обрадовались и увлеклись так, что мне не позвонили и даже сообщение не скинули, что всё в порядке. А как насчет Пети? У него вообще-то тоже ребёнок пропал.

– И правда, как неудобно! – спохватилась Ира. – Вот только что ему, да и всем остальным сказать? Уляш, давай не выдавать Егора, раз сами его и подставили.

Все вопросительно посмотрели на Ирину.

– Ну вот представьте, например, Петину реакцию, когда он услышит, что наша с ним дочь своим ходом добралась до моего бывшего мужа, которого она якобы ни разу в жизни не видела? А полиция что скажет? Давайте придумаем другую версию.

– Надо, чтобы и Уля её поддержала, нашу другую версию. Это было самое сложное, но они рискнули. Ирина позволила и Пете, и заведующей детским садом, и полицейским. Сообщила, что нашла девочку сама, она якобы отправилась в парк, где они гуляли накануне.

– Я сейчас приеду к вам! – заволновался Петя. Волновался он на фоне звуков сочного детского плача. Варвара Петровна, судя по всему, спокойным характером не отличалась.

– Не надо, Петя, – попросила Ира, – у нас тут всякие выяснения с полицией, да и Ульяна устала, я её сейчас спать буду укладывать. Хочешь, завтра приезжай.

И все поспешно начали собираться по домам. Они уже стояли в прихожей, когда домофон снова ожил. На этот раз пришла та самая Настя, девушка Егора, с которой он уже успел съездить в новогоднее путешествие, так что встречались они не первый месяц. Увидев троих незнакомых женщин, да ещё с ребенком, Анастасия растерялась. Ульяна критически её оглядела, хмыкнула и сказала:

– Ничего так, симпатичная.

На неё все зашикали, замахали руками, спешно попрощались и ушли. Егору пришлось отдуваться дальше одному и

уже даже без торта.

– Мне показалось, или эта привлекательная блондинка в деловом костюме – твоя бывшая жена? – с подозрением спросила Настя.

– Не показалось, – вздохнул Егор.

– И что же она у тебя делала? Да ещё с ребёнком? Это же не твоя дочь, правда?

– Правда, – Егор испуганно замахал руками. – Неужели я бы тебе не сказал, будь у нас с ней совместные дети? Просто они мимо проходили, зашли.

– Мимо проходили? Ты же говорил, вы не общаетесь? – назревала буря.

– Представляешь, Ира у себя нашла кольцо моей мамы, – Егор нащупал удачную мысль и схватился за спасительную соломинку. – Я ей его дарил. На помолвку. И она о нём забыла, а теперь вот принесла, вот оно!

Егор продемонстрировал кольцо на мизинце. Вовремя оно ему на глаза попало, когда он руками махал.

– Странная история, – Настя не могла так просто успокоиться. – Надеюсь, больше у неё не осталось никаких вещей, ни твоих, ни твоей мамы?

– Совершенно точно, – кивнул Егор.

И подумал: «У неё, кажется, осталась моя мама».

Часть 3

1.

В художественных фильмах после того, как с героями случается катарсис, обычно всё становится хорошо. Любящие друг друга люди находят общий язык, радуются небу, солнцу и совместной жизни. В случае Иры и Ульяны момент высокого накала чувств изменил, действительно, многое. Но уж точно, легче никому не стало. Девочка теперь знала, откуда у неё такое предвзятое отношение. Ну, как знала? По-прежнему, воспоминания о прошлой жизни (если это они) были неполными, обрывочными, похожими на качели. Марта, с которой Ира начала общаться после случившегося, посоветовала обратиться к специалисту. Девушке, способной извлечь и упорядочить воспоминания Ульяны.

– А я не знаю, хочу ли, чтобы она всё вспомнила, как было, – честно призналась Ира.

– Знаешь, по моему небольшому, но опыту, она не превратится в твою свекровь. У неё будут воспоминания того периода жизни, но при этом она будет девочкой по имени Ульяна, – попыталась успокоить её Марта.

– Ладно, познакомь нас со специалистом. Как-нибудь, – решила Ира. Специалистом больше, специалистом мень-

ше, чего уж теперь.

Ей пришлось решать много проблем. Успокоить Петю, так, чтобы он ничего не заподозрил. Уладить отношения с заведующей. Переводить Ульяну в другой садик она не планировала, они и в этот с большим трудом попали. Да и само руководство посыпало головы пеплом, в их интересах было сделать всё, чтобы не допустить повторения такой ситуации. Ну и, главное, она начисто передумала отвезить Улю на июль-август в Пензу, как раньше собиралась. Теперь мысль расстаться с ребёнком хоть на несколько дней казалась ей мучительной. Она впервые почувствовала, что значит – сучать по дочери. Вдыхать запах её волос, гладить по голове, внутренне счастливо замирая от нежности.

Временами Ира думала: «Есть ли на свете вообще иная любовь, кроме материнской? То, что принимаешь за чувства, со временем стирается, перерождается, порой в свою полную противоположность. И понимаешь, что человек – тот же, да и ты не сахар абсолютно, а просто смотрели вы не друг на друга, а внутрь себя, ловили свой душевный отклик и томление, реакцию на определенного человека. И его личностные качества, по большому счёту, уже не так были важны, они просто запустили цепочку гормональных реакций. Существуют пары, живущие вместе долго, сама видела. Увы, я, видимо, какой-то урод, неспособный к таким долгим отношениям. Чему я могу научить ребёнка?»

Своими мыслями, впрочем, Ирина ни с кем не делилась.

Да и радостями вдруг открывшейся настоящей материнской любви мешала наслаждаться их странная ситуация.

Ульяна научилась дерзить, насколько возможно в её-то малом возрасте. Порой просто от рук отбивалась. Но потом спохватывалась и даже просила прощения. Видно, что тяжело ей было расставить в своём сознании нужные границы, иногда Ирина из прошлой жизни перескакивала в нынешнюю, и фигура «наглой девки» заслоняла добрую и заботливую маму.

Можно было от этого прятаться, пытаться не замечать, но вопрос, как долго? Не станет ли ещё хуже? Поэтому Ирина и Ульяна примерно через неделю после побега девочки к Егору принимали в гости Тару и Марту.

– В гипноз я погружать тебя не буду, – пообещала Тара, – ты ведь и так всё хорошо помнишь, правда?

– Нет, не очень хорошо. Но помню, – сказала Ульяна.

– Нам лучше вас оставить вдвоём? – спросила Марта.

И тут Уля неожиданно вмешалась:

– Оставайтесь. И пусть мама тоже остаётся.

Ирина чуть не разревелась от такого доверия. У неё в последнее время вообще постоянно глаза были на мокром месте. Будто мозги от осмысления всего происходящего настолько перегрелись, что конденсат выступил.

Начало сеанса прошло стандартно, Марта уже такое видела. Тара постаралась расслабить девочку, учила её регулировать дыхание, «отпускать» по очереди зажимы и напряжение

в каждой мышце. Через какое-то время Ульяна принялась дышать ровно, спокойно и глубоко.

– Давай переместимся в твоё любимое место, Уля, – попросила Тара.

– Мы уже в нём, – ответила девочка. – Я у себя дома. Не тут, а в квартире, где мы живём с Егором. Сегодня важный день.

– Почему он важный, расскажи?

– Свадьба. Сегодня свадьба Егора.

Только что Ульяна понимала, что она сидит в кресле, дома. Там, где живёт она и её мама. И тут же вдруг будто перенеслась в СВОЮ квартиру. Увидела свой туалетный столик, возле которого стояла, задумчиво перебирая украшения. Ничего из этого на торжество не наденешь! Платье она уж разорилась, купила себе новое. Раз Егор настоящую свадьбу себе захотел. Он так от неё отдалился в последнее время, её мальчик. Стал чьим-то мужчиной. Девушка кажется, милая. Очень красивая, на таких все заглядываются. Идёт, словно танцует. Она, Анна, никогда такой не была, даже в самом цвете молодости. Столько женственности в одном её изгибе плеч, сколько во всей Анне не будет, даже если она вернётся в свои 25, приоденется и влезет в туфли с каблуками. Её сын нашёл полную противоположность матери, что уж говорить.

Она посмотрела в зеркало, где отражалась женщина чуть старше 60-ти лет, с хорошей укладкой, легким макияжем,

сделанным со вкусом. Это не она сама, всё в парикмахерской сотворили. И причёску сообразили, и покрасили, о маникюре тоже не забыли. Женщина задумчиво взяла в руки заветную коробочку с сувенирами. Надавила тайную кнопку, вынула то самое колечко. Последнее, что у неё осталось на память от родителей. Примерила на палец. Надо же, ещё налезает. Когда Егор сказал, что хочет сделать Ирине предложение, она было хотела предложить ему подарить ей это кольцо. Как ни крути, оно же семейное, ценность. И едва собралась это сказать, как сын достал из кармана футляр в виде ракушки. Там, конечно же, было кольцо. Дорогое, элегантное. Как раз для такой женственной и современной особы. Куда там она со своим старьём.

Анна спрятала украшение на место. Ей хотелось плакать. Это, наверное, нормально, в порядке вещей. Сегодня жениться единственный сын, плакать даже положено. Странно, если бы у неё глаза не были сейчас на мокром месте, идеологически неправильно. Дальше была свадьба.

– Расскажи, какая свадьба? – услышала Ульяна (теперь она Ульяна!) голос будто откуда-то издалека.

– У Егора очень красивая невеста. Сейчас она моя мама. А в тот день на ней было платье вышитое, белое, с фатой. И гостей много очень. Играет музыка, гости выступают с микрофоном. Речи говорят, подарки делают. И Егоровы балбесы тут в полном составе, изображают взрослую мужественность.

Она видела многое, но рассказывала только меньшую часть, не всё можно было облечь в слова. Да и не все слова, которые звучали в её голове, она понимала, будучи Ульяной. «Идеологически», «мужественность», «особа»... Откуда это всё?

Шумный праздник, она такие никогда не любила. Для неё в радость – посидеть дома с книгой, или созерцая хороший фильм. Шумные сборища только утомляют. Ещё и тост говорить нужно. Да и Сёма с его взглядом побитой собаки непри-нуждённости обстановке явно не прибавлял. Можно подумать, это она его с ребенком одного бросила, да ещё постоянно скулила по телефону: «Не могуууу... Скууууучаюую... Сыночка бы увидеть, люблю сильно-сильно». И сыночек уши развешивал, вон как папка страдает сильно, жалко у него обстоятельства, приехать не может никак, вот если бы ты, мама, меня свозила к нему. Правда, постепенно сын понял, что к чему. Анна надеялась, Егор в курсе, что любовь – это действие. Хорошо, её окружение не требовало никогда создавать положительный облик отца, это сейчас женщину заклюют, посмей она что негативное о производителе сказать. Обвинят, что сына морально уродует и не даёт ему правильной модели семьи. Будто этот самый отец как раз – даёт. Но что об этом толковать, всё пустое.

Анна почувствовала, как горит лицо. Нужно сходить в туалет, водой его что ли ополоснуть из крана. Аккуратно, чтобы весь макияж не облез, а то хороша она будет. Возвра-

щаяся, услышала разговор в неприметном месте. За санузлом была небольшая ниша, где удобно было уединиться и болтать. Надо было пройти в зал, праздновать дальше, но она вдруг застыла, словно пригвождённая к месту кольшком мимолётно кинутого замечания.

– Как твоя свекровь свежеиспеченная? – это явно кто-то из подружек невесты. Кажется та, что беременная. Их там две в положении было, какая-то из них. – Достаточно пропеклась?

– Да нормальная вроде бы женщина, – отвечала невестка.

– Ну да, нормальная. Ты с ней ухо остро держи. Он парень классный, но до сих пор с мамкой живёт. Представляю, как она ему в уши поёт. Перехватывай инициативу. Ты теперь жена, главная в его жизни женщина.

– Ой, Светка, да не нагнетай. Егор не маленький, он понимает, что теперь у нас семья – это я и он. И любой третий, кроме наших детей, там лишний.

Третий – лишний. Может, ничего такого в этих словах и не было, но Анну они словно по голове огрели. Она не стала слушать, что там дальше кумушки будут говорить, да как ей кости перемыть решат. Щёки пылали ещё сильнее, чем до того, как она решила их охладить. Ничего не видя перед собой, пошла к празднующим. Видимо, в тот момент в ней родилась та самая Свекобра с талантами мелкого мстителя. Ладно, авторитарной и резкой она и до того была. Но теперь эти её милые качества получили идеально подходящий при-

кладной объект.

Потом она вдруг очутилась в своей гостиной. Она заходила туда с подносом в руках. На подносе – тарелочка с печеньем, чайник с заваренным оолонгом, чашечка, несколько конфет. Собиралась посмотреть ледовое шоу. А там уже было занято. Молодые усадились на экран, обсуждали события, происходящие там.

– О, спасибо, мам! – Егор взял у неё поднос. Решил, что она для них угощение принесла. – Я сейчас за второй чашкой сбегаяю.

Конечно, она же не догадалась на всех посуды захватить. За второй. Не – «ещё за двумя». На свою голову разбаловала увальня. Он вообще, замечает, что она тут тоже живёт и у неё есть собственные интересы?

– Сегодня финал «Ледникового периода», уже пять минут, как началось, – сказала она. – Хочу посмотреть.

Егор уже успел убежать на кухню.

– У нас уже скоро закончится, – беззаботно откликнулась невестка. – Сразу переключим.

У Анны потемнело в глазах. Её чай. Её печенье. Её сын. Её телевизор. Её пульт!!! Конечно, она зря так вспылила. Но что сделано, то сделано. Она подошла к нахалке, забравшей её жизнь, и вырвала пульт у неё из рук. Ирина вскочила, будто ошпаренная.

– Мам, ты чего? – сын вернулся со второй чашкой, и теперь смотрел удивленно на разъярённую мать.

– Я буду смотреть финал, – отступить ей было некуда. А что делать, извиняться, говорить, что погорячилась? Нет, ещё хуже выйдет. Удовольствия от программы она, конечно, не получила. Сидела и думала, во что превращается её жизнь, как всё изменилось, и что делать, если ты лишняя в своём собственном доме. Да, она сама их сюда жить позвала, и уверяла, что преград ни в чём чинить не станет. Все матери так говорят, наверняка. Но почему, почему они оба относятся к ней как к досадной помехе для приятного вечера? Должна ли она отойти в сторону? Третий в «их» семье лишний. Обидно. Вот так становишься лишним для самого дорогого человека в твоей жизни.

Ульяна молча сидела в кресле, сжимала и разжимала кулачки, учащённо дышала, но ничего не говорила.

– Ульяна, ты слышишь меня?

– Слышу.

– Ты сказала, что видишь себя у телевизора, с подносом.

А что дальше?

– Дальше я смотрю телевизор. Передача очень интересная. Фигурное катание.

– Хорошо, Ульяна. Теперь давай пойдём с тобой в самый сложный день. Когда ты умерла. Не бойся, я буду с тобой.

Девочка кивнула. Ирина напряглась. Сама формулировка «День, когда ты умерла», пугала её до жути.

– Я стою на дороге, слышу чьи-то крики. И в меня вреза-

ется тяжёлое. Я падаю.

Она и правда переместилась сразу в этот момент, ничего, что было «до», не застала. И начала рассказывать вслух о том, как упала, как реальность стала размытой и глухой, как увидела кино с Егором, услышала маму и отключилась. Дальше она полетела по узкому тоннелю.

– Я думала, это враки. Но тоннель есть, и в конце него правда яркий свет. И меня там встретила моя мама... прежняя мама, которая давно.

Анна не испытывала ни страха, ни волнения. Увидела маму, обрадовалась, поздоровалась. А вот та явно была чем-то недовольна. Это не удивительно, она и при жизни такой была, всегда что-то у для неё было не так. Она из людей, у которых «всё хорошо, но...»

– Аня, тебя не должно тут быть! – замахала она на неё призрачными руками. – Тебе ещё рано. И ты не можешь вот так, сейчас, здесь оказаться. Много незаконченного.

– И что делать теперь?

Тут прямо внутри головы у неё раздался голос. Она даже не могла сказать, мужской он или женский, тихий или громкий. Сложно объяснить, что это было, в нашем мире налогов такому нет. Мама исчезла, перед Анной был тот самый свет, и, судя по всему, голос был тоже его.

– Давай, посмотрим, с чем ты к нам пришла.

И Анна увидела новое «кино». Некоторые моменты из него она даже переживала заново, будто бы на машине вре-

мени переносясь в них душой, и на какие-то мгновения все-
ляясь в собственное тело. Вот её принимают в пионеры.
Она чувствует огромную гордость. Сказала текст пионер-
ской клятвы чётко, громко, ни разу не сбилась. «Перед ли-
цом своих товарищей торжественно клянусь горячо любить
и беречь свою Родину»... Галстук она очень берегла, но од-
нажды сожгла его утюгом. Несколько дней пришлось ходить
с дырой, пытаясь её замаскировать. Потом нашли кусок алой
ткани, из которой вырезали новый. Ей тогда от родителей
влетело. Времена-то были трудные, где галстуки доставать
для такой безрукой девочки?

А вот она в старших классах, «на картошке». Даже сейчас
чувствует, как спина болит от работы внаклонку в течение
нескольких часов подряд. А разгибаться она робела, потому
что на неё смотрел Серёжка из параллельного класса. Очень
симпатичный мальчик. Она не знала, нравится ли ему, мо-
жет он посмеяться над ней хочет. Всю жизнь она такой бы-
ла, словно на неё вот-вот нападут, и ведь нападали же. Вре-
мя такое было, что бы там сейчас ни говорили молодые, ухо-
женные модные психологи, придумавшие, что мир отвечает
на твои невербальные сигналы. Есть объективные события,
которые от тебя не очень-то и зависят.

Картинок было много, живых, разнообразных. Давно пе-
режитые и забытые события. Их поездки с сыном по России.
И то самое путешествие в Италию. А вот она ... господи, как
стыдно. Дура старая.

– Я вижу, как выливаю в лицо жене моего сына чашку с чаем, – произносит Ульяна, сидящая в комнате с регрессологом. – И чувствую, что мне жаль. Это было неправильно.

А у Анны закончился фильм её жизни, и голос в голове сказал:

– Твоё время на Земле ещё продолжается. Ты поторопилась, дорогая. Возвращайся в своё тело. Спешу, тебя там не было всего пару минут, ты успеешь.

Всё завертелось у неё перед глазами... если у бестелесной формы, которой она была, есть глаза, голова и всё остальное, что она у себя ощущала. Вновь темнота, и её словно на скоростном лифте переместили вниз. Она услышала, как кто-то сказал:

– Да, пациентка умерла две минуты назад. Да, у нас в машине. Реанимационные мероприятия мы завершили. Везём тело. Сообщите родным.

А потом появилось изображение. Она увидела себя на носилках, внутри автомобиля скорой помощи. Глаза чуть открыты, волосы в крови. Бледная, как смерть. Так она вроде и есть мёртвая. Медбрат об этом только что по телефону кому-то сказал. Но ОН.. или это была ОНА, словом, кто-то за пределами светлый, сказал ей вернуться в тело. А она под крышей «скорой» болтается. Попробовала спуститься ниже, почувствовала, как что-то затягивает её внутрь. Уффф... получилось. Она внутри себя. Но почему-то не ощущает ни рук, ни ног, только боль в голове. Сквозь приоткрытые веки

видно плохо, тускло и будто с помехами. Попробовала по-моргать. Они увидят, и продолжат реанимировать. Но оба медика смотрели в другую сторону и переговаривались. Конечно, кому охота разглядывать мёртвую старуху, которую уже объявили умершей? Ей овладела паника. Что же делать? Попробовать издать хоть стон? Не получилось, как и пошевелиться. Невероятным усилием она попыталась повернуть голову. Но это привело только к вспышке боли, после которой сознание вновь её покинуло. Сколько она пробыла в полной темноте, не знает. Но когда очнулась, то опять была вне своего тела, смотрела на себя со стороны. Что это, больница, морг? Анна не сильна в медицинских познаниях и в морге не была ни разу за свою жизнь. Наверное, морг. Нужно попытаться запрыгнуть в себя обратно. На этот раз у неё должно получиться привлечь к себе внимание. Уж если труп зашевелится, это точно заметят и оценят. Но ничего не получилось. Видимо, та тонкая нить, которая связывала душу и тело, оборвалась. И что теперь? Так и будет вечно мыкаться тут неприкаянная? Станет призраком, который в ночи двигает вещи и пугает кошек. Вот бы увидеть сына.

И тут же она оказалась рядом с ним. Егор был на работе, он держал в руке телефон и плакал. Анна пыталась его погладить по голове, сказать ему, что ей не больно, она не страдает и вообще, находится рядом с ним. Но он, конечно, её не слышал и не видел. Смотреть на него было так тяжело, словно она во второй раз умирала.

Ульяна резко открыла глаза.

– Всё, пока я больше ничего не вижу и не помню, – сказала она.

Но и та история, которую она рассказала, пусть не так полно, как видела, впечатлила всех.

Ирина бросилась к Ульяне, прижала к себе. Девочка не сопротивлялась. Неожиданно она сказала:

– Ты прости за ту чашку чая.

– И ты меня прости, я была очень глупая, говорила тебе гадости, – Ирина всхлипнула.

– Вот только не надо сырость разводить, – вдруг сурово одёрнула её Уля.

– Вы приходите в себя, – сказала Тара, – и нам надо будет потом с вами поговорить. Лучше без Ульяны, хорошо?

– Да, конечно, – согласилась Ирина. – Только как можно скорее. Мне многое непонятно, может вы мне объясните.

– Постараюсь, – кивнула Тара. – Хотя мне тоже бывает многое непонятно.

На следующий день они собрались в обеденный перерыв в летнем кафе, в парке. Уж очень хотелось обсудить всё «по горячим следам».

– Сразу скажу, случай у вас уникальный. Я с таким не сталкивалась. – сказала Тара. – Вообще, я регрессии не практикую «на поток». Может, кто-то постоянно подобные удивительные истории слышит.

– Для меня тут вообще всё удивительно, начиная с самого перерождения, – призналась Ира.

– Понимаю, вы явно агностик, – Тара помешивала ложечкой зелёный чай в высоком бумажном стаканчике. – Начнём с того, что обычно не бывает так, чтобы человек только умер, и почти сразу родился в новом теле. Я и в книгах читала, и от коллег слышала, что как правило проходят годы, а то и десятки лет. Некоторые вспоминают свою ближайшую прошитую жизнь в прошлом-позапрошлом веках.

– Может тут как раз дело в том, что Анна Викторовна не дожила отмеренный ей срок? – вмешалась Марта. Она тоже присутствовала, как иначе.

– Да, думаю, именно так, – кивнула Тара. – Слишком внезапно оборвалась её жизнь, и этим объясняется такая срочная реинкарнация, да ещё в своём же ближнем кругу. Вы с ней и с Егором, судя по всему, не выполнили кармических задач.

– Жуть какая, – Ира поёжилась. – И что теперь? Если она меня начнёт гонять по дому, шпынять, не признавать за авторитет и выговаривать за свою загубленную былую жизнь?

– Ну, строго говоря, в подростковом возрасте такое многие дети со своими родителями проворачивают, – усмехнулась Тара.

– В подростковом? – у Иры округлились глаза. – Действительно, что же к тому времени-то будет?

– За это не переживайте, – Тара казалась очень умиро-

творённой. – Как правило, воспоминания о прошлой жизни проходят годам к шести или чуть позже. Они как бы растворяются в новом бытии и сознании. В вашем случае, возможно, какие-то отголоски останутся, но они не станут доминантой личности. Что важно – не трястись из-за этого постоянно, не подчёркивать факт перерождения. Сейчас Ульяна относится к произошедшему, как к чему-то естественному, даже как к интересной игре. Для детей это нормально. Но наступит период её осознания себя в социуме, когда она почувствует, что помнить прошлую жизнь – нетипично, взрослые этот багаж с собой не берут, а взрослой быть хочется. И вытеснит эти воспоминания. Вам даже не придётся ничего делать. Но то, что происходит сейчас, вы можете и должны использовать.

– Как же это использовать? – Ира растерялась. – Я теперь лишний раз с ней заговаривать боюсь, хотя мне очень хочется. И к тому же, есть моменты, которые она ещё не вспомнила, или просто не говорит о них. Неприятные моменты, компрометирующие.

– Она видела перед смертью что-то не то? – Тара прямо посмотрела в глаза Ире.

– Да. Меня. И своего теперешнего отца. Глупая история. Мы тогда случайно встретились и это вот так закончилось. Если бы она нас не увидела, не отреагировала, возможно, не было бы ничего этого сейчас, и мы бы с ним в отношения не вступили.

– Фигасе! Получается, Анна Викторовна изменила ход событий чужой жизни, да и свою оборвала до срока, – ошеломлённо сказала Марта. Она собиралась молча слушать, но как тут удержишься, когда такая фактура истории!

– Вы мне вот что скажите, – взмолилась Ирина. – Кто это сейчас? Моя бывшая свекровь, или моя дочь? Меня разрывает от двойственности чувств. Анну Викторовну я ненавижу, а дочь безумно люблю.

– Ульяна – ваша дочь, – чётко произнесла Тара. – И никак иначе. Вы, возможно, тоже в прошлой жизни кем-то были. И скорее всего, даже в другом обличье с ней уже встречались. Между вами нынешними это ничего не меняет. Это просто такой урок. Его нужно пройти и установить нормальные родительско-детские отношения. Хотите, глубже проработаем вашу совместную историю, ещё парочку-другую жизней назад.

Ирина вздрогнула.

– Нет, пожалуй, нет. Давайте в этой жизни разбираться.

– Хорошо, – кивнула Тара. – Обычно, когда человек во время регрессии вспоминает свою смерть, это становится началом решения каких-то проблем. Прорабатываются ошибки, беды прошлой жизни. Так что я уверена, в чём-то станет лучше. Но надо наблюдать за ситуацией, мне кажется, Ульяна ещё не обо всём важном вспомнила, не всё отпустила.

– А мне показалось, она не всё нам рассказала, что видела, – опять включилась Марта.

– Да, и это немного тревожит, – согласилась Тара. – Обычно люди охотно во время сеанса проговаривают увиденное. Но ведь даже в трансе человек частично понимает, где он находится, может контролировать то, что говорит. И Ульяна, судя по всему, не хотела всё нам озвучивать. Но это может потом проявиться. Просто будьте внимательны, и если что-то вас насторожит, сразу мне звоните.

– Знаете, меня что ещё удивило, – Ира колебалась, говорить или нет. Ей казалось, если она продолжит это обсуждение, то признает всё случившееся реальным. А ей всё ещё хотелось отстраниться от происходящего. Нет, всё же надо сказать.

– Ульяна сказала, что её на той стороне ждала мама. Как это может быть, она что ли не переродилась?

– Я считаю, что ответа на этот вопрос никто не может знать, – ответила Тара. – Хотя есть люди, которые уверяют, что им известно, как устроена наша Вселенная, всё равно, это только теории, только их взгляд. Это как древняя притча о слепых мудрецах и слоне. Знаете такую?

Ира попыталась припомнить. Марта пришла ей на выручку.

– В этой притче шесть слепых мудрецов решили узнать, что такое слон, и принялись его ощупывать. Одному досталось ухо, и он решил, что слон похож на веер. Тот, что трогал ногу, сказал, что слон – это дерево. Ну, и так далее. Там конечный вывод – каждому известна только часть истины,

чтобы её постичь, нужно сложить все компоненты вместе.

– Вот-вот, – почему-то обрадовалась Тара. – Тут вариантов может быть много. Например, что на той стороне встречаются нас вовсе не родственники, просто некие существа принимают вид тех, кого мы ожидали увидеть в загробном мире, кому доверяем. Ведь умирание – это и так стресс, и важно, чтобы человек увидел нечто знакомое ему, обрадовался. Если почитать того же Моуди, у него далеко не каждый, кто пережил путешествие вне тела, встречал родственников и знакомых. Кто-то сразу видел ангелов, Христа, того, в кого верит.

От длинной речи у Тары пересохло в горле, она отпила глоток чая и продолжила.

– Ещё есть вероятность, что этот родственник уже освободился от очередной инкарнации, или наоборот, ждёт своей очереди родиться вновь. Ведь там время течёт иначе, это нам кажется, что прошло много лет, как человек ушёл. А для него пролетели минуты. Ну и наконец, перерождаются не все. Новая жизнь – это работа над ошибками. А человек уже решил свои проблемы, прошёл уроки и, можно сказать, вырвался из колеса Сансары.

– А вдруг у нас там есть выбор, – предположила Марта. – И можно решить, идёшь ты отрабатывать уроки дальше на Земле, или познаёшь загробный мир с его возможностями дальше.

– Ой, всё! – Ира уронила голову на руки.

– Кажется, мы её загрузили, – заметила Марта.

– Главное, чтобы не поломали, – осторожно сказала Тара. – Ей работать ещё. Обед-то заканчивается.

– Ничего, если Иру уволят, мы её к себе на канал заберём, ведущей. Она в эзотерике теперь точно не хуже нашей Алинки разбирается. И тоже очень красивая, ей даже говорить-то не нужно будет, гости в студии сами всё расскажут, просто чтобы она с ними подольше посидела. Думаю, Самуил Александрович одобрит.

Впрочем, работать предстояло не одной Ире. Марта остаток дня провела в мыслях об этой истории, и оттого с трудом концентрировалась на других задачах. Всё остальное казалось ей не особенно интересным, если сравнивать с тем, что проживала она благодаря Ире и Ульяне. Вспомнились ей Нина с Матвеем. Жаль, рассказ Матвея никак не подтвердился. Но всё равно, им помогли. Тара несколько раз общалась с мальчиком, в результате он смог разобраться в своих ощущениях, больше не путался в реальностях и теперь не выбивался за пределы «нормальности». Мать была рада и этому. Правда, время от времени он всё же с тревогой говорил о том, что необходимо передать Агнии код от сейфа, так как это очень важно. Марта расстраивалась, что не может ему помочь. Теперь она могла свести два этих случая воедино и написать шикарную статью для журнала. И неплохой репортаж получался. Долго она тему прорабатывала, ничего не скажешь, но очень результативно. Тара согласилась вы-

ступить консультантом, дать интервью и приехать на прямой эфир. Ещё парочка людей, называемых в редакции «чудиками» вызвалась поучаствовать, рассказать о прошлых жизнях. Так что, вскоре Марту ожидал триумф. На следующей неделе планировали выпустить эфир, который она чуть ли не в одиночку разработала. И самое главное, она сама будет в студии, вместе с ведущей Алиной! Только вот есть некоторая незавершенность. Марта после перерыва приехала на работу, в сотый раз послушала шутку «А чего ты свой велосипед внутрь не завозишь, а на улице оставляешь?» Рассеянно поулыбалась коллегам, дописала колонку для нового выпуска, грустно посмотрела на недописанный материал об инкарнациях. Отправляясь домой,хватила валявшийся на столе диск из Ангарска. Сама не знала, зачем его взяла, наверное, как символ проекта, артефакт.

Ночью к ней в сон пришёл Пхубу. Точно, четверг наступил.

– Что-то давненько ты не заглядывал, – сварливо поприветствовала старца Марта.

– Дела были. Думаешь, я только скучаю в вечной медитации, и дожидаюсь четверга? – подмигнул ей Учитель.

– Нет, уверена, у вас в Вечности очень весело и много возможностей, – Марта не глядя плюхнулась на пятую точку и попала в кресло-мешок. Преимущества сна. Кресло тут же взмыло вверх, закружилось по комнате.

– Ещё как много, – кивнул Пхубу. – Но и у тебя не меньше,

уж поверь. Телесность даёт немало преимуществ.

– Каких? – заинтересовалась Марта. – Можно молиться в позе лотоса и перебирать чётки настоящими пальцами?

– Точно. Но я вообще-то о радости вкушения пищи говорил, – спокойно изрёк собеседник. – Ну и прочих приятных переживаниях, доступных лишь смертным.

– Ты сегодня несерьёзный какой-то.

– На нас двоих твоей суровости нынче хватит, – в руках у Пхубу появился баскетбольный мяч, а сам старец оказался одетым в спортивные шорты и майку. – Лови!

Он кинул мяч, тот сделал невообразимую дугу и подбил Мартино кресло. Со звуком подбитого самолёта та опустилась на пол.

– Ты, я вижу, бьёшься над решением экзистенциальной задачки? – спросил шустрый дедок.

– Ты о Матвее? Да, ещё как бьюсь. Человек дал адрес, а он неправильный. Там, где должны быть кирпичные многоэтажки, стоит деревянный частный сектор. На месте Дома наук – вообще лес.

– Адрес правильный. И предположение ты один раз сделала по существу. Но допустила ошибку, или даже погрешность, вот ответ и не сошёлся.

– Какую ошибку, Пхубу?

– Время течёт одинаково во всех направлениях, дитя моё. Всё происходит одновременно. Можно поставить точку на любом отрезке оси времени.

И тут Марта проснулась. Её выкинуло из сна так резко, что она ещё продолжала чувствовать под собой рыхлую мягкость кресла-мешка.

– Время течёт во всех направлениях, – произнесла она вслух. – Точно. Это мне и в голову не пришло. Её собственные часы показывали три часа ночи, но разве это могло остановить Марту?

Она кинулась к сумке, отыскала диск. Включила компьютер. Пазл у неё в голове сложился, осталось найти подтверждение. Вот оно! В папке с проектами и планами она нашла нужный документ. До этого только название его видела, не открывала, так как её это не интересовало. Ну же, давай, загружайся! Вот они, предложения по реновации частного сектора. Часть домов находится в ветхом состоянии и вообще этот район портит архитектурный облик города. Среди предложений по застройке Марта увидела схему с многоэтажными домами, стоящими треугольником.

Теперь Дом наук. Да тут есть целая презентация! Предлагалось вырубить часть тайги и построить Научно-исследовательский центр с образовательным уклоном. Название «Дом наук» в презентации не фигурировало, но тема была очень созвучная. А одно из зданий очень было похоже на схему, нарисованную Матвеем. Предполагаемая дата застройки – 2030 год.

Ух, только пять утра. Это сколько ещё ждать, чтобы проверить свои соображения! Собственно, зачем ждать? В Ир-

кутской области уже десять, благословенны часовые пояса. Марта набрала номер телефона Пахомова, который передал для неё этот диск.

– Владлен Тихонович, это Марта. Вы меня помните?

Он помнил. И согласился поговорить о документах на диске. Получалось, что всё это – только предложения, разработки. Их пообещали включить в очередное обсуждение генерального плана города. О своём уже выстраданном, но ещё нерождённом детище архитектор говорил охотно.

– Генпланы обычно на 20 лет утверждаются, не меньше, – вещал Пахомов. – Мы рассчитывали, что наши проектные предложения одобряют и включают в него. Пока этого и не произошло. Но мы надежды не теряем. Может, пригодятся наши разработки лет через 20, а то и 30. Я по недосмотру эту папку на диск скопировал, наверное. Её на общее обозрение нельзя, мало ли, вдруг что-то всё же нам разрешат реализовать, и вырастет эдак через полвека новый район и даже целый научный квартал. Поэтому вы если будете как-то использовать, город не называйте.

Марта пообещала не выносить лишнюю информацию в открытый доступ и подробно расспросила об интересующих её объектах. Удивительно, насколько же всё сходилось! Получалось, что прошлая жизнь Амвросия имела место в будущем! Марта в изнеможении упала на кровать. Вот это открытие!

Едва дождавшись восьми утра, позвонила Таре.

– Извини, что я рано, – начала сходу виниться в трубку.

– Да не рано, я в шесть встаю.

Тут уж Марта заскрипела зубами. Ей столько вытерпеть пришлось, поделиться-то не с кем! Правда, Ольга на работу собирается, можно с ней поговорить, но она не в курсе истории с Матвеем.

Услышав, что раскопала Марта, всегда выдержанная Тара даже присвистнула.

– Вот это поворот! Вселенная не перестаёт нас удивлять!

Через 40 минут они уже встретились на улице, обсуждали новую информацию. Решено было отправиться к Нине, как только будет возможно. Неизвестно, конечно, как она воспримет Мартино открытие, но ведь это не просто на словах, есть вполне реальные доказательства!

– Знаешь ещё что, – сказала Марта под конец разговора. – Придумать бы, как передать код, из-за которого Матвей переживает. Чтобы он мог попасть к Агнии.

– Видишь, в чём проблема, – живо откликнулась Тара, будто давно об этом думала, а не только сегодня утром обо всём узнала. – Мы же не знаем, какой это 63-й год, понимаешь? Вряд ли это 2063. Точнее, мне не хочется в это верить.

Марта произвела в уме простые расчёты и тоже задумалась. Выходит, если Амвросий погиб в 63-м году непонятно какого века в возрасте 32-х лет, то родился он в 31-м. Так как одновременно в двух телах жить нельзя, значит к тому времени Матвея быть не должно. Если речь идёт о нашем

времени, это было бы слишком грустно, да и перерыв между рожденьями наверняка должен существовать, даже если человек из будущего в прошлое перерождается. Это в случае Ульяны исключение было, вряд ли подобное происходит сплошь и рядом. Матвей рассказывал, что дом, в котором жил Амвросий, очень старый и требует ремонта. Мог ли он простоять сотню лет? Или двести? И никто же не знает, когда именно проектные предложения Пахомова и его компании будут включены в генеральный план города. Может, к тому времени новые технологии строительства разработали, и дом спокойно три века может существовать, без особых проблем для жильцов.

– Ты в транс вошла? – поинтересовалась Тара. – Или уснула, после бессонной ночи.

– Нет, не уснула. Я думала. И до меня дошло то, что ты за пять минут сообразила, – призналась Марта.

– Мне положено за пять минут соображать, я же в потоке, – успокоила Тара журналистку.

– Получается, мы не знаем, сколько лет должно будет доставляться наше послание, пока Агния его не прочтает. Да и ход времени нам менять нельзя. Вдруг Амвросий раньше Агнии его найдёт, прочтает и догадается, где погибнет. Спасётся, это изменит и будущее, и прошлое тоже. Потому что тогда Матвей не родится. Мамочки!

– Ну, если ты собралась не просто код от сейфа написать, но ещё и всю эту историю подробно изложить, со схемой го-

рода, то конечно. Так и временной парадокс вызвать недолго и вообще апокалипсис.

– Нет, не буду излагать... Ой, а вдруг он прочитает мой репортаж в журнале, в архивах каких-нибудь, и догадается, что это про него?

– Не переживай, не догадается, – сказала Тара. – Прелесть таких историй в чём? Каждый узнаёт в них себя, но при этом думает, что такие вещи случаются только с кем-то другим. Ну, поздравляю, Марта. Ты закрыла дело!

И верно, можно сказать, это первое её удачно проведённое эзотерическое расследование с ясным результатом.

2.

Егор был на кладбище. Нужно было навести порядок в цветнике на могиле мамы. Раньше он бывал тут чаще, где-то раз в месяц – полтора, разговаривал с ней, поливал цветы, которые ему помогала сажать тётя Далия. А теперь ходил реже. Потому что это стало странно. Нет, с какой стороны ни посмотри, стоять и разговаривать с могильным камнем затея не самая здоровая. Но так многие делают, правда? С тех пор, как он познакомился с Ульяной, прошло около трёх месяцев. И он только сейчас приехал на кладбище. Исключительно для того, чтобы могила не выглядела заброшенной. Правда ли Ирина дочка была воплощением мамы? Он не мог себе ответить на этот вопрос со стопроцентной уверенностью. Но слишком уж она убедительно себя вела. Говорила вещи, которые не могла узнать даже от Иры. Если предположить, что Ирина из какой-то непонятной прихоти решила так страшно разыграть Егора, вряд ли она использовала бы ребёнка. Видно же, как она любит дочь, как судорожно вцепилась в неё, плакала. И взгляд такой не подделаешь, настоящий, материнский. Уж он-то знает, как любящая мать смотрит на своего ребёнка. Нет, как ни сложно поверить, но всё произошло по-настоящему. Тем более, что Егор вполне допускал существование чего-то сверхъестественного. Строго говоря, он его и «сверхъестественным» не считал, только неизучен-

ным. Наука ещё многого не знает и человек находится в постоянном процессе познания реальности. Когда он вдруг решит, что ему известно всё, тут прогресс и остановится.

Все эти три месяца он хотел увидеть девочку вновь, поговорить с ней. Но понимал, что это будет неуместно. Если бы Ира его позвала, предложила пообщаться, он бы с радостью согласился. Но навязываться не решался. Тем более, визит Иры возродил ещё одного призрака. Увидев её, Егор едва сдержался, чтобы не обнять. А ведь они друг другу больше никто. Но в тот момент время вдруг растворилось и прошлого не стало. Хотя прожитые годы давали о себе знать, Ира стала другой, это даже с первого взгляда ему в глаза бросилось. Её красота оформилась, стала ярче, во многом за счёт того, что к очевидной внешней привлекательности примешивалось что-то ещё. Личность? Может быть. А скорее всего, настоящие житейские неурядицы, разочарования, разбитые жизненные идеалы пролились на неё дождём, смывающим чисто внешний глянец и открылось то настоящее, что до этого она безуспешно пыталась показать, отстаивая свои права на ум при «хорошенькой мордашке».

Фу, слюняй, сантименты развёл. Нечего людей с толку сбивать, тем более, у него с Настей всё, кажется, серьёзно, впервые после развода долгие отношения завязались. Через неделю они собрались съезжаться, так что её тоже не хочется обманывать. Поэтому не нужно вмешиваться в жизнь бывшей жены. Да и ей это вряд ли нужно. Когда у него дома она

говорила с отцом девочки по телефону, Егор понял, что пара уже не вместе, но это ничего не меняет. Вряд ли она уже одна, рядом с ней обязательно кто-то есть, чтобы защищать от драконов и приносить мамонта в дом.

Егор поправлял оградку, которая слегка покосилась после сильного ливня, когда услышал позади себя:

– Привет!

И подпрыгнул на месте. Он узнал этот голосок. Девочка, в которой, кажется, теперь жила его мама. Обернулся медленно-медленно. Честно говоря, боялся, что это галлюцинация. Нет, ему улыбалась вполне реальная Ульяна, а рядом неловко переминалась с ноги на ногу не менее настоящая Ира. Видно было, она сама не очень понимает, что здесь делает.

– П-привет, – поздоровался Егор.

– Как здорово, что ты здесь! – радостно сказала Ульяна. – Я тебя давно хотела ещё повидать,

– И я тебя, – машинально ответил Егор. – Вы тут как? Откуда?

– Не поверишь, Ульяна попросилась, – усмехнулась Ирина. – Сказала, хочет посмотреть, где остаются человеческие оболочки.

– Да уж. Не знаю, что и сказать.

– Ты вообще не меняешься, – критически произнесла девочка. – Вечно не знаешь, что сказать, когда можно и не говорить, а действовать.

– С ней это часто? – поинтересовался Егор у Иры.

– Ага. Я привыкла. Поучает через слово.

– Будет очень странно, если я спрошу, можем ли мы иногда видеться? – спросил Егор.

– Будет странно, да, – кивнула Ира. – Но, думаю, можем.

Я же не могу притворяться, что ничего не происходит.

– А раньше могла, – прокомментировала девочка.

– Взрослые меняются и умнеют, – улыбнулась Ирина.

– Да, ты умная! – неожиданно согласилась Ульяна. – И очень хорошая, я знаю. Только иногда бестолковая.

– Уля, маме нельзя говорить, что она бестолковая, – сказала Ира.

– Точно. Извини. Всё время забываю, что теперь это ты – взрослая.

Егор с изумлением наблюдал за их общением. Ира поймала его взгляд.

– Мы с ней как будто притираемся друг к другу, – объяснила она. – Мне кажется, выходит неплохо.

– Да, неплохо, – согласился он. – Хотите, я вас отвезу домой? Ну, если Ульяна уже увидела всё, что ей нужно было?

– Да! – восторженно закричала девочка. – А можно, мы к тебе поедем? Я так по Фифе скучаю. С ней всё хорошо?

– Ульяна! – смущённо попыталась одёрнуть дочь Ирина. – Это невежливо, напрашиваться в гости к Егору.

– Да почему? – он вдруг повеселел. – Я вас приглашаю. Фифа будет рада, ей Ульяна, кажется, понравилась.

– А твоя другая фифа не будет против? – спросила Уля. – Ну, которая к тебе пришла в тот раз.

Егор рассмеялся. Пожилая пара, навещавшая могилку по соседству, осуждающе на него посмотрела.

– Моя другая фифа поехала навестить родителей, сегодня её не будет. Пошли. По дороге в магазин заедем, купим вкусного чего-нибудь.

Ира вздохнула. Явно её мнением эти двое не очень интересовались. Какое чудесное дежавю! Но её это устраивало, если честно. С Егором расставаться не хотелось, а в сложившейся ситуации ей даже не требовалось в этом признаваться. По этому течению плыть было приятно, хотя и абсолютно бесперспективно. В машине Ульяна болтала без умолку.

– А про нас Марта статью написала, и репортаж выпустила по телевизору. Только мама попросила имена поменять, но всё равно здорово получилось. Наверное, ей потом премию дали. Не маме, а Марте конечно же. Там ещё мальчик Матвей был, в статье. Мы с ним подружились, потому что у нас похожие обстоятельства.

– Интересная у тебя жизнь, – сказал Егор.

Ира даже радовалась, что они хорошо общаются между собой, и ей не нужно как-то проявляться. Если описать пережитое ею в двух словах, можно сказать: «Было неловко». Особенно за свои ощущения. Она почти жадно вдыхала аромат Егорова парфюма, и чувствовала, будто домой вернулась. А ведь она соскучилась. Ещё в прошлый раз, после

Улиного побега, это понятно было, когда он ей снится начал. А теперь всё ещё очевидней. Главное, чтобы Егор ничего не заметил. Вообще, строго говоря, пора бы ей уже своей личной жизнью заняться. Мужчины за ней часто ухаживать пытаются, даже наличие ребёнка не всех пугает. Она же со всеми этими проблемами и думать о каких-то отношениях не хотела. Сейчас всё же стало полегче, может, и сходить на свидание-другое? А то, глядишь, и третье даже. Ира пообещала себе, что согласится на первое же предложение попить кофе. Ну, если кандидат в знакомые интересный будет, конечно.

Егор накупил мороженого, печенья, шоколадок. Ире он заплатить не дал, сказал, что мужчина должен угощать всех дам, согласных принять его гостеприимство. Он вообще был в ударе. Дурачился, шутил, почти как раньше, когда они только познакомились. Вместе с Ульяной даже принялись петь песни в машине. Ира собралась было почувствовать себя чужой на их празднике жизни, но быстро передумала. Не ощущалось никак отчуждение. Ей было... нормально. Спокойно и весело. Даже никаких мыслей в скобках. Замечательно они с кладбища возвращаются, ага. Только что салюты не запускают.

Дома у Егора тоже поначалу было неплохо. Ульяна сразу кинулась к кошке, Егор включил приятную музыку. Они пили чай, болтали. Обменивались новостями о старых знакомых, рассказывали, у кого что на работе. В квартире было

множество свидетельств частого пребывания женщины. Ира поняла, что ей это не очень приятно. Да что там «не очень». Категорически! Усмехнулась про себя. Собака на сене, сам не гам и другим не дам. У него жизнь продолжается, это же хорошо. И у неё тоже всё будет, надо уже дать себе свободу. Никто её не удерживает, кроме неё самой. Нам нечего терять, кроме своих оков, хей-хо! Завтра же поставит на смартфон «Тиндер» или как он там называется. Девчонки на работе уже все уши прожужжали, какая чудесная программа, прямо генератор вторых половинок, не иначе. Говорят, даже Игорёк себе там кого-то нашёл, может и правда, потому что он к ней гораздо меньше цепляться стал в последнее время. Хотя её эти цеплялки давно уже не задевают, она научилась отвечать в том же духе, не пугая его интеллектуальными пассажами, а обращая пошловатые намёки против него же. Одно время коллеги даже хихикали: «Ой, ребятки, у вас такая химия происходит!» «Это не химия, это у Игорёши новая туалетная водичка», – успокаивала сослуживцев Ира. Да, собственно, о водичке. К запаху в квартире Егора примешивался чужой аромат, приятный, но всё равно раздражающий. Ульяна, кажется, ничего не замечала. Носилась по комнатам, игралась с вещами Анны Викторовны. Егор подарил ей белые чётки, те самые. Хотя, можно ли сказать «подарил», если вещь принадлежала Ульяне в прошлом воплощении?

– Я сейчас лучше понимаю Анну Викторовну, – призналась Ира, когда они вдвоём сидели на диванчике в гости-

ной. – Многих ошибок я бы сегодня просто не допустила. Жаль, уже слишком поздно.

– Может, и не поздно, – возразил Егор. Как бы невзначай, естественным жестом накрыл ладонь Иры своей, начал склоняться в её сторону.

И тут, по законам жанра, у него зазвонил телефон. Не просто так зазвонил, это был видеозвонок.

– Это Настя! – округлил глаза Егор. – Ты меня извинишь?

– Да, конечно, – Ира сделала вежливое лицо воспитанной леди. То есть, изобразила, будто проглотила кол и он внутри растопырился, словно морской ёж.

Егор подхватил смартфон и выбежал из комнаты. Настя, как оказалось, соскучилась по любимому и желала его лицезреть. Просто голоса было недостаточно.

– Как ты там? – ворковала она, пытаясь заглянуть Егору за спину.

– Хорошо, Насть.

– Чем занимался сегодня?

– К маме на могилку съездил, прибрался. Не был давно.

– Умничка моя, – похвалила его Настя, как ребёнка.

И тут случилось фиаско. В спальню, откуда Егор беседовал со своей девушкой, вбежала стремительная, как болид «Формулы-1», кошка Фифа. А следом за ней не менее быстрая Ульяна. И неминуемо попала в объектив камеры. Да если бы и не попала, её было бы прекрасно слышно, потому что гонки выдались шумными. Странно, что Настя их рань-

ше не услышала.

– Что это такое, Егор? – умильные нотки из голоса новой избранницы исчезли моментально, модуляциями она владела в совершенстве. Собственно, её можно было понять.

– Почему девочка опять у тебя? А где её мама?

– Мама чай пьет перед телевизором, – доложила Ульяна, поймала кошку и убежала. Вот, опять. А ему расхлёбывай.

– Настя, ты ничего не подумай, я Ирину и Улю встретил на кладбище. Они тоже хотели навестить могилу мамы, мы не договаривались.

– Я не понимаю, Егор, – Настя чуть не плакала. – У нас же с тобой всё так хорошо! Мы собираемся жить вместе. А стоит мне уехать, как ты сразу же ведёшь к нам свою бывшую жену! Ведь это даже не твой ребёнок! Или ты меня обманул?

– Не обманул я тебя, Насть, – Егор уже не понимал, как ему выпутаться. – Это правда, чистая случайность. Обещаю, больше такого не повторится.

Много ли вы знаете нелюбопытных женщин? Да и мужчин. Ира к таковым точно не относилась, поэтому, заслышав индейские вопли Ульяны, она тихо вышла из гостиной, встала где-то в середине межкомнатного пространства, и прекрасно слышала весь разговор, начиная с претензий Анастасии.

Опять эти тайны мадридского двора. Вот уж в чём не хотелось участвовать, так в разборках между влюблёнными.

– Котик! Ты от меня совершенно точно что-то скрываешь,

у вас своя история, и ты её не хочешь отпускать, я же вижу!

– Настя, я давно её отпустил. Но пойми, люди могут иногда общаться, это не значит, что они вместе спят.

– При чём тут – спят? Я об этом даже тебе не намекала! Просто сказала, что это странно. Значит, ты с ней ещё и спишь?

– Настя, дорогая, успокойся, никто не спит. Точнее, все спят сами по себе. Дома. И я тоже, тебя жду, чтобы вместе поспать, если захочешь.

– Нам нужно серьёзно поговорить, – сказала Анастасия красивым ледяным голосом, и отключилась.

Егор вышел из спальни, увидел Иру.

– Ты всё слышала, да?

– Да.

Егор растерянно кивнул.

– Ульяш, – позвала Ира. – Нам пора домой собираться. Завтра рано вставать.

Девочка заканючила, ей-то было очень весело, в отличие от взрослых.

– Егор, – сказала она. – Я не хочу ломать твою жизнь. И свою тоже. Думаю, стоит каждому стоит пойти своей дорогой.

Ульяна тихо подошла, встала неподалёку от них.

– И, вот ещё. Вы оба должны знать.

Ира посмотрела по очереди на Ульяну, на Егора.

– Уля, ты этого не вспомнила, но тогда, в прошлой жизни

(господи, неужели я это говорю), ты бросилась перебегать дорогу, потому что увидела меня.

– Да, я же это знаю, – начал Егор.

– Подожди. Ты не всё знаешь. Я была не одна. В тот день мы случайно столкнулись с Петром, в первый раз. Оказалось, что мы работали в одном офисном здании. Мы с ним не встречались до этого втайне, ничего такого. Но Анна Викторовна, видимо, решила именно так.

– Ничего себе, а потом ты за него и замуж вышла, – Егор выглядел не подавленным, раздавленным.

– Да, вот так. Поэтому я себя чувствовала ответственной за гибель твоей мамы.

Егор не мог ничего сказать. Для него это был удар. Зато подала голос Ульяна. Она словно смотрела внутрь себя, в лёгком трансе.

– Надо же, я вспомнила теперь. Я же в торговый центр тогда шла, подарок тебе купить к Новому году. Думала, может помириться получится.

Бумс, нокаут.

– Ну, вот вы и знаете всё теперь, – сказала Ира. Будто узел разрубила. Пути назад не было. Ульяна всё так же задумчиво подала матери руку, они пошли к выходу.

Уже в дверях девочка обернулась.

– Пока, Егорка. Береги себя.

– И ты тоже, – ответил Егор. Он был бледный, словно вся кровь разом отлила куда-то к коленкам. А может и ещё ниже.

Поэтому очень хотелось сесть или даже упасть. Егор толком не понимал, как эта информация пятилетней давности меняет то, что происходит сейчас, но ему определённо всплывшие факты не понравились. Надо всё обдумать, когда он в состоянии будет. Тут он спохватился. Как бы то ни было, гости его, он сам их привёз, надо бы и проводить. Схватил ключи от машины, накинул куртку, бегом скатился по ступенькам, чуть не упал, выскочил на улицу. И успел увидеть, как Ира садится в такси. Она его, кажется, не заметила. Что ж, тем лучше.

***

«Бубенцы, бубенцы
Радостно галдят,
Звон идёт во все концы,
Саночки летят. Хэй!»

Разудалую песенку Марта слышала уже с порога. Исполнение хромало, но звучало искренне и жизнеутверждающе. Пели телевизионщики, под нестройный аккомпанемент Кристины на укулеле. Судя по всему, ноты девушка расставила в свободном порядке.

В Бегемоте было весело, витал дух Рождества, Нового года и всех зимних праздников сразу. Марта в приподнятом настроении зашла в офис.

– Эй, а где твой самокат?

Сегодня даже привычная шутка звучала как-то мило. Но-

вый год скоро, и этим всё сказано. Все горшечные растения были наряжены в мишуру и серпантин. Часть сотрудников нацепила красные шапочки. В них, правда, было жарко.

– Наконец-то сотрудники у нас трудятся в поте лица, – прокомментировал новогоднюю моду Самуил Александрович.

– Что у тебя сегодня, Марусь, – поинтересовался начальник, встретив её в дверях редакции. – Смотрю, глаза красные. Ночь не спала, или по любимому рыдала?

– Линза, – сдерживая холодную ярость воспоминания, хмыкнула Марта.

– Понимаю, сам мучаюсь. Как с делами-то? Накопала что-нибудь интересненькое?

После расследования о прошлых жизни личный рейтинг Марты взлетел до небес. Пончиков на неё теперь хватало всегда, а ещё у них сейчас не было дефицита «обратной связи». Большая часть писем и звонков, конечно, отфильтровывалась и выбрасывалась. Но попадались интересные истории, которые превращались в очень занимательные статьи и сюжеты. А Марта, окончательно уверовавшая в правоту своего дела, будто на крыльях летала. И прикидывала, сколько томов у неё будет в мемуарах, когда она достаточно состарится для их написания. Можно даже со скутера на что-то другое пересесть, и без него достаточно образно и необычно её жизнь вырисовывается.

– Нашла «нехорошую квартиру», – отозвалась Марта.

– Это избитый сюжет, – поморщился Вельзевул. – Сейчас хорошую квартиру днём с огнём не сыщешь, экология, геопатогенные зоны, геомагнитные бури, так сказать, располагают к различным отклонениям.

– Там интересно! Квартира прямо очень нехорошая, ну совсем бяка.

– Чудеса, леший бродит и русалка на ветвях сидит? – саркастически изогнул бровь шеф.

– Именно, – кивнула Марта. – Хозяева камеру видеонаблюдения поставили. После того, как посмотрели запись, что без них дома делается, другую квартиру себе сняли. Так что для них это точно не фейк.

– Может, они настолько рассчитывают прославиться, что не пожалели денег на съём?

– Я это выясню, – пообещала Марта. – Но у нас точно будет видео.

– Добро! – кивнул Самуил. – Занимайся.

Марта отправилась на своё рабочее место. В редакции царил дух Рождества. В буквальном смысле дух. Пахло корицей, кардамоном, и прочими приправами, которые символизируют приход Санта Клауса и Деда Мороза. Ароматические палочки всех мастей курились на столах творческих сотрудников.

Марта оглушительно чихнула от такой смеси запахов.

– И тебе доброе утро, – кивнул Марат.

– Зато насморка не будет, – философски прокомментировала Мартины дыхательные затруднения верстальщица Надя. – У меня вот уже нет. Ароматерапия! Напиши про это как-нибудь.

– Уже писала, – сообщила Марта, усаживаясь за свой стол.

– Ну вот, а свой аромат выхлопных газов от двухколёсного пылесоса на цветочный сменить никак не догадаешься. Нам приходится редакцию обрабатывать каждый раз, – это встрял дизайнер Рома.

– Вот не надо ля-ля! – Марта оскорбилась. Но на всякий случай понюхала свой рукав. Ничем таким от неё не пахло. Тем более, верхнюю одежду она сняла, не в куртке же на работе сидеть.

– Ты ему просто нравишься, а он по-нормальному сказать не умеет, – голосом ябеды проблеяла Надя. Тут же в неё прилетел нарядный резиновый мячик, выполненный в виде ёлочной игрушки.

– Дети, – возвёл глаза к потолку Марат. – Вы же знаете, что Марту я никому не отдам, поскольку сам по ней страдаю долгие годы.

– Да ну вас нафиг, – подытожила Марта. И наушники надела, чтобы этих дураков не слышать. Но включить она ничего не успела, потому что где-то недалеко раздался грохот и страшный крик.

– Сволочь! Я тебя сейчас порешу!

И снова грохот, звуки ударов. Все вскочили, недоумён-

но посмотрели друг на друга, и побежали к двери, едва не толкаясь. Трагедия происходила в телевизионной редакции. Там вообще всегда было всё самое интересное, чего уж там.

Съёмочная группа готовилась к выезду, поэтому посреди помещения стояли сумки с оборудованием. А возле них была настоящая драка. Один мужчина повалил другого и сосредоточенно колошматил его кулаками по голове.

– Разнимите их скорее, – кричали девушки. Кто-то уже вызывал полицию, и на всякий случай скорую помощь.

На шум прибежал Самуил, застыл, глядя на происходящее непотребство. А Марта просто примёрзла к полу, когда узнала участников спарринга. Профессор Арсений Ильич Пруфов, собственной персоной, сидел верхом на операторе Васе и достаточно грубо его избивал. Вася повизгивал, но встать никак не мог, только пытался прикрыть лицо ладонями, но как-то вяленько.

– Ты что наделал, гад? – выкрикивал Арсений. – Ты же жизнь ей сломал, урод!

Кому сломал жизнь Вася, выяснилось, когда профессора удалось оттащить от жертвы. Вася отплёвывался зубами, вытирал салфеткой кровь, текущую из носа, и молчал. Арсений же, будучи в шоке, наоборот, был настроен вещать. Его рассказ, щедро разбавленный матом и слезами, был исчерпывающим. Оказывается, Вася вешал Марте на уши лапшу, когда просил его прикрыть. Якобы, он зависает по ночам с друзьями. Нет, друзья были, но пропал он не только с ними. В

тот вечер, когда Марта и Вася вместе с профессором ездили встречать племянницу Галю, в машине зародились запретные чувства. Между женатым оператором Васей, 37 лет отроду, и юной студенткой европейского вуза Галей вспыхнула искра, которую в полумраке автомобильного салона никто больше не разглядел. Они незаметно для остальных обменялись номерами телефонов, затем списались. Завязался роман, сначала виртуальный. Галя погостила у родни, потом отбыла в свою Европу, получать престижную профессию дальше. Но впереди были каникулы, девушка вернулась на родину, и чувства на расстоянии, как оказалось, не ослабели. Они начали встречаться уже по-настоящему. Тогда Вася начал пропадать ночами. А недавно выяснилось, что Галя вылетела из своего университета, или где она там училась, но родители об этом даже не сразу узнали. Галя жила в Австрии с папой, мама же после развода осталась в Москве. Училась она в другом городе, и когда оба родителя думали, что дочь постигает знания в своём вузе, она была в Москве, дважды приезжала тайно. Разумеется, правда через какое-то время всплыла, скандал разразился впечатляющий, и Галочка со слезами уехала в российскую столицу уже в открытую. Почему подающая надежды студентка так бездарно профукала возможность получить хорошее образование, родители не понимали.

А потом произошло самое ужасное. Галя в состоянии

сильного алкогольного опьянения попала в больницу. По версии врачей, она пыталась покончить с собой. Кроме того, у неё был выкидыш.

Придя в себя, девушка призналась, что у неё есть женатый любовник, к которому она и сбегала. Когда она ему сообщила о ребёнке, возлюбленный ответственность нести отказался, сказал, что никогда ничего ей не обещал, разводиться не собирается, и вообще это всё было ошибкой, потому что жена – это его истинная родственная душа. Непьющая до встречи с Васей Галя в тот вечер отправилась в бар, где залила в себя всё, что смогла. А потом пошла бросаться с моста, но неудачно. Поскольку координации у неё уже почти не было, она не смогла забраться на перила, и упала не с той стороны парашюта, с какой планировала. Жива она осталась, но получила травмы.

Имя женатого любовника Арсений выбивал из племянницы лично. А когда добился результата, то завыл на всё больничное отделение. Выбежал из больницы, чудом не врезался ни в кого по дороге, доехал до студии и чуть ли не разорвал обидчика. Судя по всему, у Васи сломана челюсть, выбито два зуба. Возможно, было и сотрясение мозга. Незадачливого любовника увезли на скорой, а мстителя забрала полиция.

– Господи, что же дальше-то будет? – растерянно спрашивала Маша, шеф-редактор

«Следов пришельцев».

– Васе – ничего. Галя, насколько я понимаю, совершенно-

летняя, – сухо ответил Самуил Александрович. – А вот профессора могут и посадить. Если Вася не поможет ему этого избежать. Постараюсь на него повлиять, чтобы он не выдвигал претензий.

– Не согласна я, что ему ничего не будет, – хмыкнула Марта. – Ему Женя будет. По полной. Боюсь, ещё пара травм средней тяжести парню грозит, но он заслужил. Я бы и сама ему приложила от души, надо же, какой козёл оказался.

– Вот и беда, – тихо сказала Алина. Она стояла в стороне, непривычно тихая. – Помните, тот мужчина из Барнаула, Коля кажется. Он говорил – будет беда, если Арсений поедет встречать Галю. Ему так призрак тётушки сообщил.

– Точно, – согласилась Марта. – Действительно, беда случилась. Только вот если бы не это предсказание, мы бы с Васей в аэропорт не поехали, они с Галей бы не встретились. И ничего бы этого не было.

– Парадокс, – прокомментировал Самуил. – Вся эзотерика полна парадоксов. Тебе ли, Марта, не знать?

Новогоднее настроение было потеряно. Жаль Галю, жаль Арсения. Не жаль, пожалуй, только Васю.

***

Марте словно крылья подрезали. Она получила ещё одно свидетельство существования сверхъестественного, но ценной человеческих страданий. Того, что случилось с Галей и Арсением уже никак не исправить. Даже если профессора удастся спасти от тюрьмы, всё произошедшее останется. Оно

будет записано в памяти и организмах участников. Шрамами, болезнями, паническими атаками, надломленными отношениями.

– Что скажешь, Пхубу? – Марта спала, была четверговая ночь, старца пока видно не было, но она знала, что он где-то рядом. Не мог он не прийти в такой важный и тяжёлый период её жизни.

И не ошиблась. Пустота заговорила с ней бодрым голосом мудреца.

– Я скажу, что все мы проходим свои уроки.

– Уроки? Чего такого успела натворить девятнадцатилетняя девчонка, чтобы с ней так поступили? Или ты мне сейчас расскажешь о прошлых жизнях и карме?

– Зачем мне говорить то, что ты сама озвучила?

Пхубу всё же появился, сел рядом с Мартой. Они перенеслись в тихую беседку на берегу какого-то живописного водоёма.

– Я не понимаю эту вашу карму, – ворчливо сказала журналистка. – Люди несут наказание за то, о чём даже не помнят! Где справедливость?

– А что насчет рая и ада, где за один неправильно прожитый на Земле миг ты вечность пожинаешь плоды?

– Ну, не за миг, – запротестовала Марта. – Это здорово накосячить надо, чтобы в адский котёл попасть.

– Давай прекратим теологический спор, – предложил Пхубу. – Этим мироздание не изменишь. У нас с тобой очень

разное представление о том, что можно считать мигом. Дело в том, что ты винишь себя во всём произошедшем, так?

– Так. Если бы я не пыталась сгладить неудачный эфир, не напросилась с Арсением в аэропорт, то этого бы не случилось!

– Ты слишком много на себя берёшь, это гордынюшка, – зацокал языком Ринпоче.

– Гордынюшка... ты говоришь как глянцевого коуча с женского тренинга.

– Извини. Но ты правда переоцениваешь собственное влияние на жизнь других людей. Предположим, предсказание верное, и беда бы произошла, при условии, что Арсений едет встречать племянницу.

Пхубу щёлкнул пальцем и прямо перед собой Марта увидела профессора в образе Ильи Муромца, стоящего на распутье перед камнем. На валуне были выбиты надписи: «Поедешь в аэропорт – в беду попадёшь. Останешься дома – лиха избежишь».

– Очень смешно, – фыркнула Марта.

– Ты не думаешь, что если бы он поехал без вас, то попал бы в ту аварию?

– Может быть.

– Просто была бы другая беда. Но была бы. С другой стороны, есть судьба самой Гали. Она могла встретить Васю или подобного ему, где-то ещё. Не в этой машине. Тогда, формально, у тебя руки были бы чисты. Пойми, угрызениями

совести ты не поможешь никому. Всё уже случилось. Извлеки и ты урок. Если впереди препятствие, не стоит на него кидаться. Будь осознанней. И ещё. Никогда не предсказывай будущее, даже если покажется, что ты его увидела. А теперь извини, мне нужно идти. Дела!

И он исчез. Марта осталась одна. Вид с беседкой и рекой выключился, она очутилась в пустой редакции «Портала».

– Что я здесь делаю? Лучше проснусь.

Открыла глаза, поняла, что ей стало чуть легче. Великая вещь – подсознание.

***

Новый год Егор встречал один. Это если Фифу не считать, конечно. Кошку, а не Настю, которую Ульяна тоже «фифой» звала. С Анастасией они расстались почти сразу после той ссоры по видеосвязи. Она вернулась из родительского дома, пришла разбираться. Высказала все свои сомнения: что отношения они с Ирой поддерживают, и в разводе та, потому что ребёнка родила от Егора, а муж её это понял и из дома выгнал. И если он сейчас ей правду не скажет, то лучше им не съезжаться тогда, и серьезные планы на совместную жизнь не строить.

Егор её внимательно выслушал, не перебил ни разу. Настю ведь тоже можно понять, кто в такие совпадения поверит? Если она два раза заставала у него дома ни с того ни с сего бывшую с ребёнком, как быть уверенной, что это всё

случайно произошло, и вообще, больше такого никогда и не было? Поэтому он в ответ не скандалил.

– Извини, – сказал. – Нет, Ульяна – не моя дочь, и я тебе не врал. Но, думаю, честнее будет нам вместе жить не начинать. Прости, не тот я человек.

Настя, услышав этот мужской интернационал «дело не в тебе, это я тебя недостоин», немало разозлилась. И спросила напролом:

– Ты что, любишь её до сих пор, бывшую свою?

Егор задумался, потом кивнул осторожно:

– Да, так и есть. Вместе мы теперь с ней наверняка не будем, я пока об этом и думать не хочу. Но и тебя обманывать смысла не вижу.

– Дурак ты, Егор, – сообщила ему Настя. – Забыл бы о ней, и жил спокойно. Я себя тоже не на помойке нашла, так что, пострадаю немного и перестану.

Рассудительная девушка. Собрала вещи, которые потихоньку уже начали распространяться по его квартире, ушла. Так закончилась их такая перспективная, казалось бы, связь.

С тех пор прошло несколько месяцев, Егор ни разу не звонил, не писал Ирине. Её признание на пороге квартиры оказалось очень тяжело принять. Он ведь думал, что со вторым мужем Ира встретилась уже после развода. А оно вон как оказалось, ещё и последнее, что мама видела перед смертью – её невестка рядом с другим мужчиной. И ведь явно они не просто друг другу рукой махали в приветствии

в этот момент. Маму он хорошо знал, она, конечно, была очень вспыльчивой, могла прийти чуть ли не в бешенство, когда что-то не соответствовало её представлениям о здравом смысле. Но уж совершенно точно, увидев у бизнес-центра невестку, которая просто с кем-то разговаривает, она бы не возмутилась до такой степени, чтобы через дорогу бежать, не глядя. Так что чего-то не договаривает Ирина. Говорят, любовь живёт три года. Наверное, всё дело в том, что у них и не было трёх спокойных лет ни подряд, ни суммарно. Конфетно-букетные отношения в расчёт не берём, они слишком далеки от реальной супружеской жизни. Он всё ещё думал о ней, несмотря на то, что не доверял.

В этот праздник у него было несколько предложений, куда пойти. Даже сам подумывал кого-нибудь пригласить. Грандиозных выездов с компанией они не планировали, у двоих ребят из их «сообщества» жёны были на сносях.

А меньше чем за неделю до каникул Егор подхватил простуду и решил не заражать никого, и встретить Новый год дома, в тишине. Относительной, конечно, тишине, потому что уже часов с пяти вечера за окном началась канонада и Фифа выразила своё отношение к грохоту, демонстративно забравшись под кровать. Наверное, он взрослеет, а то и вообще стареет. Потому что одинокий вечер ему даже нравился. Лежишь себе у телевизора, кашляешь, потягиваешь глинтвейн, временами температуру измеряешь. Нет причин для трагедии, подумаешь, Новый год. Вот выздоровеет к Рожде-

ству, глядишь, поедет на пару деньков с друзьями в загородный отель с лыжной трассой, красота. Ближе к полуночи оптимизм его начал слабеть, захотелось с кем-то поговорить. С кем-то. Он прекрасно понимал, с кем. То ли глинтвейн его размягчил, то ли сентиментальное кино по телевизору, но он взял со стеклянного столика телефон и набрал по видеосвязи Ирину. Почти не задумываясь, зачем делает это. Только надеялся, что за эти годы она не сменила номер.

Ира с трудом услышала звонок, вокруг было очень шумно, будто она с ротой солдат на параде праздник встречала, а не в тесной девичьей компании. Номер не из списка контактов, хотя цифры очень знакомые. Провела пальцем по экрану вверх, в окошечке появился Егор. С красным носом. Видимо болеет, если не решил для образа Деда Мороза загримироваться.

– Ой, – вырвалось у неё.

– Привет, с наступающим, – улыбнулся он. – Вот, решил вас поздравить. Мимо пронеслась хохочущая Ольга, заглянула через плечо Ире, узнала, помахала рукой.

– С наступающим, Егор!

Тут же откуда-то проявилось лицо Марты.

– Здравствуйте, с праздником.

– У вас там вечеринка?

– Ага. Эзотерическая, – подтвердила Марта, – у нас тут ещё гипнолог-психолог салаты рубит на кухне.

– Вы осторожнее с этими салатами, – посоветовал Егор.

Ольга и Марта, пятясь задом, утянулись вон из комнаты, оставив Иру наедине с собеседником.

– Ты какой-то простывший, – заметила Ира.

– Ага. Сижу дома, лечусь.

– От Ульяны тебе привет, она о тебе спрашивала, скучает.

– Она... помнит ещё? Ты мне тогда говорила, что может забыть всё через какое-то время.

– Помнит, да. Правда, уже не так остро, как-то по-детски больше, без экстрима. Хочешь с ней поговорить? Она тоже здесь, на кухне Таре помогает.

– Поговорить? – Егор, вроде бы, даже удивился, словно не ожидал такого предложения. – Если ты не возражаешь, да. Я бы её поздравил.

Ира выглянула из комнаты, крикнула Ульяну, сразу слышался топот маленьких ножек. Девочка влетела, что-то тараторя на бегу. На голове у неё была звезда, похоже, что с ёлки.

– Ульяш, тебя Егор хочет поздравить.

– Егooooор? – в голосе девочки был чисто детский восторг. Она, вроде бы и помнила его, но уже не совсем понимала, почему.

Ира сунула телефон в руки девочки, сказала:

– Общайтесь, я сейчас приду, забыла кое-что.

И вышла.

– Привет! – радостно закричала Ульяна. – Я так скучала по тебе. Жалко, что мы больше не видимся.

– И мне жалко.

– Как там моя кошка?

– Фифа? В порядке она.

– Передавай от меня приветы девочкам. Далии и старой занозе Степановне.

Надо же, помнит всё-таки людей из прошлой жизни.

– Ульяна, я думаю, это их напугает.

– А, точно! Я не подумала что-то, – девочка расхохоталась. А потом сделала серьёзное лицо.

– Знаешь, ты не сердись на маму, ладно.

– А почему ты думаешь, что я сержусь?

– Ну, я тоже на неё злилась тогда. Когда дорогу переходила. Она же тебе рассказывала, что была с папой.

– Да, конечно, помню.

– Я же потом тоже всё вспомнила.

– А почему ты разозлилась? – Егор не смог удержаться от вопроса. Может, это неправильно, но не смог.

– Да потому что они обнимались. Он её обхватил обеими руками, а она за него держалась и смеялась.

– Ясно.

Егор не знал, что сказать. Они стояли в обнимку, а потом вдруг начали встречаться и поженились. Замечательное совпадение, куда уж их встрече на кладбище до такой случайности! Понятно, что показания Ульяны нельзя считать документальными свидетельствами, но до этого-то всё совпадало.

Ирина вернулась в комнату, весёлая, глаза светятся.

– Ну, как тут у вас?

– Всё хорошо. С Новым годом, Егорка!

– С Новым годом, Ульяна.

– Егор, ты в порядке, тебе не плохо там? – Ира заглянула в телефон. – Температуры нет?

– Нет, всё в порядке, спасибо. Ну, вы празднуйте, я просто поздравить хотел.

Егор через силу улыбнулся.

– Захочешь, звони нам, может сходим вместе в парке погуляем, – предложила вдруг девочка.

Ира немного смутилась, но поддержала:

– Да, конечно, будем рады.

Егор пообещал подумать, передал всем привет и скомкано попрощался.

– Странный он какой-то, – задумчиво сказала Ира. – Ну да ладно, пойдём к остальным.

Праздник они отмечали дома у Ольги и Марты. Их третья соседка уехала на все каникулы к родителям. Ульяна была единственным ребёнком, но не чувствовала себя лишней, ей было вполне весело. Да и все остальные, кроме Иры, не относились к ней, как малышке. И хотели бы, да уже не получалось.

До Нового года оставалось полтора часа, а у них ещё стол не до конца накрыт. Ира бросилась помогать.

– Как неожиданно, что он позвонил, да? – тихо спросила

у неё Ольга.

– Угу. Наверняка, хотел с Ульяной поговорить. Чувствует в ней родственную душу. Ты же знаешь, он всегда мамсиком был.

Тут подруги услышали всхлипы. Оказалось, Ульяна стояла рядом и всё слышала.

– Солнышко, – Ирина бросилась к дочери. – Извини. Я не хотела сказать о Егоре плохо. Да, у него с мамой всегда были очень хорошие отношения. Давай, ты тоже моим мамсиком сейчас побудешь, я тебя на ручках покачаю. Только не обижайся, ладно?

– Я не обижаюсь, мамочка, – Ульяна уткнула мокрую от слёз мордашку ей в плечо. – Я, наверное, Егора огорчила и тебя подвела.

– Как? – не поняла Ира, но перед глазами у неё всплыло странное выражение Егорова лица, когда она зашла в комнату.

– Я ему сказала, что вспомнила, как увидела вас с папой через дорогу, и вы с ним обнимались.

Ольга и Ира переглянулись. У Ольги непроизвольно вырвалось нелитературное выражение.

– Оль! Ребенок же! – как-то вяло возмутилась Ира.

– Ты не сердисься, мама? – Ульяна смотрела ей в глаза.

– Что ты, сладкая, – Ира взяла лицо девочки в свои ладони, чмокнула в нос.

– Ни о чём не жалею, ты не виновата. Ты же сказала, что

на самом деле видела?

Ульяна кивнула.

– Ну вот и всё. Беги, возьми конфетку у Тары.

Девочка заулыбалась и пошла за сладостями.

– И что теперь? – спросила Ольга.

– А ничего, – спокойно ответила Ирина. – Встречаем Новый год и веселимся. Не буду же я ему сейчас, да или потом звонить с объяснениями. Представляешь, как это будет выглядеть?

– Так-то да, – согласилась подруга. – Я бы не поверила на его месте. Но обидно.

– Ну, что делать. Я и это переживу.

Подруги расселись в комнате Ольги, у той был большой смарт-телевизор. Марта уже оккупировала его чуть раньше, и смотрела какой-то малоизвестный канал. Там рассказывали о заброшенной тибетской деревушке при таком же заброшенном монастыре. Группа монахов с почётом вытаскивала из какого-то подземного укрытия большой прозрачный короб. А диктор вещал:

– Это тайное укрытие оберегалось последователями учителя в течение пятидесяти лет. Собственно, деревня была построена, чтобы совершать ритуалы, и блюсти покой гуру. Последователи охраняли святыню от чужаков, никому не позволяя приблизиться к усыпальнице. Но сегодня, согласно завещанию основателя монастыря, пришло время приот-

крыть покров тайны и извлечь тело на поверхность.

– Марь, – ты нам потом дашь музыку послушать, что-нибудь праздничное посмотреть? – спросила Ольга. – А то твоих далай-лам с покрывами тайн не очень по-новогоднему будет.

– Ага, конечно, девочки, сейчас, переключим, – спохватилась Марта. И вдруг застыла, глядя на экран, как загнипнотизированная. У неё, кажется, волосы дыбом встали и слегка зашевелились.

– Я... я его знаю, – выдавила она.

– Кого?

– Дядечку в стеклянной коробке.

Теперь уже все, включая Ульяну, уставились в телевизор. Там крупным планом показывали иссушенного временем старца, сидящего в позе лотоса внутри огромного стеклянного прямоугольника. Одежда на нём почти истлела, но сам человек был похож, скорее, на статую. Никаких следов разложения, пятен на лице. Он, казалось спал или медитировал.

– На табличке, помещённой рядом с телом, указано, что это великий учитель четверга. Почему четверга? Мы пока ещё не знаем. Возможно, именно в этот день недели его поместили в подземное укрытие, где Ринпоче погрузился в свою вечную медитацию. По завету великого мастера его положено извлечь на поверхность именно сегодня. Последователи верят, что он не умер, а пребывает в нирване, в то время

как брeнное тело сидит в одной позе, душа совершает астральное путешествие, не зная преград.

Ученики ждут, что старец вот-вот очнётся от сна, в который погрузился полвека назад.

– Он не учитель четверга, – сказала Марта будто в трансe. – Его зовут Четверг. Пхубу.

– Отличный вечерок у нас сегодня, – сделала вывод Ольга. – Давайте праздновать уже. И пусть этот год на нас не обижается, уходит с миром.

3.

Ульяне исполнилось пять. Отмечали первый юбилей в детском игровом центре. Приглашены были четверо подружек из детского сада. Сам день рождения приходился на среду, празднование перенесли на субботу. Ещё был Матвей, коллега Ули по опыту воспоминаний прошлой жизни. Для взрослых организовали отдельный стол. Родители оставили детей развлекаться с аниматором и уехали на два часа, заниматься своими делами. Так что, за взрослым столом сидели только подруги Ирины.

– А у меня сюрприз, – сообщила Ольга. – В нашу квартиру опять требуется новая соседка.

– Судя по тому, как ты это сказала, на этот раз это больше чем «выход замуж из той самой комнаты», – предположила Ира. – Съезжаешь ты.

– Ага, – Ольга искрилась, складывалось ощущение, что она сейчас воспарит над столом и разделится на несколько праздничных фейерверков.

– Квартиру покупаю наконец-то. Так что, скоро позову вас на новоселье. Марта в нашей трёшке останется за старшую, уже ищем с ней мне замену.

– Тебя не заменишь, – вежливо вставила Марта, которая тоже присутствовала на детском празднике. После эфира приехала. Судя по выражению лица, с которым журналистка

наблюдала за весельем именинницы и её компании, она и сама бы не прочь была находиться среди детворы. Настроение у неё тоже было отличное, Самуил наконец-то официально разрешил ей заняться проектом, о котором она мечтала, с анонимным посещением магов и целителей. Она уже созвонилась с парочкой подходящих кандидатур.

– Какая же ты молодец, Оля. Вот что значит, поставить цель и идти к ней, не сворачивая, давай за тебя выпьем! – обрадовалась Ира.

– Мы же в детском центре! – почему-то оскорбилась Ольга.

– Тссс. У меня бутылка шампанского в сумке. Это вообще и мой праздник тоже, я же Ульяну рожала, если что.

– Ты – идеальная мать и подруга, – оценила Марта.

Они чокнулись пластиковыми стаканчиками, за этим их и застал Пётр. Он пришёл поздравить дочку. Чуть поодаль крутился Стёпка.

– Отправляй его к остальной компании, – кивнула Ира. Мальчишка с радостью кинулся в детскую кучу-малу. Правда, именинницу на время пришлось из неё извлечь, чтобы она приняла отцовские поздравления.

Петра вежливо усадили за стол, дали пиццы и кусок торта. Мужчина похудел, за счёт этого выглядел подтянутым. Борода его стала значительно короче, видимо, за такой было легче ухаживать. Но всё равно, подстрижена по трафарету. Следит человек за собой, но всё одно видно, жизнь по

нему хорошо прошла, не расслабишься лишний раз. Вот и сейчас он периодически поглядывал на часы. Но раньше времени не убежал, позировал, как положено, с именинницей, дождался, когда вынесут именной торт, полыхающий во все стороны декоративными фонтанами.

– Спасибо, что пришёл, папа, – Ульяна чмокнула отца в идеально очерченную линию бороды и вернулась к играм.

Марта задумчиво наблюдала за детской кучей-малой, угадывая в ней вихры Матвея и бантики Ульяны.

– Матвей, это же тот мальчик из будущего? – спросила Ольга.

– Ага, – кивнула Марта. – Офигенно вышло, правда? Мне до сих пор звонят и пишут исследователи феномена прошлой жизни. Одни упрашивают свести их с ребёнком и его мамой, а другие обвиняют в мистификации. Мол, такого не бывает, потому что в их практике не встречалось.

– Ничего себе! – фыркнула Ольга. – Исследователи паранормальных явлений выдвигают претензии по поводу правдоподобности. Или наоборот, неправдоподобности? Как правильно?

– Да шут его знает, как, – задумалась Марта.

С Матвеем и правда необычно получилось, даже по эзотерическим меркам. Узнав, что его воспоминания относятся не к прошлому, а будущему, мальчик пришёл в полный восторг. Марта тогда вдохновилась не на шутку, так и рва-

лась его расспросить, что же будет в далёком две тысячи каком-то там шестьдесят третьем. Победят ли рак, появятся ли новые неизвестные пока болезни? Снимут ли что-то, достойное перебить «Игру престолов»? Хотя нет, это не так важно. Возможно, к тому времени человечество активно займётся освоением Марса, выяснит устройство вселенной и докажет существование загробной жизни. Матвей и сам вдруг начал вспоминать что-то интересное и очень технологичное. Рассказывал о приборах, явно из будущего. Даже делал зарисовки. Однажды подробно описал устройство в виде крошечной кнопочки, которое приклеивается за ушной раковиной и позволяет расшифровывать сигналы мозга и переводить их в команды для любой техники, начиная с чайника и заканчивая автомобилем. «Это сначала придумали для больных людей, ну, которые двигаться почему-то не могут. В аварию попали или у них инсульт был. И они с помощью клипсы могли выражать свои мысли, тексты на компьютере писать. А потом это понравилось вообще всем, потому что люди очень любят лениться, чем дальше, тем больше».

Тара попытки расспросить ребёнка о тайнах грядущего пресекла с несвойственной её до того жёсткостью. «Не рви полотно времени!» – сказала она. Марта попробовала было действовать её же аргументами. Мол, ты сама же говорила, что к запрещённым тайнам даже прикоснуться невозможно, а раз информация оказалась практически в свободном доступе, то можно. Тара ответила, что попытка хорошая, но всё

же лучше не рисковать.

– Я думаю, информация, которая навсегда останется у Матвея в подсознании, должна послужить другой цели, – сказала она. – Мальчик вырастет, станет изобретателем и продвинет наши технологии на новый уровень. Может быть, так и делается большинство открытий. Люди, жившие много лет вперёд, возрождаются здесь и применяют привычные им там знания.

– Вау! Без будущего нет настоящего и прошлого! – восхитилась Марта и от Матвея отстала. Возможно и правда, не стоит заглядывать слишком вперёд и стать той самой бабочкой, которая неудачно взмахнёт своим расписным крылышком, устраивая мировую катастрофу.

– Да, бабочка из тебя, прямо скажем, неадекватная бы получилась, – кивнула Тара. Она вообще выражала свои мысли так, что не поймёшь, шутит или всерьёз считает. Но Марта не обижалась. Они сдружились и наметили пару совместных расследований. Это было удобно, поскольку Тара не работала за деньги, как эзотерик, что делало её в глазах Марты особенной.

Усталые и взмокшие дети расходились по домам, забирая с собой надутые гелием шарики.

Ольга предложила помочь с доставкой подарков. Вызвали такси, погрузились в машину. Ульяна клевала носом, того гляди, уснёт, не доехав до дома. Телефон Ирины пискнул. Пришло сообщение от Егора: «Хочу поздравить Улья-

ну с днём рождения. Можно?» Ира пожала плечами, ответила: «Можно. Мы едем домой». Скинула ему адрес. После Нового года он, разумеется, не звонил. Ира его понимала, представляла, что он о ней думает. Ну, и что поделывать, сама дурака сваяляла. Рассказывать, так сразу обо всём, зачем эти тайны были. Теперь уж какое доверие может быть. Жаль, что с «Тиндером» у неё так и не сложилось. Несколько раз пробовала там переписываться с людьми, даже созванивались с некоторыми, с одним на свидание сходила. Но дальше этого не пошло. Скучно ей с ними. Да и вдруг поняла, что не хочет тратить время на непонятных, чужих людей. А может быть и зря. Сейчас бы легче воспринимала это недоверие и, возможно, презрение от Егора. Был бы надёжный тыл за спиной, чувствовала бы себя уверенней. А впрочем, ерунда это всё. Как ей Марта однажды сказала: «Придёт весна, и цветы распустятся сами». Это выражение она наверняка узнала от своего сушёного мудреца. Всему своё время.

Ульяну пришлось тормозить, чтобы она вылезла из такси, но без толку. Задремала, всё-таки, от избытка эмоций и активности. Ирина сдалась и сама вытащила её из салона. Хорошо, Ольга рядом, освободила багажник от пакетов с подарками.

– Давай, ты Улю тащи, а я её вещички.

– Не дотащу, – вздохнула Ира, – она же большая девочка уже, боюсь уронить. Придётся её тут, на лавочке будить.

– Я возьму, – это Егор подошёл, поставил на скамейку па-

кет с подарком, протянул руки, очень аккуратно взял Ульяну. Та открыла глаза, увидела его, прижалась крепче.

Ира заметила, как Ольга подаёт ей знаки за спиной у Егора. Что-то типа – бросай Улю и уходи. С ума она сошла, что ли?

Втроём они справились, внесли в квартиру всё разом. Егор положил девочку на кровать, от чего та, естественно, проснулась.

Ольга вытащила подругу за руку, увела на кухню.

– Оставляйте Ульяну на меня, я посижу. А вы идите отсюда, куда подальше. Поговорите, наконец! Если надо, хоть до утра разговаривайте. У меня и зубная щётка с собой есть.

– Ты обалдела, мать? – поинтересовалась Ира. – Егор приехал Ульяну поздравить, вон, как раз подарок ей вручает, пока ты тут планы строишь. Погоди... а ты всегда на детские праздники с собой зубную щётку берёшь? Или планировала после дня рождения к своему Кеше ехать с ночевкой?

С Иннокентием Ольга начала встречаться месяц назад, и в компанию подруг пока официально не вводила, но все о нём знали.

– Нет, за меня не волнуйся. Мои планы не сорвутся, никуда я не собиралась.

– Это я её попросил.

Егор почему-то тоже уже был в кухне.

– Я действительно хочу поговорить, и Ольга согласилась посодействовать с твоим похищением.

– А щётка-то зачем? – Ира растерялась окончательно.

– Вот дожили, – Ольга подчёркнуто-критически покачала головой. – Девке тридцатник, она до сих пор не знает, зачем людям предметы личной гигиены. Я и пижаму с собой прихватила, рассказать, зачем она, или догадаешься? Так что валите, беседуйте. Пока не договоритесь, домой не приходи.

Ира не знала, злиться ей, или пугаться. Вступили за её спиной в сговор, можно сказать, а её просто в известность ставят, будто она мебель какая-нибудь. Погрузили и увезли. Но Егор вдруг сказал:

– Пожалуйста!

И просительно сложил руки на груди. Это был тот же Егор, что и раньше. Озорной, ласковый. Куда уж тут от нахлынувших воспоминаний деться. И она ответила:

– Ладно. Ульяну предупрежу, что дальше взрослые празднуют самостоятельно.

– Ей будет чем заняться, я тебя уверяю, – ободрила подругу Ольга. – Видела, сколько всего надарили человеку?

Девочка отпустила её с Егором совершенно спокойно. Видимо, Анна Викторовна внутри неё потеряла бдительность начисто. Или почти совсем интегрировалась с маленькой Ульяной. Действительно, если у тебя впереди новая прекрасная жизнь, зачем тащить в неё старые проблемы и обиды.

Всё ещё озираясь и сомневаясь, надо ли ей куда-то идти, она собралась. Честно говоря, не особенно ей хотелось на ночь глядя плестись за Егором, объясняться, почему она ему

лгала, и самое муторное – изменяла ли, находясь с ним в законном браке. Она уже согласна была оставить всё как есть, чтобы не беречь старые раны. Что он вообще собрался с ней обсуждать? Получить извинения за погубленную семейную жизнь, выговориться по поводу тех душевных страданий, что она ему причинила? С другой стороны, всё равно, было некое любопытство, к которому примешивалось и её глубоко личное отношение к Егору, чего уж там. Из подъезда они вышли молча, так же молча сели в машину.

– О чём ты поговорить хотел? Может мы прямо тут всё решим, и Оле пижама не понадобится?

– Можем и тут начать, – согласился Егор, привлёк Иру к себе и поцеловал. Оказалось, она этого очень ждала. Потому что в себя пришла довольно нескоро. Даже если после этого он потребует развеять его подозрения о неверности, гори оно всё синим пламенем, сейчас ей слишком хорошо.

– Я предлагаю всё-таки переместиться в другое место, – сказал Егор. – Там, где нам удобнее будет... поговорить.

– Ага, так ты мы всё-таки собираемся разговаривать, – Ира изо всех сил старалась, чтобы голос у неё не был хриплым и дрожащим, но получалось не очень.

Егор рассмеялся, радостно и беззаботно, словно с облегчением. Завёлся двигатель, они поехали.

– Я ужин приготовил, надеюсь, он не очень остыл.

– Тебе Ольга сказала всё, да? – сообразила Ира.

– Что – всё?

– Ну, что я тогда правда Петю впервые после школы встретила, и не обнималась с ним вовсе, просто поскользнулась, чуть не упала, а он меня поймал. А я смеялась, как дура, от неловкости. Как раз это твоя мама и видела.

– Нет, этого она мне не рассказала, – Егор хмыкнул. – А надо было? Я приехал к ней, сказал что очень хочу с тобой объясниться. И попросил подсказать, когда это удобнее сделать. Она предложила помочь. Вот и всё.

– Значит, всё дело не в том, что ты мне поверил и решил об этом сказать?

– Почему не в том? Я тебе и так поверил. Без оправдашек твоих. Правда, не сразу, сначала у меня шок был от неожиданной информации. Но потом я решил, что мне всё равно. Но с твоими пояснениями всё стало даже ещё лучше.

– Ты хотел... объясниться? Насчёт чего?

– Желаеть, чтобы я тебе в машине в любви признавался? Я ради этого сегодня чуть духовку не спалил, а ты хочешь, чтобы жертва оказалась напрасной? Да и, знаешь, это ещё чревато аварийной ситуацией. Как минимум.

– Ладно, давай говорить о чём-нибудь нейтральном, – предложила Ира. – Пока к тебе едем. Как на работе дела?

– Хорошо, а у тебя?

– Тоже ничего. Новый проект делаем.

– Вы всегда его делаете, насколько я помню. Правда не знаю, он один и тот же, или нет.

– Разные. Подкальываешь?

– Ага, немного.

И дальше почему-то беседа не пошла. Ира смотрела в окно, так внимательно, словно ни разу этого раньше не делала, или там происходили события мирового значения. Егор был в более выигрышном положении, ему надо было рулить и пристальный взгляд на дорогу в его исполнении выглядел более естественно. Примерно на половине пути он догадался, что можно включить музыку. По радио исполняли какой-то рэпчик, вполне нейтрально. Ехали молча, друг на друга не смотрели, детский сад какой-то.

«Вот сейчас придём к Егору, и он скажет, что сам не понимает, зачем с поцелуями подкатил», – подумала Ира.

Повезло, что не пришлось стоять в пробках, а то она бы, наверное, из машины выскочила прямо в темень. На часах почти девять вечера, понесло же её ужинать на ночь глядя. Разве приличные мадамы едят после шести? Ира нервно рассмеялась.

– Надо мной смеёшься? – воспользовался хоть чем-то отдалённо похожим на речевой сигнал Егор.

– Нет, над собой. Очень я бываю забавная.

Егор промычал что-то неопределённое, так что было не понять, соглашается ли он или возражает.

На выходе из машины галантно подал ей руку, приоткрыл дверь подъезда, впуская. Джентльмен, как и прежде, хоть что-то в жизни неизменно. Вот и квартира. Фифа встречать не вышла, слишком много чести. Оно и лучше, без свидете-

лей. Всё так же молча помог снять пальто, разместил на вешалке. Предложил руки помыть перед ужином, сам на кухню пошёл. Ира неожиданно для себя увлеклась процессом, сосредоточенно скребла ладони, пальцы, словно собиралась за столом не запеканку с салатиком употреблять, или что он там наготовил, а сложную хирургическую операцию проводить. «Я так кожу соскребу, надо выходить». Так же тщательно вытерла руки, толкнула дверь ванной, быстро вышла и не сразу увидела Егора. Он стоял и ждал её там. Расположился очень продуманно, так чтобы его дверью не огрело. А вот Ира не ожидала, и буквально в него врезалась. Может, он и это просчитал, вполне на него похоже. Поймал, зарылся лицом ей в волосы, пробубнил в них же:

– Ну всё, больше я тебя не отпускаю.

Легко подхватил на руки, будто тренировался, и понёс во все не в кухню.

– Предлагаю ненадолго отложить наш ужин, – прошептал он ей на ухо по пути в их прежнюю комнату.

– Поддерживаю.

Они, конечно, поговорили. И ужин Ира оценила, правда, ближе к ночи. И пижама, совершенно точно, Ольге пригодилась, в отличие от неё самой. Ей вполне хватило и длинной футболки, коих в шкафу Егора было в избытке.

Что тут рассказывать? Иногда всё может быть предельно просто. Сожалели, скучали и тосковали оба. И оба не могли сделать первый шаг. Пока Егор не проснулся утром с отчёт-

ливой мыслью – он хочет быть с ней. И надо обязательно выяснить, нет ли и у неё симметричного желания.

– Я был дурак, признаю, раскаиваюсь.

– Мы с тобой не на комсомольском собрании, – окоротила его Ира.

Егор преувеличенно внимательно осмотрелся.

– Точно? А то я думаю, почему товарищ председатель не по форме одета. В одной простыне.

В комсомол они уже оба по возрасту не успели, но шутка про «собрание» у них была ещё в той, безоблачной жизни, лишённой смертей и реинкарнаций.

– А теперь дай мне серьёзно сказать. И простынку, будь добра, повыше натяни, а то я отвлекаюсь.

Беседа проходила в постели Егора, где они провели последних два часа и в обозримом будущем вылезать из неё не собирались.

– Я много думал о том, что у нас с тобой было, и понимаю, что виноват. Сейчас бы я расставил все акценты, показал бы маме, насколько ты для меня важна. И сделал бы так, чтобы и она не чувствовала, будто я ребёнок, а меня цыганка украла. Или летучие мыши зомбировали.

– А они могут? – заинтересовалась Ирина.

– Не знаю. Но сейчас не это важно.

– Да ладно! – она изобразила искреннее удивление.

– Слушай, – восхитился Егор. – А ты очень изменилась.

Стала ещё интереснее. И палец в рот тебе не клади.

– А ты попробуй, – Ира бесстыдно ему подмигнула.

Егора будто током шибануло, но он справился с искушением. Договорить ему казалось очень важным.

– Специально разговор в сторону уводишь, да?

– Какую-такую сторону? Я уже всё поняла, – она пожала плечами. – Я стала старше и умнее, ты тоже повзрослел. Мы переоценили пережитый опыт, видим свои ошибки и готовы в этом друг другу признаться. Я тоже, если что, часто была неправа. Требовала, чтобы ты мою сторону занял.

– Да я и должен был, ты же моя жена. Была.

– А она твоя мама. Была и осталась даже после смерти, это навсегда. И она заслуживает уважения. Я могла бы не доводить до такого накала. И мы были эгоистами и ужасными задницами.

Они задумчиво глядели друг на друга, но при этом каждый видел что-то своё. Прокручивали прошлое, со всеми его горестями и радостями. Бывшие супруги, но как выяснилось, вовсе не бывшие влюблённые. Егор понимал, что следующий ход – за ним, но сказать, то что он хотел, было как-то страшно. Вдруг она не захочет забыть их короткий катастрофический брак, не поверит, что он настолько уж сильно изменился, что не поставит её интересы ниже чьих-то ещё. Друзей, например. «Ладно, яжмужик» – подумал он.

– Я, когда готовил этот свой ужин, когда ехал к тебе, хотел просить, чтобы ты ко мне вернулась. Веришь?

– Верю. Ты ужин слегка пересолил, так что не врешь, явно

влюбился.

Ира понимала, что шуточки у неё слегка нервные, но ничего с собой поделаться не могла. Тоже мне, мастер ночного стендапа. Она смутилась.

– Извини, я просто уже разучилась близко общаться с мужчинами. Только по работе, а там без плоского юмора никак. Сплошные гы-гы-гы.

– Ты не представляешь, как я рад слышать, что ты давно ни с кем близко не общалась. Это был мой следующий вопрос, кстати.

– Ого! А ты не оборзел, часом? – на этот раз она совершенно искренне возмутилась. – Кто-то только успел с очередной девушкой расстаться, в то время как я практически в весталки ушла и почти закопалась в материнстве.

– Люблю я твои художественные обороты, – вздохнул Егор. – И ты права, конечно. Но мне всё равно приятно, что у тебя никого не было. Ну, кроме бывшего мужа, понятное дело. Хотя, я сейчас не об этом. Суть моего спича – согласишься ли ты снова быть со мной. Со всеми далеко идущими последствиями.

– Но ты же понимаешь, Ульяна, – начала Ира.

– Ульяна – это твоя дочь, она не моя мама. Даже если душа у них одна и та же, но это другой человек, другой опыт и другая судьба. Это я определённо понимаю. Но почему-то я чувствую, мы с ней легко подружимся. Именно как с ребёнком. Ты же не думаешь, что я сумасшедший псих, который

способен перенести на пятилетку свои детские комплексы?

Нет, она так не думала. Да ей вообще сейчас думать не хотелось. Хватит уже бурной мыслительной деятельности, можно хоть немного побыть вне этих проблем.

– У нас может получиться, – убеждал Егор. – Если человек способен родиться заново, что уж об отношениях говорить.

– Только вот ещё что, – вспомнила она перед тем как кинуться в омут возрождающихся отношений. – Никаких больше Пусь, ладно?

– Вот права всё же была моя мама, у разведённых женщин с детьми обычно скромные запросы, – съязвил Егор, за что был беспощадно побит подушкой.

– Тебе не кажется, что мы уже как-то очень долго разговариваем? – весело спросил он, не пытаясь обороняться.

– Не кажется, так и есть.

– Ну, всё, поговорили.

И он решительно смёл все подушки в сторону.

Утром он вернул Ирину домой. Совершенно непостижимым образом оба чувствовали себя загулявшими подростками, являющимися с рассветом под очи строгой матери. Не двое взрослых людей с разветвлённой любовной историей, а сопливый молодняк, право слово. Ульяна и Ольга уже не спали, занимались завтраком в четыре руки, поэтому часть продуктов пострадала.

– Рановато вы прискакали, – удивилась подруга. – Я думала, до обеда будете разногласия улаживать.

– Ира очень... контактная, – сказал Егор, за что получил локтем в бок. – Она быстро пошла на сближение и мы пришли к полному и обоюдному согласию.

– Вот вроде бы все слова приличные, а в голову мне одни пошлости лезут, – одобрительно кивнула Ольга. – Чего зарделась, как восьмиклассница? Давно пора было.

Ира побаивалась, как воспримет происходящее Ульяна. Поймёт ли девочка, или живущий в ней дух строгой учительницы, что сейчас происходит. Но дочь отнеслась к реинкарнации их личной истории вполне благосклонно.

– Теперь ты чаще будешь к нам приезжать? – уточнила она у Егора.

Тот кивнул.

– А в гости будешь нас звать?

– Даже с ночёвкой, – пообещал Егор.

Похоже, это девочку устроило абсолютно. Лёгкий завтрак рисковал превратиться в праздничное чаепитие. Ольга порывалась уйти, но её так легко не отпустили, вызвалась работать сводней, так терпи.

Когда Егор с неохотой, уже под вечер собирался домой, Ульяна отвела его в сторону, подмигнула и сказала заговорщицки:

– Будешь ей опять предложение делать, подари моё кольцо. Я всегда этого хотела, просто сказать не знала как.

Значит, всё же помнит, кем была. Поначалу ему и самому было страшновато. Это ж в какую родственно-кармическую

реку он собрался войти?

Кем он станет? Отчимом своей покойной матери, которая переродилась в ребёнка его бывшей и будущей жены? От одних мыслей мурашки по коже. Но постепенно всё сглаживалось. Было всё больше Ульяны и всё меньше Анны Викторовны.

– Она отработала болевые моменты, которые заставляли её всё время вспоминать о прошлом, – объяснила Тара. – Больше ей эти переживания не нужны. Вы теперь вместе, она не стоит между вами. Можно сказать, исправила свою ошибку, поняла, что её любят, приняла и полюбила тебя. И ты теперь знаешь, что перед смертью она подумывала помириться, хотела выбрать подарок. Она тебе об этом сказала. И показала, что хочет вам с Егором счастья. Так что теперь её душа свободна для новых открытий и наслаждается детством.

– Ульяша совсем всё забудет?

– Нет, душа-то останется прежняя. Могут проскакивать привычки из прошлой жизни, это будет проявляться в любви к каким-то вещам, фильмам, книгам. Возможно, в жестах, играх. Но совершенно уже неосознанно.

Через месяц после свершившегося с ними примирения и согласия, Егор позвал Иру и Ульяну отдохнуть вместе на природе.

– Серьёзно? – прищурилась Ирина, увидев, куда он их привёз. Тот самый отель, те самые воспоминания.

– Пожалуйста, притворись, что ты не догадываешься, за-

чем я тебя сюда пригласил, – попросил Егор. – Или мы опять в машине всё начнём?

– Нет, – вздохнула она. – Не буду тебе портить красивый сценарий.

– Тут и лошадки есть, помнишь?

– Лошадки? – теперь уже оживилась Ульяна.

Кольцо на этот раз было не в конфетах, он просто протянул ей футляр за ужином, и спросил, согласна ли она дать ему ещё шанс. Хотя это и звучало вычурно и как-то слишком картонно, Ира опять расплакалась. А следом за ней и Уля, сама не зная, почему. Возможно, увидела «своё» кольцо и расчувствовалась.

– Видимо, с каждым моим предложением будет плакать всё больше народа, так что на этом пора остановиться, – сказал Егор.

Ира вначале категорически возражала против свадьбы, считая её смешной, в сложившейся ситуации.

– Я, как твой первый и будущий третий муж, тоже ведь имею право голоса, – убеждал Егор. – Мне хочется праздника, и чтобы все видели, что я тебя снова завлѣк в свои сети. Друзья и в прошлый-то раз удивлялись, как я такую шикарную девицу под венец затащил. Мирон даже сказал, что ты под гипнозом была, либо мне в руки попали фотографии, где ты носишь брекеты, и ими я тебя шантажировал. И потом, может и смешно, да. Но разве ты против веселья? Давай развлекаться.

– Не носила я брекеты, – обиженно сказала Ира.

– Это всё, что ты поняла из моей речи? – Егор сделал нарочито заботливое лицо.

– Я всё поняла. Давай сюда свою свадьбу, так и быть. Только в белом платье я позориться уже не буду.

– Ладно, можешь позориться в любом другом, на твой выбор, – разрешил Егор, и предусмотрительно отскочил подальше.

Правда, секунд через десять вернулся к невесте, чтобы попросить прощения за свои глупые шуточки и уверить, что позориться она ни при каких обстоятельствах не будет ни в одном из придуманных человечеством нарядов, или совсем без них, что даже намного лучше.

– Вот как тебя всерьёз воспринимать, а? – спрашивала Ира, возводя очи к потолку.

Впрочем, вопрос этот был риторический, поскольку на самом деле всё было ого-го как серьёзно, а Ира вновь пребывала в эйфорическом состоянии, и дала себя уговорить и на платье, и на торжество, и на фотосессию. Особенно когда Егор взял в союзники Ульяну. Похоже, против этого сложившегося тандема она бессильна, порой это даже пугало. Неужели это те же грабли, только модернизированные? Более компактные, так сказать. Но жених был внимателен, старался предвосхищать все её желания, а с девочкой выстраивал отношения, согласно иерархии ребёнок-взрослый. И, к счастью, роль взрослого отводилась ему.

С небольшим внутренним содроганием Ирина думала, как оповестить о предстоящей свадьбе Петра. Его реакции она слегка побаивалась. Как-то раз замученный героический отец забежал проведать Ульяну, и та с порога обрадовала его новостью. Уж очень она была большая и важная, и девочке хотелось разделить радость обладания ею со всеми близкими людьми. «Вот и хорошо, самой не рассказывать» – вздохнула про себя Ира. Петя хмуро на неё глянул, и этот взгляд говорил: «Я так и знал». Что ж, подтверждать чужие подозрения ей было не впервой.

А вечером Ира во второй раз в жизни встретила Дашу. Да и как сказать, встретила. Та приехала в гости, с тортом и бутылкой шампанского, поздравить.

– Знаешь, я до сих пор боялась, что Петька к тебе сбежит. Есть у него такая фишка, между бабами суется. Открой шипучку!

– А ты разве не кормящая? – растерялась Ира.

– Фигня вопрос, разок сцежусь, – Дарья хлопнула ладонью по столу. – Давай за окончание всех наших разногласий. Как это психологи говорят? Закроем гештальт.

«Что-то много в моей жизни стало всяческой психологии и терминологии» – подумала Ира, но пошла за бокалами. Против Даши она никогда ничего не имела, да и чисто женское любопытство никуда не денешь, интересно с ней поболтать. По счастливой случайности пара фужеров в полупустом шкафчике осталась. Посуды у них уже почти не было, Ира и

Ульяна уже пару недель как понемногу перевозили своё не такое уж и богатое имущество. Егор, ранее в амурных делах не очень поспешный, на этот раз приложил немалые усилия, чтобы убедить Иру переехать к нему, надолго не откладывая. Он развернул бурную деятельность, и через знакомых нашёл молодую семью, которой «вот прям скоро» нужна была квартира на долгое время, именно в том районе, где жила его дама сердца. Наведался в гости к заведующей детского сада в своём микрорайоне. Она, по счастью, была знакомой его мамы и согласилась принять новенькую девочку, не затягивая процесс. Тонко действовал через Ульяну, так что Ирина отбросила свои сомнения и вещички собирала ещё до предложения руки и сердца. Дарья скудность обстановки и коробки по углам сразу отметила.

Подготовка к свадьбе велась уже не с таким размахом, как в первый раз. Ира настояла на более скромном торжестве, где и гостей по-минимуму, и в ЗАГС не на лимузине. Платье не шили, купили готовое, приятного голубоватого оттенка, она в нём просто отлично смотрелась.

Добрые подруги нарисовали огромный плакат «Поздравляем с Deja Vu». Родители Иры в открытую приехали по отдельности, не изображая семейную пару. Отец Егора выглядел ещё более обескураженным, чем семь лет назад. Ире показалось, что он не очень осознавал, что происходит, и не сразу понял, что невеста та же самая, что и в прошлый раз. Ольгу вновь позвали в свидетельницы, хоть она и со-

противлялась. Призывала не повторять в деталях прошлый брак. Но молодожёны настояли на своём, пообещали привлечь другого свидетеля со стороны жениха, для разнообразия. В прошлый раз Мирон был, а сейчас Жеку попросят. За праздничным столом, наконец, был представлен Иннокентий, официальный Ольгин «бойфренд». Он оказался вполне компанейским и сумел расположить к себе даже требовательную Ульяну, из которой получилась очаровательная подружка невесты. Правда, девочка, похоже чувствовала себя при этом кем-то вроде управляющего церемонией бракосочетания.

– Не обижайте друг друга, поняли? – строго сказала она счастливым брачующимся. Впрочем, после свадьбы она перестала разговаривать с ними, как с неразумными детьми. Они в её иерархии прочно заняли место взрослых, а она – позицию любимого ребёнка.

Если бы на этой свадьбе и состоялась драка, то она была бы не типичной, поскольку участвовали бы в ней свидетельница и один из друзей жениха. Поскольку, на взгляд Ольги, «парубки» пошутили весьма неуместно и даже зло. Они подарили паре красивые дизайнерские грабли, с привинченной к ручке табличкой «Не наступать». Вот не зря Ира именно об этом садовом инструменте размышляла.

– Это Серый придумал, – оправдывался потом Мирон. – Он очень переживал, когда вы развелись.

– Ты не обиделась? – шёпотом спросил Егор, когда довольные своим чувством юмора мужики внесли в зал выполненный на заказ инструмент.

– Мне сложно сформулировать, что я сейчас чувствую, – растерянно, но так же тихо ответила невеста. – Так-то с ними не поспоришь.

– Дорогие наши молодожёны, – вступил Сергей, он же Серый, идейный вдохновитель сатирического подарка. – Мы желаем вам не повторять прежних ошибок, а эти грабли использовать только в качестве экспоната.

Сидящая рядом с Ириной Ольга медленно наливалась маковым цветом, будто приняла намёк на свой, а не подругин счёт. Как бы в бой не кинулась, тем более что и подходящее орудие как раз к столу подали. Положение спас жених, бросившись на амбразуру. Он поблагодарил друзей и громко сказал:

– Чтобы ситуация не повторялась, её просто надо преломить. Сейчас я так и сделаю.

Он уверенно взял грабли и резким движением сломал их о колено. Нет, вручную обработанное дерево не сразу прямо так взяло и треснуло, хоть черенок и был достаточно изящным. Пришлось приложить ещё раз. Но в сухом остатке, выступление получилось впечатляющее.

– Если это и грабли, – дополнил Егор, – то вы, ребята, даже себе не представляете, насколько приятно на них наступать.

Присутствующие находчиво закричали: «Горько!», чем

очень удачно всех отвлекли от произошедшего.

– Блин, – заметил Олежка, один из дарителей грабель. – Похоже, им до сих пор нравится целоваться. После стольких лет знакомства. Странные люди.

Сам Олежка не так давно развёлся, и делил с бывшей женой всё, вплоть до ложек и полотенец. Ему и подумать было дико, что можно развенчанной супруге хотя бы руку по своей воле пожать.

Егор с Ирой частично сами были виноваты в таком антибрачном выступлении друзей. После их феерического объединения они ни разу не выбрались вместе с тёплой Егоровой компашкой ни на пикник, ни хотя бы по улице погулять. Собраться не смогли, всё время дела какие-то, а потом и вовсе подготовка к свадьбе. Егор только по телефону с ребятами общался. Вот и выстрелили грабельки.

Героический поступок не прошёл бесследно, до конца вечера жених слегка прихрамывал и морщился. А потом (спойлер) на месте встречи черенка с телом долго красовался солидный кровоподтёк. Подвыпив, друзья подошли к паре с повинной головой, которую, как известно, меч не сечёт.

– Ир, ты нас прости, – вздохнул тот самый Серый. – Мы не со зла. Так-то мы уважаем Гохин выбор.

Ира была в курсе, как друзья называют её мужа, но не выдержала, засмеялась, уткнувшись носом в букет невесты.

– Но-но, тебе его кидать ещё, – шутливо запротестовал Егор.

– Да чего кидать, опять в Ольгу прилетит.

Но свадьба – свадьбе рознь. На этот раз цветы пролетели мимо свидетельницы, ударив по затылку Марту, которая в тот момент принимала рабочий звонок, судя по всему совершенно неотложный. Лицо её во время разговора всё больше и больше озарялось, и как раз на пике сияния и случилось букетопадение. Впрочем, даже такая неожиданность не смогла снизить накала чистой радости журналистки. В тот день причины она не сказала, дабы не перетягивать на себя даже крошечную частичку внимания, озвучила лишь через пару дней. Практически перед самым отъездом. Нет, девушка не покидала столицу насовсем, хотя в каком-то смысле, из своего вояжа должна была вернуться другим человеком, уже не той самой Мартой. Ей пришло приглашение из того самого монастыря в заброшенной деревушке, где пребывал в нирване её ночной гость. Добиться возможности посетить святыню было непросто, но Марта очень постаралась. Описала подробнейшим образом причины, по которым хочет видеть Ринпоче. Её письмо прочитали почтенному учителю, и монахам показалось, что старец мимолётно улыбнулся краешком губ, как Мона Лиза. А через час прошёл благодатный дождь, которого ждали уже пару месяцев. Это поразило последователей мудреца до такой степени, что они согласились принять русскую журналистку и провести её к Пхубу, всё ещё неподвижно сидящему в своей полувековой медитации.

Накануне вылета, по счастью, был четверг. Хотя надо сказать, после того самого телевизионного эфира старец к ней больше не приходил. Возможно, Марта сама испугалась, что человек, которого она принимала за порождение своего подсознания, оказался реальной личностью. А может, Пхубу был рад встрече с соратниками, пусть и молчаливой, и сам не хотел уже летать во сны к своей молодой подруге. Эта загадка так терзала Марту, что она и решила во что бы то ни стало отправиться к истокам. Более удивительным фактом, чем контакт с бестелесным воплощением великого Учителя, Марте показался неожиданный энтузиазм Самуила. Он даже согласился отправить сотрудницу в творческую командировку. Какой профит он собрался получить с этой поездки, осталось загадкой. Вероятно, обладание таким эксклюзивом и подстегнуло его щедрость. В ночь перед отправкой в заброшенную деревню Марта неожиданно для себя увидела во сне Пхубу, и ужасно растерялась.

– Нашла меня, свиристелка? – ласково сказал дедок. – Рад буду твоему приезду. Тебе давно пора куда-нибудь выбраться.

– Тебе привезти что-нибудь? – невпопад спросила Марта.

– Ты прямо сейчас в круглосуточный магазин побежишь? – дребезжащий смешок старика был таким громким, что Марта побоялась, как бы не проснуться.

– Впрочем, свечи с запахом лайма ты купить успеешь. В

монастыре жгут всякое старьё, честное слово.

– А ты и ароматы чувствуешь, когда в теле?

– Конечно. Я живой, ты не подумай чего.

– Почему ты не приходил так долго? – задала девушка животрепещущий вопрос. – Я, может, и не вызванивала бы твоих монахов так усердно, если б с тобой могла поговорить.

– Пугать тебя не хотел. Одно дело – воображаемый друг во сне приходит, другое – могущественный тибетский лама.

Свечи Марта нашла и купила, эзотерическому журналисту это раз плюнуть, хоть глубокой ночью.

Вернулась она почти через месяц, умиротворённая и тоже с загадочной полуулыбкой. Ольга сказала, что от мудреца ей явно передался «синдром Джоконды». Старец так и не пробудился, но Марта была уверена, что он всё слышит, когда навещает своё брненное иссохшее тело. Правда, это бывает нечасто, потому что в основном его душа преодолевает временные и пространственные барьеры, путешествуя почти круглосуточно.

Ульяна ещё какое-то время помнила события прошлой жизни. В возрасте примерно шести с половиной лет она увидела странный сон. В нём она была на похоронах, своих собственных, разумеется. С памятника на неё смотрела Анна Викторовна. Фото было густо заставлено венками, и словно выглядывала из кустов. Ульяна... или Анна... чувствовала себя потерянной и словно замёрзшей, хотя не могла ощущать перепадов температуры. У могилы стоял Егор с убитым вы-

ражением лица, его держала под руку Ирина. Ульяна – Анна видела, что между этими двоими словно проявляется трещина. Они вроде бы и рядом, но уже не вместе. И тут ей стало жаль сына. И эту упрямую девчонку, живущую какими-то шаблонами, которые она искренне считает своими идеалами. Вот бы сказать им, что с ней всё в порядке и она не умерла. Хотя, её состояние и жизнью назвать сложно. Ира вдруг подняла глаза и посмотрела в упор, будто могла увидеть. И судя по испугу на лице, и правда увидела. Разве может такое быть? Почему она, а не её родной мальчик? Потом Анну будто завертело, скрутило в спираль, она пронеслась, кажется, через всё кладбище, а затем услышала громкий хлопок. И очутилась перед тем же странным существом, что и сразу после аварии. Мамы... то есть, её, Анны мамы, на этот раз не было.

– Что-то пошло не так? – спросила новопреставленная душа.

– Ничто не может пойти не так, – получила она ответ. – Всё может пойти по-другому. Но как правильно, этого никто не знает. Попробуешь ещё раз, уже скоро. Может, с твоей помощью он даже станет счастливым. Хотя – это только в его руках.

После этого она проснулась, но ничего уже толком не помнила. Воспоминания словно растворились в ней, дверца во вторую память захлопнулась, уступив всю инициативу нынешней, новой жизни. Она уже не понимала, зачем ей было

сбегать от воспитателей и почему пыталась ссориться с мамой. Со своей единственной мамой, а других она и не знала, да и не надо, ведь эта – самая хорошая и ближе неё нет никого и никогда не было. Всё находилось на своих местах. Возможно, какое-то «правильно» всё же есть.

***

Они гуляли втроем по предновогодней Праге. Ульяну очаровал красивый город, нарядное рождественское оформление. Девочка нашла детскую площадку и самозабвенно её исследовала.

– Из неё отличная путешественница выйдет, – одобрительно сказал Егор, наблюдая как девочка общается с совершенно незнакомыми ей чешскими детьми.

– Уже, смотрю, вышла, – засмеялась Ира. – Она меня вчера спрашивала, когда мы в Индию полетим.

– Ну, это уже теперь только после того, как у нас новый компаньон подрастёт.

Оба посмотрели на уже заметный Ирин живот, он слегка выступал, из-за чего дизайн пальто выглядел скруглённым. Пятый месяц уже идёт, как-никак.

– Как думаешь, закончились наши испытания? – спросила она, взяв мужа за руку.

– Конечно. Мы с тобой уже женаты дольше, чем обычно.

– Да ну тебя! – Ира шутливо толкнула Егора. – Знаешь, я себя чувствую немного Петей. Чуть что – сразу детей рожаю.

Они сейчас третьего совместного вынашивают.

Странно, конечно было вспоминать о своём, можно сказать, случайном бывшем муже в такой момент, но реплика вполне к месту. Уля буквально перед отъездом сообщила, что видела тётю Дашу с большим животом: «Там, наверное, ребёночек или их даже сразу пять». А несчастный Петин вид эти слова полностью подтверждал.

Егор с сомнением оглядел Ирину.

– Не. Ты на него не похожа. И у нас не чуть что. Нам давно пора было. Я очень жду нашего с тобой мальчика.

– Очень надеюсь, что на этот раз без неожиданностей обойдётся, – вздохнула Ира. Проходить заново кармические уроки с чьей-нибудь реинкарнацией ей не хотелось категорически. Она когда узнала о новой беременности, сначала немного испугалась, хоть они ребёнка и планировали, потом уже ощутила ту радость, которая и по сей день с ней пребывает. Сына собирались назвать Даниилом.

Егор обнял жену.

– Впереди у нас ещё много-много счастья. Все сложности и неясности наконец-то, закончились. И наступающий год будет удивительным.

– Да, – согласилась Ира. – Ведь у него и цифра такая необычная, волшебная. 2020.